

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

保元物語

ХОГЭН МОНОГАТАРИ
сказание о годах хогэн

С е р и я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

*Издательство «Гиперион» выражает
благодарность Японскому Фонду (г. Токио)
за финансовую помощь в издании
этой книги*

*Publication of this book was generously supported
by a grant from The Japan Foundation*

ХОГЭН МОНОГАТАРИ

Сказание о годах Хогэн

Перевод со старояпонского, предисловие и комментарии
В. Н. Горегляда

**«Гиперион»
Санкт-Петербург
1999**

Г341 Хōгэн моногатари — Сказание о годах Хōгэн /Пер. со старояп., предисл. и коммент. В. Н. Горегляд. СПб.: Гиперион, 1999. — 176 с. — (Литературные памятники древней Японии. V).

В 1156 г. три крупных феодальных дома (Фудзивара, Тайра и Минамото) столкнулись между собой в борьбе за верховную власть. Четвёртой стороной борьбы были крупные буддийские монастыри. Все участники располагали собственными воинскими формированиями (самурайские дружины у феодальных домов, отряды монахов-воинов у монастырей) и разделились на два враждующих лагеря. Один из этих лагерей в качестве претендента на престол выдвигал экс-императора Сутоку, другой — его брата Госиракава. Об отдельных эпизодах этих событий («смута годов правления под девизом Хōгэн») уже через несколько десятков лет после их окончания стали рассказывать перед многими слушателями под аккомпанемент японской лютни *бива* слепые сказители *бива-хоси*. Слушатели собирались и в буддийских храмах, и в феодальных поместьях, и при императорском дворе, и среди полей в провинции. Интерес слушателей усугублялся тем, что средневековые японцы верили, будто рассказы о погибших героях способствуют упокоению их душ.

На русском языке публикуется впервые.

ББК Ш5(5Я)

Перепечатка данного издания или отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно только с разрешения издательства.

© В. Н. Горегляд, перевод,
предисловие, комментарий, 1999
© «Гиперион», 1999

ISBN 5-89332-017-4

НАЧАЛО «САМУРАЙСКОГО ЭПОСА»

Жанр *гунки* (воинских повествований) чаще всего определяют как самурайский эпос. Корректность этого определения не абсолютна, хотя оно и имеет под собой некоторые основания. Распространённые у нас жанровые определения выработаны на материале европейских литератур и не всегда в точности подходят к литературам других традиций. В средневековой японской литературе нередко весьма расплывчатыми оказываются границы самого понятия художественной прозы.

Что касается жанра *гунки*, история которого открывается «Сказанием о годах Хōгэн», в нём можно отметить несколько особенностей, резко отличающих его от эпических сказаний многих народов. Почти все герои этих произведений — реально жившие люди, события, описанные в них, — реальные исторические события, происходившие именно в тех местах, которые названы в тексте памятника, и именно в те дни, которые в нём указаны.

Историческая база

Середина XII в. в политическом отношении была очень беспокойной. В 1086 г. император Сиракава (1053–1129, на престоле с 1073 г.) отрёкся от престола в пользу своего девятилетнего сына, принца Тарухито (на престоле находился в 1086–1107 гг. под именем Хорикава), оставив за собой реальную политическую власть. В Японии начался период правления экс-императоров (*инсэй*). Фактически власть в стране и раньше не принадлежала императорам, занимавшим престол. От их имени страной управляли регенты (*кампаку*) из рода Фудзивара, которые приходились малолетним Сынам Неба (иногда на престол возводили трёх-четырёхлетних мальчиков) дедами по материнской линии.

Экс-император Тоба (1103–1156, на престоле — в 1107–1123 гг.), старший сын Хорикава, жёсткий и бескомпромиссный правитель, после смерти своего деда стал продолжать его политику. Сначала он управлял страной от имени своего старшего сына Сутоку (1119–1164, на престоле — в 1123–1141 гг.; в тексте памятника описан как Новый экс-император), а после отречения Сутоку от престола — от имени его

преемника, своего 9-го сына, императора Коноэ (на престоле — в 1141–1156 гг.).

В 1156 г. ситуация в высших кругах власти Японии сильно осложнилась. Экс-император Тоба умер. Незадолго до него умер император Коноэ. Три крупных феодальных дома (Фудзивара, Тайра и Минамото) столкнулись между собою в борьбе за верховную власть. Четвёртой стороной борьбы были крупные буддийские монастыри. Все участники располагали собственными воинскими формированиями (самурайские дружины у феодальных домов, отряды монахов-воинов у монастырей) и разделились на два враждующих лагеря. Один из этих лагерей в качестве претендента на престол выдвигал экс-императора Сутоку (при этом допускалась возможность сделать Сутоку фактическим правителем при его сыне Сигэхито, который стал бы марионеточным императором), другой — его брата Госиракава (принца Масахито, 4-го сына Тоба от другой супруги).

Основу нравственного воспитания средневековых японцев составляли книги конфуцианского канона, т. н. Пятикнижие. В одной из них, «Книге установлений» («Ли цзи»), содержится такое положение: «Отец должен проявлять родительские чувства, а сын почтительность; старший брат — доброту, а младший — дружелюбие, муж — справедливость, а жена — послушание, старшие — милосердие, а младшие — покорность, государь — человеколюбие, а подданные — преданность. Эти десять качеств и именуются человеческим долгом»¹.

Между тем, по разные стороны баррикад в междоусобных войнах здесь часто оказывались даже близкие родственники — отцы и сыновья, старшие и младшие братья, дяди и племянники. Экс-императора поддерживал Левый министр Фудзивара-но Ёринага, а его противника — брат Левого министра, канцлер Фудзивара-но Тадамити; глава Сысского ведомства Минамото-но Тамэеси был одним из активных сторонников Сутоку, а его сын Ёситомо стал правой рукой Тайра-но Киёмори, военного лидера противников экс-императора. Тадамаса, дядя Киёмори, был в числе его противников.

В условиях гражданской смуты принципы конфуцианских отношений между людьми ставили участников этой смуты перед неразрешимыми проблемами. Когда отец или старший брат воина выступал против его сюзерена, ему приходилось самостоятельно решать, что главное — чувство верноподданничества или сыновней почтительности и дружелюбия. Впрочем, проблему часто помогали решить политические и экономические соображения: в стране активно укреплялось поместное землевладение. Поместья одно за другим переходили из рук в руки, в том числе в пределах одного феодального клана.

Открытое военное столкновение 1156 г. продолжалось всего несколько часов. Победу одержали сторонники императора Госиракава, возглавлял которых будущий диктатор Японии Тайра-но Киёмори (1118–1181). Многие их противники погибли в бою или были казнены после того, как мятеж был подавлен. В числе казнённых было 12 членов одного только дома Тайра².

Столкновение в сознании героя двух категорий, долга и чувства, — одна из сюжетообразующих пружин воинских повествований.

Возникновение воинских повествований

Об отдельных эпизодах событий 1156 г. («смута годов правления под девизом Хогэн»³) уже через несколько десятков лет после их окончания стали рассказывать перед многими слушателями под аккомпанемент японской лютни *бива* слепые сказители *бива-хоси*.⁴ Слушатели собирались и в буддийских храмах, и в феодальных поместьях, и при императорском дворе, и среди полей в провинции. Интерес слушателей усугублялся тем, что средневековые японцы верили, будто рассказы о погибших героях способствуют упокоению их душ. Может быть, этим отчасти объясняется тщательное перечисление в повествованиях имён участников событий, точная датировка этих событий, вплоть до месяца и дня, указание мест, где они происходили.

По европейским представлениям такая *приверженность к привязке событий во времени и на местности* делает воинские повествования похожими на исторические хроники, тем более, что речь в них идёт о реальных событиях. Но она представлена в произведениях разных жанров средневековой японской литературы, содержание которых далеко от описания истории — в поэтических антологиях (вступления к стихотворениям), сборниках легенд и преданий, устных рассказах и сказках.

«Песня Каса Канамура, сложенная зимой второго года Дзинки [725 г.], в десятом месяце, когда император [Сёму] пребывал во дворце Нанива» (антология «Манъёсю», VIII в., пер. А. Е. Глускиной).

«Сложил эту песню по повелению государыни Нидзё, которая в ту пору ещё называлась Госпожой из Опочивальни, когда она пожелала в третий день первой луны, чтобы случившиеся тут приближенные слагали стихи о снегопаде в солнечную пору» (антология «Кокинсю», X в., пер. А. А. Долина).

«Во времена правления великой государыни [Дзито] жил-был монах из Пэкче по имени Тадзё. Он жил в горном храме Хоки, что в уезде Такэти» («Нихон рёнки. Японские легенды о чудесах», IX в., пер. А. Н. Мещерякова).

«Осенью второго года Дзюэй камакурский Хёэ-но сукэ Ёритомо созвал в Камакуру всех воинов восьми провинций» («Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV–XVI веков отогидзоси», пер. М. В. Горопыгиной).

Эпические сказания западных народов создавались главным образом в дописьменную эпоху. Ещё Тацит писал, что песни германских племён заменяют им историю. То же можно утверждать и о сказаниях о Манесе, Кёроглы, Давиде Сасунском, Амирани. Отдельные песни об этих героях появились и начинали исполняться ещё до зарождения письменности у соответствующих народов. Правда, былины зародились у письменного народа, но, несмотря на это и на распространение летописной и житийной литературы в России, воспринимались их слушателями как сказания исторические. Во всех случаях исторический и фантастический элементы переплетены здесь тесно. К обоим из них слушатели относились одинаково доверчиво, независимо от их социальной принадлежности. Несомненно, значительную роль в таком отношении слушателей играл сакральный аспект сказаний.

Гунки впервые появились примерно через пятьсот лет после заимствования японцами китайской иероглифической письменности, почти через триста лет после изобретения японского силлабического письма. С начала VIII в. в Японии создавались исторические трактаты, X–XI вв. — эпоха расцвета художественной прозы на японском языке. Мятёж Тайра-но Масакадо 939–940 гг. подробно описан на китайском языке в документальных «Записках о Масакадо» («Сёмонки»), безусловно известных слепым сказителям.

Распространение эпического творчества на фоне стадильно более развитой письменной литературной традиции (в начале XI в. в Японии был создан самый объёмистый к тому времени в мировой литературе роман — «Повесть о Гэндзи» Мурасаки-сикибу) объясняется своеобразием исторических условий. В XII в. в результате кровопролитных войн между феодальными домами Тайра и Минамото к власти в стране пришло самурайство — в массе своей неграмотные воины-дружинники из восточных провинций о. Хонсю (т. н. восточные варвары), среди которых крепка была клановая организация с устойчивыми моральными, религиозными и воинскими традициями. Утончённая цивилизация придворной аристократии была непонятна самураям.

В культуре необычайно активизировался фольклорный элемент.

Проблемы, встающие перед исследователями воинских сказаний средневековой Японии, можно разделить на три группы: 1) каким образом элементы культуры предшествующих веков участвовали в формировании *гунки* (от художественных особенностей памятников до исполнительской манеры сказителей); 2) каковы художественные, идейные и прочие особенности самих сказаний, исторический и культурный контекст, в котором они складывались и циклизировались, типологическая их связь с воинскими эпосами других народов (ритмическая организация

текста, роль вставных эпизодов, гиперболизация характеров героев и обстоятельств, в которых они выступают, формульная техника, отношение *гунки* к исторической реальности и т. д.); 3) трансформация жанра и его влияние на дальнейшую японскую культуру.

Межклановая борьба во второй половине XII в. трижды приводила к вооружённым конфликтам — в 1156, 1159–1160 и в 1185 гг. Это было время прихода к абсолютной власти, безраздельного господства, сокрушительного поражения и гибели феодального дома Тайра под ударами соперничавшего с ним дома Минамото. Каждый из этих конфликтов лёг в основу серии устных сказаний, в скором времени циклизовавшихся в самостоятельные произведения.

В XIV в. страну много десятилетий сотрясали новые сражения, т. н. война Южной и Северной династий. Слепые исполнители разнесли по Японии огромное количество новых сказаний, которые уже к концу столетия циклизировались в новое большое повествование.

Разница между первыми *гунки* и этим последним была не только в их сюжетах, но также и в идейном содержании.

Дидактический и эмоциональный аспект «Сказания»

Гунки демонстрируют единство героического и дидактического аспектов, причём последний из них используется в них как сюжетобразующий принцип.

На все воинские сказания определяющее идейное влияние оказали буддизм и конфуцианство. При этом, если в XIV в. тон задавала конфуцианская концепция долга как основы вселенской гармонии и спокойствия в государстве, то в первых сказаниях преобладала трактовка событий и судеб героев в буддийском духе.

По старинной буддийской легенде, особенно распространённой в позднехэйанской Японии (XI–XII вв.), в середине XI в. наступал последний, разрушительный этап в истории буддийского учения — этап «конца Закона» (*маппо*). Его признаки современники усматривали в частых стихийных бедствиях, эпидемиях, междоусобицах распри. К числу последних прежде всего относили войны между кланами Тайра и Минамото.

Проникновение концепции «конца Закона» в сознание сказителей определило общий идейный настрой «Сказания о годах Хогэн». Условно его можно определить как кармический. Карма (буддийский закон нравственной причинности) явлена здесь в разнообразных видах, но в первую очередь, как индивидуальная. Монах-экс-император Тоба говорит: «Я горд благими последствиями десяти видов добрых деяний, совершённых мною в прежних жизнях. Но, несмотря на то, что достиг я

высокого ранга императора, этот ранг не лишён связи с заблуждениями, которые присущи смертным в трёх мирах — мире желаний, мире форм и мире без форм». Говоря о тяжёлой судьбе монарха, погубленного мятежным вассалом, сказитель замечает: «Государь, обладавший десятью добродетелями, хозяин престола, не мог избежать действия кармы, идущей из прежних существований». Знаменитый поэт Сайгё-хоси пишет о покойном экс-императоре Сутоку: «Из-за того, что воздаяние за прошлые жизни было неблагоприятным, ныне государю пришлось стать пылью в сих отдалённых пределах».

Кроме отсылок к популярным буддийским категориям, «Сказание о годах Хогэн» изобилует упоминанием разного рода ситуаций из истории буддизма, буддийских сутр, подвижников и будд (в том числе — вымышленных).

Буддийская трактовка событий органично переплетается с конфуцианской. Очевидно, что для средневекового японца в понимании общественных явлений не существовало границы между этими учениями. Повествуя о заговоре Нового экс-императора, сказители причудливо сочетали конфуцианские понятия с их объяснением в буддийском духе:

«Потом все стали действовать вразброд — воины обоих домов, Минамото и Тайра, прислуживавшие у императорского дворца и у покойного экс-императора — одни нарушали наказания отцов, другие позабыли о почитании старшего брата младшим, каждый стал действовать как ему вздумается, вплоть до отца с сыном, дяди с племянником, всех родственников, господина и подданного. Вся Япония разделилась надвое.

В столице благородные и подлые, высшие и низшие соглашались между собою, говоря:

— Теперь на этом заканчивается свет. Всё теперь погибнет. Тот, кто именуется канцлером, — старший брат, а господин Левый министр — его младший брат. Великие полководцы Царствующего государя — Ёситомо, владетель провинции Симоцукэ, и Киёмори, владетель провинции Аки. Великие полководцы экс-императора — это отец Ёситомо, Рокудзё-хоган Тамэси, и дядя Киёмори, Тайра-но Тадамаса, помощник главного конюшего Правой стороны. Не задумывались они о том, кто победит, а кто проиграет.

Однако, «согласно учениям», во время сражения один непременно выигрывает, а другой проигрывает, и заранее трудно бывает узнать результат. Он соответствует лишь наполненности судьбы и зависит только от глубины кармы» (свиток I, гл. 4).

Иногда сочетание буддийских представлений с конфуцианскими встречается в одной и той же фразе, как во II свитке (гл. 1): «Согласно обещанию, данному в прежней жизни, мы стали господином и слугой

и будем следовать этому обещанию до самого конца». Далее здесь развивается идея связи господина и слуги в строго конфуцианском духе.

Ещё одним идейным фактором, влияющим на развитие сюжета в «Сказании», является ссылка на прецедент из китайской истории.

Великая восточно-азиатская культурная общность испытывала подавляющее влияние китайской цивилизации не только в эпоху заимствования соседними с Китаем народами иероглифической письменности, системы землевладения или конфуцианской философии. Китайская история, литература и точные науки на протяжении столетий оставались образцовыми для соседних народов. Японские авторы особое значение придавали прецеденту из истории Китая, благо китайские хроникёры тысячелетиями фиксировали события в династийных историях и исторических трактатах.

Не составляли исключения во внимании к китайским образцам и историческим прецедентам и воинские повествования. В «Сказании о годах Хогэн», кроме указаний на конфуцианские этические нормы, то и дело встречаются заимствованные из китайских памятников представления о «голосе феникса», «девятывратном дворце», «лике дракона», отсылки к примерам из истории Китая (например: «Несмотря на то, что ханьский Гао-цзу правил Поднебесной с мечём в 3 сяку в руках, когда он погубил хуай-наньского Цин-бу, он сам лишился жизни, поражённый случайной стрелой») и даже небольшие новеллы из китайских исторических сочинений.

Целью указания на исторический прецедент является оправдание или объяснение смысла поступка героя. Кармическая связь вызывает ту или иную ситуацию, объясняет судьбу героя, его социальное положение. Но в целом «Сказание о годах Хогэн» проникнуто ещё одной общей идеей — идеей греховности выступления против монаршей власти и неизбежности поражения такого выступления. От начала до конца произведения повествователь пространственно не покидает лагерь сторонников мятежного Сутоку. Этим вызван и эмоциональный настрой памятника в целом: повествуя о героических помощниках мятежника, упоминая в качестве мотивов его выступления японских монархов, повторно занимавших оставленный ими престол, повествователь представляет замысел мятежников обречённым на поражение и оплакивает горестный конец неудачников.

Насыщенность «Сказания» книжными элементами (в том числе и указаниями на примеры из древней японской истории) настолько велика, что наводит на мысль об авторском его происхождении, о написании этого произведения одним эрудированным книжником. Одно время даже называли имя такого книжника, некоего Токунага Харумо, хотя современные исследователи от такой атрибуции по ряду причин отказались.

Фольклорный элемент в «Сказании»

Композиционно «Сказание о годах Хōгэн» представляет собою законченное произведение с завязкой, изложением хода событий в их последовательности, развязкой и эпилогом. Таким оно стало после редакторской обработки отдельных эпизодов, бытовавших в устном исполнении, после их интерпретации в причинно-следственном плане. Об устном их бытовании свидетельствуют несколько характерных особенностей, в частности, многочисленные формульные выражения, подробности в описании доспехов и вооружения героев и хода поединков, «называние имени» участниками единоборства, гиперболизация силы героя. Эти детали предназначены характеризовать героя, поэтому слушатели ревниво за ними следили.

Вспомним, как описывается подготовка к бою Ильи Муромца с Калином-царём:

«А й тут старьи казак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он заседдывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек;
Потничек он клал да ведь шелковинький,
А на потничек накладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко недержано;
А подтягивал двенадцать подпругов шелкбвых,
А шпилечки он втягивал булатные,
А стремяночки подкладывал булатные,
Пряжечки подкладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости все богатырской:
Еще подпруги шелкбвы тянутся, да они не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки-то красна золота
Они мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копье бержамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А еще брал шальгу подорожную».⁵

В таком же плане представлены герои во многих эпических сказаниях. Вот описание Брюнхильды перед состязанием в «Песни о нибелунгах»:

«Сияло золотое блестящее шитье
На пышном платье шелковом, надетом на нее.
Несли за нею следом оруженосцы щит,
Что золотом червонным искусно был обит
И прочными стальными застежками снабжен.
Брюнхильде в состязаниях служил прикрытьем он.
Расшит ремень подшитый камнем был у ней.
Травы камень это казалось зеленой
И пламенело ярче, чем золото щита.
Да, лишь героем быть могла Брюнхильда добыта!
Хоть щит ее широкий из золота и стали
Четыре сильных мужа с натугой поднимали,
И был он посредине в три пяди толщиной,
Справлялась с ним играючи она рукой одной».⁶

Основным героем-единоборцем в «Сказании о годах Хōгэн» представлен Хатирō Тамэтомо из рода Минамото, выступавший на стороне мятежного экс-императора. В I свитке (гл. 11) мы встречаем подробное его описание, целиком соответствующее приведённым выше описаниям эпических героев:

«Это был человек больше семи *сяку* ростом, и над обычными людьми он возвышался на два-три *сяку*. Тамэтомо был лучником по рождению, и его левая рука, сжимавшая лук, была на 4 *сун* длиннее правой руки, державшей поводок уздечки. А потому и в горсть он мог взять сразу 15 стрел. Лук его был размером в 8 *сяку* 5 *сун*, и древку его лука не было равных по длине. Его золотистого цвета стрелы были изготовлены из трёхлетнего бамбука.

Полагая, что стрелы будут терять свои свойства, если их вымыть, он лишь удалял с бамбука узлы и полировал их хвостом. А ещё он считал, что, если будет делать стрелы лёгкими, они станут хуже, и втыкал железные пластинки в их стебли до самых бамбуковых перемычек внутри стебля.

Для оперенья стрел Тамэтомо не пренебрегал перьями ни коршуна, ни совы, ни ворона, ни курицы, а концы стрел обматывал побегами глицинии. Не забывал он и о выемке для стрелы: чтобы лук не сломался, закреплял его роговой пластиной и покрывал киноварью.

Наконечники у его стрел были типа "лучина" и "птичий язык". Спереди они сужались наподобие долота и насаживались на стрелу толщиной в 5 *бун*, шириной в 1 *сун* и длиной в 8 *сун*. Стебли у стрел были срезаны возле самых наконечников. После того как, отшлифовав, словно льдинку, наконечник стрелы, он смазывал жиром его жало и делал это так, что, куда бы стрела ни попадала, она пронзала цель. Казалось, выдержать её не могла ни скала, сколь велика эта скала ни была бы, ни глинобитная

стена, окованная железом. Что касается звучащих наконецников боевых стрел, для них он отбирал молодые побеги магнолии или падуб, зачищал на побегах участки на 8 глазков и метил на них по 9 глазков.

В них он вставлял "гусиные окорока" — "алебардный зуб" в 1 сун и "руки" в 6 сун. Вперёд выдавалось три пика, на каждом пике затачивалось лезвие, из-за чего стрела становилась подобной малой алебарде с торчащими вперёд "бутылочками"...

В эпических сказаниях многих народов характеристики героев или ситуаций состоят из стандартных блоков, многократных повторов. Это облегчало сказителю запоминание текста большого объёма. В *гунки* повторы сведены к минимуму. Индивидуальны, совершенно непохожи одно на другое по содержанию *нанори*, называние имени.

Воин, вызывавший соперника на битву, выдвигался вперёд и громким голосом называл себя и своих знаменитых предков. Этого же он ожидал от того, кто принимает его вызов. «Называние себя, — писал Н. И. Конрад, — имело в те времена особое значение: таким путем имя становилось известным соратникам, противникам, а в дальнейшем потомкам. Имя — это было не просто название человека, но его вывеска, его символ и его гордость»⁷. Поэтому противник воина, назвавшего своё имя и перечислившего имена собственных предков, должен был быть достойным его и по происхождению, и по ратной славе.

«Приблизившись к воротам, воин громко выкрикнул:

— Здесь потомок Юкихидэ, управляющего поместьем Ямада, того самого, что схватил разбойника Татэбоси с горы Судзука и представил его пред очи государя, житель провинции Ига, законный наследник Ямада Котаро Корэсигэ по имени Косабуро Корэюки...

На это Тамэтомо отвечал:

— Как это! Я считаю, что для меня мало будет и такого соперника, как твой хозяин Киёмори. А потому — посторонись! Это предупреждение. Хотя и говорят, что род Хэй происходит от императора Камму, этот император далеко отстоит от своих потомков. Члены рода Гэн — потомки императора Сэйва, и напрямую от него до Тамэтомо насчитывается 9 поколений. Никто не может быть соперником для меня. Скорее посторонись!»

Иногда перечисление знаменитых предков, начинаясь с императора, основанного данный род несколько поколений назад, включает имена не только знаменитых государственных деятелей или прославленных воинов, но и мятежников (вроде Тайра-но Масакадо), прославившихся когда-то как полководцы. Такое перечисление помимо всего имело и сакральный смысл. Дело не только в желании героя произвести должное впечатление на соперника, но и в стремлении призвать себе в помощники собственных предков. По верному замечанию Лафкадио Хэрна

(1850–1904), «восточная семья включает в себя не только родителей и их кровных родственников, но также и прадедов с их кровными родственниками, прапрадедов и всех умерших позади них. Эта идея семьи образует сочувствующую силу воображения такой высокой степени, что чувства, свойственные кругу этих представлений, могут, как это и наблюдается в Японии, распространяться на многие прямые и косвенные семейные ветви»

Внимание, которое японцы уделяли этой стороне воинского ритуала, допускает возможность предполагать устные, а не книжные истоки *нанори*.

Книжный элемент придал устным повествованиям слепых сказителей композиционное единство и мировоззренческую направленность. Несомненно, его на последнем этапе формирования памятника привнесли в него люди, начитанные в буддийской и конфуцианской литературе. В современных текстах книжный элемент «Сказания о годах Хогэн» преобладает над фольклорным. Вероятнее всего, процесс образования письменного текста из устных сказаний продолжался не менее ста лет (старейшая из сохранившихся рукописей «Сказания» датируется 1318 г.), а сами устные сказания на поздних этапах их распространения могли основываться не только на более ранних преданиях, но и на письменных текстах.

До нашего времени сохранилось много редакций этого памятника, различающихся между собой и по объёму текста, и по составу глав, и по степени разработанности некоторых сюжетных линий. В начале XVII в. рукопись одной из редакций «Сказания о годах Хогэн» была издана наборным прифтом, и в дальнейшем текст этого старопечатного издания стал распространяться как нормативный⁸.

В последние десятилетия авторитетным считался текст памятника, опубликованный в 1961 г. издательством Иванами в «Серии японской классической литературы», который и положен в основу настоящего перевода (при этом некоторые коррективы в перевод были внесены по изданиям 1920-х, 1960-х и 1990-х гг.). В 1990-е гг. увидели свет издания других редакций памятника, где основное внимание в заключительных главах уделено не судьбе экс-императора Сутоку, а приключениям могучего Хатиро Тамэтомо до его ссылки на о. Осима.

Сюжеты, связанные с Тамэтомо, в средние века использовались в японских драмах, а потом — и в художественной прозе.

В начале XIX в. популярный писатель Такидзава (Кёкутэй) Бакин (1767–1848) опубликовал роман «Чудесный рассказ об ущербе месяце» («Тиндзэцу юмихаридзуки»), первая часть которого посвящена истории Тамэтомо от его происхождения и детства до ссылки на о. Осима, а во второй повествуется о том, как герой оставил место ссылки, покорил несколько островов, дважды попал в шторм и терпел кораблекрушения,

потерял жену, принесшую себя в жертву богам, подавил мятеж на Рюкю, спас там принцессу, в которую вселился дух его погибшей жены, от происков коварного министра, одержал верх над злыми чародеями и в конце концов проследовал на небеса, оставив управление островным королевством Рюкю своему сыну.

Все приключения Тамэтомо, красочно описанные во второй книге романа Бакина, — плод его писательской фантазии. Но показательно, что источником авторского воображения стал текст первого в японской литературе воинского повествования, судьба его героя, ближе других стоящего к героям эпических сказаний других народов (правда, полной аналогии здесь ожидать нельзя, потому что в «Сказании», в отличие от героического эпоса Запада, отсутствует вообще главный герой, на котором всё повествование держится).

Долгое время японские специалисты считали *гунки* историческими источниками, в которых точно отражены факты междоусобных войн в средневековой истории. В качестве аргументов выдвигались примеры совпадения отдельных описаний в *гунки* с описаниями в некоторых исторических сочинениях. Но впоследствии анализ источников показал, что эти совпадения объясняются заимствованиями из текстов *гунки*, а не наоборот. В XVI–XVII вв., когда формировался кодекс чести самурая *бусидō*, многие описания воинских повествований использовались поборниками японского этноцентризма для прославления славных качеств, якобы искони присущих японцам — верности долгу, неустрашимости, чистоты помыслов и т. д. Сравнительное исследование списков памятников показало, что соответствующие описания, как правило, отсутствовали в ранних текстах и наслаивались в них от десятилетия к десятилетию в течение веков.

Перевод «Сказания о годах Хōгэн» на русский язык публикуется впервые.

¹ Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 105.

² Толстогузов А. А. Очерки истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма. М., 1995. С. 87.

³ Под этим девизом правил император Госиракава.

⁴ Происхождение *бива-хōси* не совсем ясно; они принадлежали к корпорации профессиональных рассказчиков *катарибэ*, и многие исследователи считают, что *бива-хоси* относятся к той же группе, что *закухō*, дававшие шуточные представления *гигаку* в VIII в. (они были лично несвободными и в социальной организации стояли ступенью ниже крестьян), и исполнители массовых действ *саругаку* в IX–XII вв.

⁵ Героический эпос народов СССР. Л., 1979. С. 72.

⁶ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М., 1975. С. 408.

⁷ Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М.: ГРВЛ, 1974. С. 325.

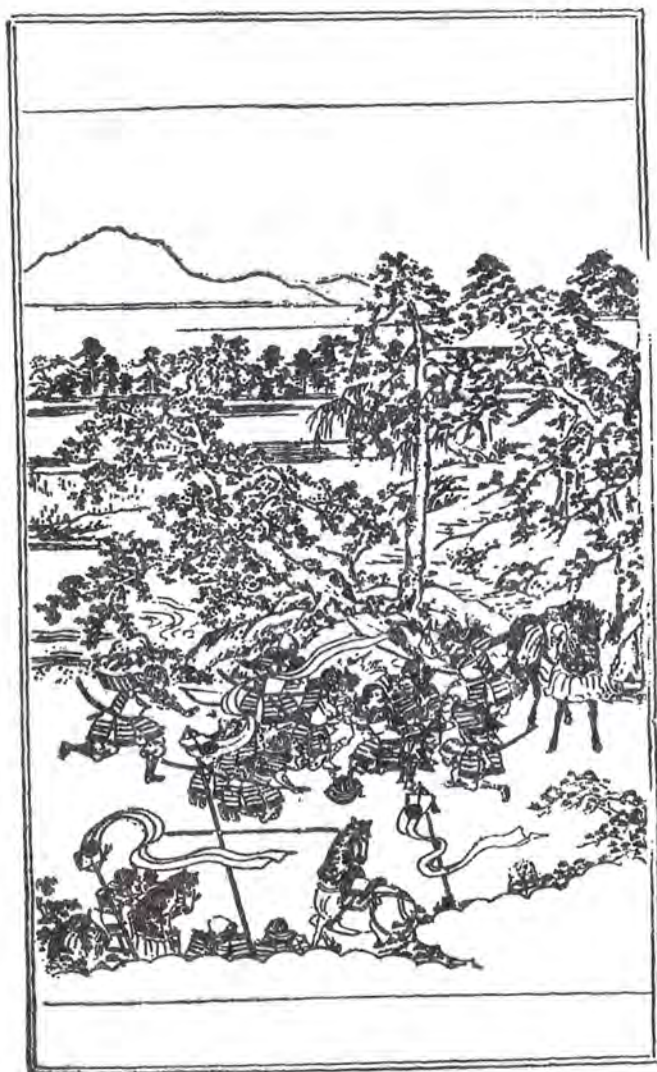
⁸ Хōгэн моногатари. Хэйдзи моногатари. Т. 31 («Нихон котэн бунгаку тайкэй») [Серия японской классической литературы]. Токио, 1961. С. 10–11.

ХОГЭН МОНОГАТАРИ

Свиток I

保
元
物
語

СВИТОК I

ГЛАВА 1.

О восшествии на престол экс-императора Госиракава

В недалёком прошлом жил государь. Он именовался Пребывающим в созерцании монашествующим экс-императором Тоба и являлся потомком в 46-м колене Великой богини Амата́расу¹, Освещающей Небо, 74-м императором со времён царствования Дзимму-тэнн². Был этот государь старшим сыном императора Хори́кава³, августейшая его матушка — вдовствующая императрица Дзёкё, дочь вельможного Санэсуэ, известного под прозвищем Старший советник Канъин.

Государь этот родился в шестнадцатый день 1-й луны 5-го года правления под девизом Кёва⁴, а в семнадцатый день 8-й луны того же года сподобился провозглашения наследником престола.

В девятый день 7-й луны 2-го года правления под девизом Касё⁵ император Хорикава изволил удалиться на покой, в девятнадцатый же день наследник престола⁶ в пятилетнем возрасте занял положение августейшего.

Взойдя на Престол счастья, он занимал его 16 лет, и все эти годы моря были спокойными, а Поднебесная умиротворённой. Ветры и дожди следовали своей чередой, стужа и жара соблюдали свои сезоны.

А в двадцать восьмой день 1-й луны 4-го года правления под девизом Хёан⁷ в возрасте 21 года государь изволил передать власть старшему сыну, названному императором Сутоку⁸, который после своего отречения стал именоваться экс-императором из Сануки⁹.

После того как в седьмой день 7-й луны 4-го года правления под девизом Тэйдзи¹⁰ этот мир оставил отец Хорикава, экс-император Сиракава¹¹ — экс-император Тоба сам соблаговолил управлять делами в Поднебесной. Людей верных он вознаграждал и тем не отступал от прежних образцов правления мудрецов, людей виновных он утихомиривал, в милосердии своём поступая в согласии с основным обетом буддхисаттвы.¹² Страна при этом богатела, и народ был спокойным. Значит, тепло испускал свет милости, изобильной была вся страна. Добродетельные процветали повсеместно, весь народ был спокоен.

Но вот в восемнадцатый день 5-й луны 5-го года правления под девизом Хоэн¹³ из августейшего чрева Бифукумон-ин¹⁴ появился принц Коноэ, которого в семнадцатый день 8-й луны того же года изволили провозгласить наследником престола. В седьмой день 12-й луны 1-го года правления под девизом Эйди¹⁵ в трёхлетнем возрасте ему угодно было занять государев престол. После этого прежний император стал именоваться Новым экс-императором, а экс-император Тоба — Первым экс-императором.

Из-за всего этого отец и сын — Первый экс-император и Новый — изволили испытывать один к другому взаимное отчуждение. И хотя царствующий государь особых порицаний не вызывал, августейший престол он должен был оставить. Заменял его другой сын Первого экс-императора от любимой принцессы. В десятый день 7-й луны того же года его величество экс-император Тоба, сбрав себе августейшие волосы, принял монашество. От роду ему было 39 лет. Годы его отнюдь не были преклонными, а яшмовая плоть изнурённой, однако государева судьба, движимая благими побуждениями прошлых жизней, обнаружила себя в благих же проявлениях, и он изволил вступить на Путь истинно благой кармы.

Так проходили годы и месяцы, но с весны 2-го года правления под девизом Кюдзю¹⁶ государево самочувствие стало ухудшаться. И хотя в этой связи провозглашались самые разные внутренние и внешние молитвословия,¹⁷ признаков улучшения государева здоровья замечено не было. Минула весна, в разгаре было лето, постепенно приближалась поздняя осень, мало-помалу теснее становилось в том месте, где находился государь, но ни в императорских покоях, ни во дворце до высочайшего волеизъявления не доходило. Так наступил пятнадцатый день 8-й луны — день государева смотрения скакунов.

С мыслью о том, что сегодня выводка скакунов, служители из Левых дворцовых конюшен представляют коней из разных провинций. Посыльные чиновники выехали на заставу Афусака, Склон встреч, для того чтобы встретить и принять их. Но несмотря на то, что эта церемония не менялась из года в год, в нынешнем году её отменили из-за недомогания государя. Что касается собрания в святилище Отокояма под названием Выпускание на волю живых существ,¹⁸ то оно представляет собой твёрдо установленный ритуал, а поэтому было проведено как полагается.

В южном павильоне императорского дворца не поднимали зелёные шторы, не приходили туда прославленные сочинители китайских стихов¹⁹ и японских песен, и всё представлялось таким ужасным. Нынешней же ночью страдания государя сделались чуть слабее, поэтому, когда наступила глубокая ночь, немного, всего на расстоянии в два-три *кэна*²⁰,

приподняли шторы, и государю благоугодно было взглянуть на луну в небе. А поскольку луна в эту ночь славится своей красотой,²¹ то, как говорится, «лунных лучей золотая волна как раз тогда стала особенно ясной на волнах синего неба в трижды пятую ночь»,²² и когда государь вознамерился полюбоваться «той тысячью с лишним *ри*,²³ что обнесена оградой циньской столицы, тридцатью шестью ханьскими дворцами²⁴, от стужи казавшимися посыпанными пудрой»,²⁵ около него собрались очарованные зрелищем люди из числа прислуживавших его величеству высших сановников и облачных кавалеров.

Они преподнесли августейшему китайскую прозу и стихи, декламировали прекрасные японские песни. Среди тех стихотворений, что читали государю, не было таких, которыми не поздравляли бы его. Но одно из стихотворений было сложено самим августейшим: о нём и теперь ещё вспоминают с очарованием и признательностью:

Ведь не один только звон насекомых
Слабеет кругом.
То, печаль навевая, надвигается осень.
Только кажется — раньше всего
Самому мне назначено тихо угаснуть.

Почтительно внимая этим стихам, вельможи прониклись и чувствами, и мыслью, что это — дурное предзнаменование. Наутро, в шестнадцатый день, государь выглядел расстроенным; потом вдруг разнеслась весть, что он оставил августейший престол и вскоре ночью, в час Свиньи,²⁶ изволил окончательно покинуть этот мир.

Хоть и не зачас прекрасный персиковый лик государя от внешних туманов, всё же поражена была чудесная его сущность осенними туманами — и растаяла она вместе с утренней росой. Августейший возраст его составлял 17 лет — в эту пору о кончине и думать не думают. Хотя и говорится, что заранее не определено, надлежит ли человеку умереть старым или молодым, только теперь все были погружены в глубокое уныние. Вся Поднебесная пребывала в растерянности.

Опросите Центральную Индию, Японию и Китай, и вам трудно будет перечислить, больше ли детей переживает своих родителей, или же родителей остаётся без своих детей. Но до такой скорби по августейшему не доходило ни в древние времена, ни в теперешние.

Начнём с того, что в течение девятнадцати лет управления Поднебесной Новым экс-императором над головами подданных в небе не собиралось ни единого облачка, дождями орошало землю голубое небо, спокойными были волны в четырёх морях и отчётливым был голос феникса.²⁷ А если это так, — который же из принцев должен был занять августейший

престол? Экс-император Коноэ был только восьмым по старшинству братом среди родившихся из одного и того же благословенного чрева; а поскольку угодно было избрать ему стезю чадолюбия, занимать этот пост было ему совсем не обязательно. Жаль, что не обеспечил он себе и двадцати драгоценных лет августейшей жизни, но проводив всего только семнадцать вёсен и осеней, так вот и благоволил расстаться с жизнью.

Император Дзимму управлял Поднебесной 76 лет, а священный его возраст составлял 127 лет. Государи после него достигали один 114-летнего, другой — более чем 120-летнего возраста. В древние времена жизнь государей была продолжительной, и только в последующие века думы о ней стали волновать сердца. Ведь и у будд, и у людей жизнь не бывает равной продолжительности. Намного ранее, чем будда Шакьямунни²⁸, жил на свете будда Сияющего-Солнечного-Света — жизнь его продолжалась 10 лет, а у будды Живущего-Неживущего — всего лишь один день и одну ночь. Будда Луна-на-Западе жил только один день: утром он появился, вечером же вошёл в нирвану. Когда Круг Солнца, называемый Кругом вороны и сороки,²⁹ быстро скрывается, тогда бывают действительно глубокие ночи в круговороте жизни и смерти. Воистину, даже будды вечности с их изначально чистыми помыслами, не говоря уже о существах, подверженных превратностям рождений, не могут полагаться на свои устремления.

Тем более, что принц и экс-император Коноэ, который являлся государем, чьё правление было 76-м среди императоров-людей, дожил до нашего века упадка³⁰; если его величество, чей престол находится под покровительством будд, кто обладает августейшей плотью, подверженной действию закона непостоянства, задумается, как ему избежать бури, именуемой непостоянством, — он не станет обольщаться, но глубоко осознает свою греховность.

Что касается августейшего престола, дело здесь обстояло так: поскольку на его счет не последовало волеизъявления Нового экс-императора, то, хотя теперь на него не возвратилась августейшая его особа, — все сошлись на мысли о том, что старший сын государя, принц Сигэхито, по всей вероятности, сам уклонился от занятия престола. Нынешний государь-инок Госиракава,³¹ — тогда он именовался Четвёртым принцем, — был рожден покойной ныне Тайкэммон-ин, а значит, приходится Новому экс-императору единоутробным братом.

Дело в том, что монашествующей императрице-вдове нашёптывали, что экс-император Коноэ благоволил сокрыться от нашего мира из-за того, что Новым экс-императором и принцем Сигэхито станет совершаться церемония проклятия, который бы из её пасынков ни занял престол. Поэтому-то Бифукумон-ин, погрузившись в скорбь, изволила

говорить государю-иноку разное, в том числе то, что лежало у неё на душе по поводу возможного восшествия на августейший престол Четвёртого принца.

ГЛАВА 2.

О паломничестве монашествующего экс-императора в Кумано, а также о его августейших сетованиях

Зимою того же года состоялось августейшее паломничество монаха-экс-императора Тоба в святилища Кумано¹. Сопровождавшие его священную особу в путешествии лунные вельможи и гости с облаков следовали за государем до самой каменной ограды святилища, а уже в главном его павильоне перед особой монашествующего экс-императора состоялось всенощное бдение. Сам же прежний государь принял обеты двух миров, нынешнего и грядущего. В его высочайшем присутствии буря вздымалась на реке волны, горы источали звук.

Когда с наступлением поздней ночи всё затихло, наступила и душевная ясность у самого экс-императора. Пока он так и этак раздумывал о будущем и настоящем, спустилась глубокая ночь, а после того как люди утомонились, из-под нижней бамбуковой шторы в павильоне Сёдзёдэн выглянуло нечто похожее на изящную левую руку и несколько раз постучало в такт мыслям государя. Монашествующий экс-император взирал на неё и не знал, что думать: вроде бы это не сон, однако же и не явь. Никому ничего не говоря, он повелел призвать к себе жрицу по имени Корэока-но Ита, равной которой в горах не было, и молвил:

— Произошло нечто странное. Сотвори-ка гадание!

С самого утра жрица стала обращаться с призывом к будде, явленному в образе синтоистского божества², не оставляя его в покое, и так до той поры, пока не перевалило за полдень. Потом люди успокоились, все, вплоть до тех, кто паломничества в храмы совершает постоянно, и сосредоточились на своих делах. Прошло ещё немного времени и, считая, что будда, явленный как божество, уже находится рядом, жрица, почтительно обратясь к монашествующему экс-императору, приподняла свою левую руку и два или три раза постучала.

— Так ли это было? — спросила она.

Тут государю представилось, что это — воистину явление божества, потому что он изволил лицезреть точь-в-точь то, что представлялось ему сновидением. Пospешно собрал он в пучёк полоски *гохэй*³ и, молитвенно сложив августейшие ладони, промолвил:

— Я горд благими последствиями десяти видов добрых деяний, совершённых мною в прежних жизнях. Но, несмотря на то, что достиг я

высокого ранга императора, этот ранг не лишён связи с заблуждениями, которые присущи смертным в трёх мирах — мире желаний, мире форм и мире без форм⁴. Как могу я управлять в них свойствами добрыми и дурными? Научи же меня вершить дела добрые!

На это жрица возвестила заунывным голосом:

«Видится в пригоршне воды
Отраженье луны.
Так есть на ладонях луна или нет?!
Так же и в мире,
В котором нам выпало жить»⁵.

Произнеся это вещее стихотворение два или три раза, она залилась слезами и продолжила вложенную в её уста речь божества:

— Знать надлежит вот что. Кончина государя должна воспоследовать осенью следующего года. После этого положение в мире решительно переменится.

Высокопоставленные вельможи и высокоумные служители — все зашумели и потеряли цвет лица. Послышались голоса:

— Какими средствами можно отодвинуть пределы государевой жизни?!

Услышав их, монашествующий экс-император благоволил глубоко задуматься, а потом вымолвил, громко плача:

— Это удел бодхисаттвы — обитать в той же мирской пыли, что и миряне, с целью освободить их от страданий и дать им блаженство, а потому сочувствие им заключается, видимо, в помыслах богов о большой любви и большой скорби. Помочь освободиться от земных несчастий и трудностей — это самое основное в предостережении будды, явленного в образе божества. Укажи же мне, о божество, средство, желаемое для тебя!

В ответ жрица, обливаясь потоками слёз, изрекла по воле этого будды:

— Государь был владыкой нашей державы, пока сменяли друг друга вёсны и осени на протяжении вот уже сорока с лишним раз. Я же являюсь охранителем спокойствия страны, когда сменяют друг друга звёзды и иней на протяжении уже более тысячи лет. Поэтому, хотя и говорится, что любовь и скорбь как средство оказания помощи в делах живущим не являются результатом сострадания им, на самом деле только действие кармы предустановлено и не зависит от усилий богов. Вообще же следует проникнуться стремлением к земле Крайней радости, Чистой земле, Земле, откуда не отступают назад, — к нирване. Сердцу августейшего не нужно задерживаться на этом зыбком мире Пяти замутнённости⁶, мире, переполненном смутами. Следует теперь же оборвать помыслы о нынешней жизни и считать своим долгом достижение просветления в следующем рождении.

Несмотря на то, что боги указали на осень следующего года, государь сразу же начал думать о предстоящей своей кончине, а его подданные вскоре обо всём проводили и были охвачены печалью. Приветственные танцы, что исполнялись в Принцевых молебнях⁷, отличались от обычных; когда государь облачался в дорожные одеяния, люди немного приободрялись, когда же он возвращался к себе во дворец после того как паломничество заканчивалось, все проливали слёзы и отжимали от своих слёз рукава. Точь-в-точь, как во время похоронного обряда, когда провожают умершего. На обратном пути после паломничества в Кумано все, и высокородные, и низкороденные, выстроились вдоль дороги, которую даже жрица посчитала безрадостной, хотя она и называется Дорогой радости, и нарекла Дорогой стенаний.

ГЛАВА 3.

Кончина экс-императора-инока

Так завершился этот год. В наступившем затем 2-м году правления под девизом Кюдзю поменяли девиз правления и нарекли год 1-м годом правления под девизом Хогэн¹. С лета этого года самочувствие монашествующего экс-императора против обыкновенного ухудшилось, и яшмовый лик его выражал недоумение. Говорили, что дурное самочувствие усугубила скорбь его по экс-императору Коноэ, сокрывшемуся в прошлом году. Хотя слова будды, явленного в образе божества, и были произнесены весной прошлого года, монашествующий экс-император помнил их так, словно слышал только что, и вспоминал то с чувством благодарности, то с тягостным чувством.

По мере того как проходили месяцы и дни, государь мало-помалу присматривал для себя подходящее место и в двенадцатый день 6-й луны того же года изволил принять постриг в павильоне Амиабха в Тоба, связанном с именем Бифукумон-ин. Ходили слухи, что закононаставником, принимавшим у него исповедь, был высокоумный Канкү-сёнин из Митаки.

Несмотря на то, что обряд исповедания всегда проводят с ясным сердцем, именно сейчас все — и придворные дамы, и слуги, и чиновники, и родовитые вельможи, и высшие сановники — проливали слёзы и от своих слёз отжимали рукава.

После этого монашествующий экс-император, следуя примеру солнца, стал клониться к закату и, оттого, что сокрылась чудодейственная милость Закона Будды и утратили силу искусство врачевания и благотворные лекарства, августейший изволил заключить, что сроки сего недоумения определены в его предыдущих рождениях, и лишь стонал и

проливал напрасные слёзы. И вот, во второй день 7-й луны того же года иннок-экс-император изволил сокрыться совсем. После этого он стал прозываться Тоба-но-ин, экс-император Тоба.

Возраст его равнялся 54-м годам; даже ещё не исполнилось его величеству полных 60 лет². Тогда-то люди впервые поняли: вот оно, непостоянство жизни и смерти — граница между ними уязвима, как листья бананового дерева, как пузырьки на воде. Небо заволокло тучами, луна и солнце потеряли своё сияние, люди погрузились в горе, словно это отцы и дети облачились в траур.

Когда будда Шакьямуни, пребывая под сенью двух деревьев *сяра*³, возвестил о наступающей своей кончине, сказав: «Всякий живущий непременно погибнет», — это ввергло в печаль большие скопления существ, начиная от людей и небожителей и кончая пятьюдесятью видами живого, вплоть до лишённых чувств трав и деревьев, до обитающих в горах и на равнинах зверей и до рыб из больших и малых рек. Ветер в лесу из деревьев *сяра* затих, внезапно сделался удивительным цвет их⁴, в реке Бацудай замутились водяные струи, а десятки тысяч деревьев и тысячи трав — все обнаружили следы горестных слёз.

При вхождении Будды в нирвану в пятнадцатый день 2-й луны пятьдесят два вида живого показали знаки горести; а при кончине государя во второй день теперешней 7-й луны, «месяца Наук»⁵ все во дворце девятивратном⁶ — высшие и низшие, вплоть до существ, лишённых сердец, тоже окрасились в цвет горести. И уж тем более люди, которые были удостоены чести близко служить государю, которые напрямую заботились о нём, — как же они-то себя чувствовали?!

Ни знатнейшие, именуемые «лунными вельможами и гостями с облаков», которым было дозволено приближаться к мощениям из драгоценных камней, уже никогда не могли услышать голос августейшего, ни отделённая от других людей парчёвым балдахином монашествующая государыня-матушка и придворные дамы — не могли более лицезреть облик августейшего. Но и среди них на редкость глубока была скорбь монашествующей государыни-вдовы.

На спальном ложе, яшмами украшенном, втуне оставлено старинное одеяло августейшего, под подушкой с коралловыми украшениями понапрасну скопились государевы слёзы, пролитые из-за его тоски по минувшему, а у основания светильника постоянно лежит тень. Поэтому сюда невольно доносится унылое стрекотание кузнечиков под стеной; хотя в южном дворике и можно видеть цветы, в них уже нет того аромата, что бывает в соединённых между собою рукавах; хоть и можно слышать звон насекомых в северном дворике⁷, — его не сравнить со звуками голосов, что бывают слышны от подушек, положенных вплотную одна к другой. Теперь ночь тянется долго, и день тоже долго длится.

Несмотря на то, что все молили, чтобы оба экс-императора⁸ жили тысячи осеней, десятки тысяч лет, для рождённых в Джамбудвипе⁹, независимо от того, благородные они или подлые, высокие или низкие, — нет различий в пределах быстротечности бытия, будь они хоть *киатри*, хоть *шудры*¹⁰.

Ведь и великой мудростью наделённые Гласу внимавшие¹¹ только лишь проявили результаты деяний, совершённых ими в прежних рождениях, поэтому, как ни удивительны деяния простого смертного, стыдно, что за прошлогодними слезами августейшего в нынешнем году неотступно следует роса на рукавах¹². Это словно повернуть руку ладонью вниз. Как говорила в своём гадании жрица, какой она будет, грядущая жизнь? По его стенаниям трудно узнать, что лежит на сердце у Нового экс-императора. Поистине, словно стоишь на тонком льду, обратясь к самому краю бездны. Конечно, по большей части двор громко шумел, а в кельях отшельников тихо шептались.

ГЛАВА 4.

О том, как был задуман августейший заговор Нового экс-императора

Говорили, что в особняке на востоке улицы Сандзё собирается множество воинов-стражников государя; по ночам они готовят мятеж, днём поднимаются в горы, поросшие лесом, и наблюдают за императорским дворцом Такамацу¹. А между тем, на рассвете третьего числа по распоряжению Ёситомо, владельца провинции Симоцукэ², схватили трёх человек, отсутствовавших во дворце на востоке улицы Сандзё, — Мицукадзу из Ведомства по учёту доходов и расходов с его подчинёнными. Все были поражены: только вчера произошла кончина монашествующего государя, а уже сегодня могло случиться такое!

По всей столице разносились слухи о мятеже. С востока и запада, с юга и севера собирались воины; боевые доспехи везли на конях, доставляли на повозках. Люди скапливались, скрывая свою осмотрительность, — и кроме всего этого много было удивительного.

Помимо этого, Новый экс-император по секрету изволил молвить:

— Прежде всего, хотя и говорят, что следующим получает титул императора не обязательно старший сын прежнего государя или его сын от наложницы, наследник престола провозглашается либо в соответствии с его талантами и силой, либо в зависимости от благородного или скромного происхождения его предков по материнской линии. Тем не менее, государь потерял лицо перед людьми из-за того, что ему угодно было передать престол отдалённому из его младших братьев, из-за того,

что его отец благоволил своему сыну от тогдашней супруги. Для него это было тогда унизительно.

— Всё это так. Но прежний император, Коноэ³, умер в молодые годы из-за того, что не было у него достаточно оснований для занятия престола. Впрочем, уже тогда стало ясно, что небо его не признаёт. Из за этого тогда же мало-помалу стало определяться прямое наследование принца Сигэхито. Правда, кроме претендентов на престол ещё четыре принца питали неприязнь к его характеру и не могли её подавить в себе. Какая жалость!

Так обстояло дело в отношениях между господами. Но были также неприятные стороны и в отношениях между разными подданными. По той же причине тогдашний канцлер, который именовался его высочеством Тадамити, стал прозываться Министром из храма Хоссёдзи⁴. Он был старшим сыном пребывающего в созерцании его высочества Фуко⁵. Есть также вельможа, которого называют Левым министром Ёринага из Удзи⁶, — это второй сын его высочества Пребывающего в созерцании и младший брат господина канцлера.

Тем не менее братья, между которыми существовало твёрдое соглашение, особенно щепетильно соблюдали правила обхождения, как вдруг это их взаимное соглашение было нарушено. Господин Левый министр был особенно любим его светлостью из числа его сыновей. В двадцать шестой день 9-й луны 6-го года правления под девизом Кёбан⁷, не посчитавшись с мнением господина канцлера, он сделался обладателем символов власти главы клана⁸, а в десятый день 1-й луны следующего, 1-го года правления под девизом Нимпэй⁹, согласно императорскому рескрипту о важнейших делах Высшего государственного управления, стал вершить большими и малыми делами в Поднебесной.

Вообще говоря, все были согласны в том, что это пример редкостный, когда верноподданный сосредоточивает у себя обязанности регента, канцлера и иных власть предержащих. Между тем, когда господин канцлер ещё именовался просто регентом, ему угодно было за ходом дел в Поднебесной наблюдать со стороны. Но тому, чем вельможный канцлер изволил высказывать недовольство, были и древние примеры, которые берут начало от его предка, преданного и милосердного князя¹⁰, когда регент возложил на себя ещё и предварительный просмотр бумаг Высшего государственного совета, и дела главы клана. Однако в те времена, когда Тадамити был регентом, от обеих обязанностей его отстранил Левый министр. Он не только не уронил их достоинство в своё время, но и грядущим поколениям не оставил достойного сожаления повода для хулы.

Но хотя мы и говорим так, но оттого, что в делах управления государством Левый министр должен был обратиться к смирению, канцлер

Тадамити изволил подать прошение об отставке — и не потому ли дела канцлера были переданы в ведение Левого министра или, наоборот, Тадамити следовало поручить обязанности по предварительному просмотру бумаг Высшего государственного совета, поступающих на высочайшее волеизъявление, и обязанности главы рода Фудзивара. Обе эти возможности вызывали пересуды. Поэтому царствующий император и соблаговолил выразить самое неблагоприятное суждение относительно передачи этих обязанностей. Но, поскольку Пребывающий в созерцании уже высочайше распорядился о её утверждении, неблагоприятное это суждение действия не возымело.

Кроме того, когда этот Левый министр управлял делами в Поднебесной, недовольных подданных не было. Исследовав японские и китайские правила поведения, он не оставил для себя неясных мест ни в каких записях. Он исследовал глубины всевозможных учений, во всех делах соизмерял их подъём и упадок, надзирая за делами государственного управления, не делая различия между людьми ближними и дальними. Как государев подданный, ведающий записями, он не стыдился отмечать в них ни прошлое, ни настоящее.

И между тем, господин канцлер находил отдохновение в прекрасной каллиграфии, и, размышляя о том, как люди с завистью говорят, что он совершенствуется в искусстве японского и китайского письма, говаривал, бывало:

— Сочинение китайских стихов и японских песен¹¹ — это развлечение в часы досуга. Оно не принадлежит к числу важных придворных церемоний. Но искусство письма доставляет первейшее наслаждение. Мудрый подданный непременно помещает его впереди всех прочих занятий.

Сам он штудировал в первую очередь Пятикнижие¹², исправляя упущения в вопросах человеколюбия, справедливости, ритуала, мудрости и искренности, и когда случайно допускались ошибки в проведении сезонных собраний¹³, в церемониях с участием придворных чиновников или в официальных обращениях к государю, он сейчас же в письменной форме указывал на эти упущения чиновникам двора и Государственного совета. У его светлости не в правилах было стращать чиновников, поэтому он говорил им так:

— Когда Первая особа¹⁴ станет передавать низшим чиновникам перечни их упущений, это, ведь, не послужит их чести! Учтите это. Об этом следует особенно печься, — и те смиренно повиновались.

Кроме того, когда нареkania вышестоящих вызывала даже младшая прислуга, или, к примеру, бычники, и ему правдиво докладывали об истинной причине этих нареканий, министр выслушивал всё до мелочей и, если люди не были виноваты, высказывал сожаление по поводу

случившегося, выносил поистине безошибочное суждение о том, кто прав и кто неправ, и не оставлял места для двух мнений о добре и зле. Как говорится, он был словно шило, всё пронзающее насквозь, из-за чего и назывался вездвливый Левый министр.

Так представляли две противоположности между собой старший и младший братья, и один из них служил при ушедшем от дел государе, а другой — при царствующем императоре. Канцлер, исполняя обязанности, возложенные на него изначально, исполнял свою службу при дворе императора, Левый же министр, наоборот, служил при «хижине отшельника», у покоев экс-императора.

Левый министр полагал: «Когда поразмыслишь о нынешнем мире, становится понятным, что, куда днится правление государя, обязанности регента пренебрегают, и нет нужды в записях, которые делает канцлер. Когда же управление государством закономерно переходит к экс-императору, канцлеру поклоняются. Я сам стану поклоняться ему», — и от этих его размышлений становилось горько.

Новый экс-император, по секрету извещённый о них, изволил весьма порадоваться и однажды соблаговолит приветливо побеседовать с ним.

— Император Тэнти,¹⁵ — молвил его величество, — был сыном императора Дзёмэй и очень много принцев, сыновей императора Кōтоку, было его подданными. Ниммё¹⁶ был сыном императора Сага. Отстранив детей Дзюнна, он наследовал Драгоценное счастье — престол государей. Хоть и говорится, что у самого меня добродетелей недостаёт, но, будучи рождён сыном прежнего императора, я стал государем, которого почитали на Четырёх морях¹⁷; хоть и перестало до меня доноситься всеблагое августейшее благоухание, но ведь наделён же я достойным поклонения рангом государева сына!

— Однако из-за благосклонности, имевшей место во времена былые¹⁸, стали одно правление за другим пренебрегать правильной линией наследования, вредить ей неожиданными изъятиями, доставлять людям горечь тем, что ухудшалась связь между отцом и сыном.

— Хотя и говорят, что в дни прежнего экс-императора были глубокими горести, а вознести молитвы было негде, и два года он впустую проводил вёсны и осени, — ныне уже нельзя стало скрывать им свои намерения. Быть может, следуя примеру двух государынь, Саймэй¹⁹ и Сётоку²⁰ вторично принять ранг государя, а может быть, не делать так, но ещё раз выразить пожелание, чтобы ранг этот принял принц Сигэхито: «Вручаю тебе заботы по управлению государством»?

— Как в нынешние времена, когда идёт борьба за власть, поступить так, чтобы и волю богов не нарушить, и надеждам людей не противоречить? Как это сделать?

Когда Новый экс-император вымолвил это, Левый министр произнёс то, что изначально отвечало подлинной воле государя:

— Говорится ведь: «Ежели дары Неба не примете, вас за это можно осудить. Коли не сделать то, для чего наступило время, можно тем самым навлечь бедствия». А время наступило тогда, когда скончался экс-император²¹. — И какого ещё подходящего времени нужно будет ожидать, если теперь не позаботиться о том, как поступить?

Кроме того, что государь изволил выразить понимание, сказав: «Воистину, так оно и есть», — подробностей не последовало. Но дело с августейшим заговором было этим определено.

Потом все стали действовать вразброд — воины обоих домов Минамото и Тайра²², прислуживавшие у императорского дворца и у покоев экс-императоров — одни нарушали указы отцов, другие позабыли о почитании старшего брата младшим, каждый стал действовать как ему вздумается, вплоть до отца с сыном, дяди с племянником, всех родственников, господина и подданного. Вся Япония разделилась надвое.

В столице благородные и подлые, высшие и низшие, соглашаясь между собой, говоря:

— Теперь на этом заканчивается свет. Всё теперь погибнет. Тот, кого именуют Новым экс-императором, — старший брат, а Царствующая особа — его младший брат. Тот, кто именуется канцлером, — старший брат, а господин Левый министр — его младший брат. Великие полководцы Царствующего государя — Ёситомо, владетель провинции Симоцукэ²³ и Киёмори, владетель провинции Аки²⁴. Великие полководцы экс-императора — это отец Ёситомо, Рокудзё-хōган Тамэёси, и дядя Киёмори, Тайра-но Тадамаса, помощник главного конюшего Правой стороны.²⁵ Не задумывались они о том, кто из них будет наверху, кто внизу, кто победит, а кто проиграет.

Однако, «согласно учениям», во время сражения один непременно выигрывает, а другой проигрывает, и заранее трудно бывает узнать результат. Он соответствует лишь наполненности судьбы и зависит только от глубины кармы²⁶.

Так говорили люди между собой.

Тогдашним местопребыванием Нового экс-императора был дворец Танака в Тоба²⁷. Он изволил находиться в этом дворце, пока длилось время Промежуточной Тьмы²⁸ со времени кончины Старого императора, а после того как был определён план августейшего заговора, его величество намеревался отбыть в столицу, едва для того представится подходящий случай. И хотя не говорили, что произойдёт, когда, наконец, его величество прибудет сюда, — беспокойны были дороги и заставы. В столичных домах заперли ворота и двери, жители увезли и попрятали в разных

местах — на востоке и на западе, на юге и на севере — ценности и всякую утварь. Шумели и сустились все без различия, высшие и низшие.

— Обычные люди не должны судить о проницательных и мудрых государевых планах, когда после кончины прежнего экс-императора минуло только семь дней. Каковы же они, эти планы, — об этом воистину уверенно судить нельзя. Было царствование, когда фиолетовой ночью наверху спокойно сияли звёзды, в синем море мягким был шум волн, и вдруг всё так печально переменилось.

Так с сожалением рассуждали между собою люди.

ГЛАВА 5.

О том, как разделились верные двору войска

Едва донёсся слух о том, что на дорогах невозможно укрыться от бесчинства воинов, которые начали туда собираться, начиная с прошедшего второго дня, в пятый день той же луны Вступивший на Путь младший советник Синсэй¹ получил государево повеление и, чтобы сначала унять беспорядки в столице, известив об этом Полицейское ведомство, распорядился укрепить заставы. Следуя государеву повелению, каждый направился к своей заставе²: к дороге на Удзи — судья Мотомори из Аки, к дороге на Ёдо — судья Суэдзанэ из Сухō, к Ямадзаки — судья Корэсигэ из Оки, к горе Оэ — судья Синхэй Сукэцунэ, к проходу Аватагути — судья Сō Сукэюки, к дороге Кукумэ — судья Хэй Сантоси.

Переговорив с Синсэем, его величество благоволил повелеть чиновникам Полицейского ведомства:

— Надлежит навеститься в хижину отшельника³ и просить экс-императора безотлагательно пожаловать сюда. Если он не ответит на приглашение, нужно сразу же наказать его.

Повиновавшись, чиновники удалились. В этот вечер господин канцлер, а также старший советник, вельможный Омия Корэмита⁴, прибыли во дворец и, посоветовавшись, вынесли решение.

Вельможный Изэси⁵, тайō из Весеннего дворца, прибыл во дворец Тоба, почтительно пригласил экс-императора, но тот ко двору не пожаловал. В шестой день⁶ государь обратился ко всем и каждому из сопровождавших его расторопных чиновников с повелениями. Среди них судье Мотомори из Аки, располагавшему более чем тремястами всадниками, было велено двинуться на юг, к дороге на Ямато, для охраны моста Удзи. Сюда, в окрестности моста у храма Хоссёдзи, видимо, из провинции Ямато, прискакали около тридцати вооружённых всадников в доспехах. Мотомори, выстроив в ряд своих 300 с лишним всадников, чуть выдвинулся вперёд и держался в самом центре. Он сидел на вороном коне под чёрным седлом,

был одет в светло-голубое охотничье платье и в воинские доспехи со шнурами из чёрных нитей.

Держа лук наготове, он подпустил их ближе и произнёс:

— Что вы за люди, откуда и куда следуете? Недавно распространились слухи о мятеже. В столицу вошло неизвестное число воинов. Из-за того, что в столице невиданные беспорядки, мы, согласно приказанию, выдвинулись для охраны моста Удзи. Пусть каждый решит, за какой дом он стоит. Я судья Мотомори из Аки, потомок императора Камму⁷ в двенадцатом колене, отпрыск полководца Хэй Масакадо⁸ в восьмом колене, внук главы Полицейского ведомства Тадамори⁹, второй сын владельца провинции Аки Киёмори¹⁰. Я обязан узнать о вас все подробности.

Когда он сказал так, великан, бывший среди воинов, направлявшихся в столицу, главным, впери в него свой взор. Это был богатырского сложения человек с суровым выражением лица, и, должно быть, с крутым нравом. Он был одет в тёмно-синюю куртку *хитатарэ*¹¹ и доспехи, расшитые мелкими цветами сакуры по жёлтому полю. У него были стрелы с чёрным опереньем и большой лук из бамбука, обмотанного индийским тростником. Всадник восседал на могучем пегом коне в седле с серебряной окантовкой. Он переложил лук в другую руку, встал на стременах и громким голосом возгласил своё имя:

— Я слышал уважаемое прозвание посланца, получившего высочайшее повеление, и родословную его высокочтимых предков. Слышал я также о том, как он осматривает людей, прибывающих в столицу! Я потомок императора Сэйва¹² в десятом колене, отпрыск Шестого принца, потомок в десятом колене Ёритика, владельца Ямато, младшего брата Райко¹³, владельца Сэтцу, внук Ёрихиро, помощника главы Ведомства центральных дел¹⁴, старший сын Тикахиро, владельца Симоцукэ, житель провинции Ямато, человек, которого называют Уно-но Ситиро Тикахиро.

Тогда Мотомори произнёс:

— Я слышал именование Вашего дома. В конечном счёте, мне хотелось бы знать, следуете ли Вы в столицу по повелению государя или изволили прибыть в неё согласно повелению экс-императоров?

Когда он сказал это, Токитика, что-то, видимо, замислив, аккуратно приготовил свои стрелы и подтянул шнуры на доспехах. Немного встревожившись, он подумал с беспокойством: «Если ответить, что мы приехали в столицу для того, чтобы попасть в императорский дворец, заставу мы минует благополучно. А если сказать правду, что прибыли мы на выручку к экс-императорам, мы тут же погибнем в бою. Как же ему ответить?!»

«Прежде всего, — подумал в свою очередь Мотомори, — у них есть луки и стрелы. Стоит чуть-чуть заупрямиться, для будущего мы обеспечим себе раны отважных воинов. В прошлом, когда господин Левый

министр претворял высочайшую волю, он говорил, что получил власть и шёл к экс-императору».

На слух определив, что перед ним находятся враги, он командовал: — К оружию!

Подтянув шнуры, воины перестроили ряды своих коней, а Мотомори заявил:

— О причинах не рассуждать! Быстро возвращаться назад! Дело ваше совершенно бессмысленно. Все как есть следуйте повелениям государя Поднебесья и не поступайте по указанию экс-императоров, сошедших с императорского престола. Как можно стать врагом престола, живя на государевой земле? Немедленно возвращайтесь во дворец, как будто не происходит ничего. А если нет, так вы, может быть, поможете Мотомори охранять мост Удзи?!

— Не думаю, что это, — насмешливо отвечал ему Тикахиро, — слова судьи из Аки. Вряд ли человек, вооружённый луком и стрелами, изменит слову, единожды им произнесённому. Разве может Тикахиро, прибывший по велению экс-императора, тот же час переменить свои убеждения, едва только выйдет повеление правящего императора? У того, кто родился в доме Гэндзи¹⁵, двух господ не бывает. Так что я никак не могу последовать Вашему досточтимому совету. Мои дальние предки, начиная с владетеля Ямато¹⁶, проживали во внутреннем уезде¹⁷ и ни разу не запятнали своего имени участием в военных заговорах¹⁸. Поспешите, молодые люди! Живите праведной жизнью, дорожите своим именем. Расступитесь, дайте дорогу! — и тридцать с лишним всадников, выстроив в ряд своих коней, пустили их вскачь.

Тогда Мотомори выехал вперёд со словами:

— Раз дело такое, никого не упускать и не оставлять в живых. Всех перебить и убрать!

Тикахиро, видя такую решительность, вознамерился одним махом прорвать окружение. В одно мгновение решил он биться, нанести упреждающий удар по скоплению главных сил противника, а ввязавшись в схватку, пробиваться всё дальше и дальше. Более десяти вассалов Тикахиро рванулись вперёд. Восемь вассалов Мотомори сейчас же выехали им навстречу. Было несчётное число раненых. Сам Мотомори, едва успев избежать опасности, очутился в безвыходном положении.

ГЛАВА 6.

О пленении Тикахиро с его отрядом

Тем временем, прослышав, что возле Первого моста есть сторонники другого императора, ратники, собиравшиеся в императорском дворце,

не мешкая, двинулись из него в конном строю, с нестройными криками. Было их более тысячи всадников.

Поднявшись на возвышение, Мотомори командовал своим:

— Противник малочислен. Наших сторонников — огромная сила. Сносить противникам головы жаль. Лучше всего взять их живыми. Встать в порядки, построиться всем! Стройся, стройся!!!

И тогда на место схватки ворвались все, начиная с Итō и Сайтō из Ига и Исэ¹, с криками: «А мы тоже не хуже!» Против одного всадника собиралось десять, и тогда он не мог выхватить меч, не в силах был даже покончить с собой². Несмотря на то, что сердца их ожесточились, Тикахиро и все его вассалы решили, что дела у государя неважные, и позорно было бы двенадцати воинам оказаться захваченными в плен.

Мотомори же напал на неприятеля с тыла и энергично командовал своим отрядом до самого наступления сумерек. Намерения его казались действительно серьёзными.

Тех двенадцать человек передали дворцовым службамлевой и Правой стороны и представили для личного осмотра государя. После того как у них выяснили подробности, все они были подвергнуты заточению. Государь изволил быть особенно удовлетворённым, а когда наступила ночь, ему угодно было повелеть главе ближней охраны Кинтика провести внеочередную церемонию присвоения чинов. Мотомори был удостоен низшей ступени 5-го ранга. В «Книге обоснований» было записано: «награда за преследование и наказание врагов престола во главе с Тикахиро». Это выглядело в высшей степени почётно.

Новому экс-императору, когда он услышал об этом, было очень нелегко.

ГЛАВА 7.

О мятеже Нового экс-императора и о мнении Внутреннего министра относительно победы над врагом

В восьмой день¹ состоялось совещание придворной знати, а следом, в 11-й день, было решено, что Левый министр должен быть отправлен в ссылку. Потому что заговор был уже раскрыт. Кроме того, ходили слухи, будто в восточной части улицы Сандзё творятся тайные дела, и есть люди, которые проклинают государя, поэтому было отдано высочайшее повеление послать туда Ёситомо, владетеля провинции Симоцукэ. Когда он прибыл на место, то ворота со всех четырёх сторон оказались закрытыми, и около них не было ни одного человека. И всё-таки, когда он принялся искать и миновал святилища Цунофури и Хаябуса², то увидел буддийского священнослужителя, который устанавливал алтарь у края источ-

ника перед зданием. Это был монах из храма Миидэра³ по имени Сагами-но-адзари⁴ Сёсон.

— Тебя зовут из дворца. Быстро иди сюда! — окликнули его, но монах не издал ни звука. Тогда двое вассалов Ёситомо решили притащить его за руки; но монах согнул руки в локтях и ничего не говорил⁵. Словно могучий Дэв. «Раз дело такое, — решили воины, — поступим так». Пятеро или шестеро из них повалили монаха и связали его поясом от кимоно. Оказалось, что вместе с грамотой от главного божества святилища при нём было письмо Левого министра.

Позвали *курōдо*⁶ Масаёри, помощника главы Ведомства гражданской администрации, и судью Первого разряда Тосинари, а они только и сказали, что существует такой обет, что между господином канцлером и господином Левым министром должен царить мир, как между старшим и младшим братьями.

Помимо этого они не говорили ничего определённого, но Сёсон, когда ему предъявили письмо Левого министра, ничего о нём не сказал. А из него определённо становилось известно, что Новый экс-император и господин Левый министр состояли в заговоре. Кроме того, ходили слухи, что заговору сочувствовали помощник главы Правой дворцовой конюшни Тайрано Тадамаса и *санъи*⁷ Ёриканэ, поэтому, хотя и пригласили Масаёри, своей позиции он не высказал. Сёсон же был арестован.

Во дворце Танака проводилась буддийская церемония, поскольку в этот день заканчивалась начальная седмица после успокоения экс-императора. Новый экс-император иногда изволил посещать этот дворец, так что когда на этот раз он не прибыл, люди в конце концов очень удивились. Видимо, такова скорбь и печаль, посетившие его августейшее сердце.

К тому же заговорили, что экс-император выехал в столицу, поэтому сам сверх меры изумлённый старший чиновник управылевой половины столицы⁸ Норинага увещевал других:

— Теперь самая середина Промежуточной тьмы. Если бы августейший по этому случаю отправился в столицу, люди могли бы выразить недоумение. Видимо, что-то произошло. Должно быть, государь весьма озабочен.

Вместе с тем, настроение его не соответствовало этим словам, а потому Норинага спешно выехал к родственнику государя по материнской линии, Внутреннему министру, вельможному Санъёси⁹. Всем своим видом показывая, что втайне он испытывает чувство скорби, сановник громко заговорил:

— Какой это постыдный замысел, этот план! Сейчас не время для государевых важных дел. Как тут не быть раскаяньям у государя?! Нынешний император — его младший брат, — так что вы думаете о

существовании такого замысла? Наследовать престол и управлять державой можно только по усмотрению Великой богини Аматаэрасу и бога Хатимана¹⁰. Как бы там ни было, обычному человеку это не может прийти на ум. Лишить младшего брата престола, передать власть над миром племяннику — такого примера не было ни разу от древности до наших дней.

Если поинтересоваться далёкой стариной, то в начале августейших правлений нынешней сотни государей¹¹ император Дзимму-тэнно был четвёртым сыном Хиконагисатакэ¹² и, минуя всех своих старших братьев, наследовал Драгоценное счастье императорских принцев¹³. Судзюн, двенадцатый сын императора Киммэй, взойшёл на престол, обойдя многих своих старших братьев¹⁴.

В недавнее время сын Неба Хэйдзэй¹⁵ изволил передать императору Сага¹⁶ престол, но затем, преисполненный обидой, организовал заговор, однако же схватку за престол проиграл и в результате принял монашеский постриг и изволил долгое время проживать в местности Окурасу в окрестностях горы Дайго¹⁷.

Принц Корэтака¹⁸ проиграл сражение за престол императору Сэйва¹⁹, а после того как принял постриг, затворился в местности Оно у подножья горы Хиэйдзан²⁰. Видя, что передняя телега опрокинулась, задняя извлечёт урок²¹. Разве можно затевать заговор? О назначении Первого принца возносят молитвы буддам и богам; для него бывают особые основания. Если бы на этот раз высокочтимый сам²² принял постриг и благоволил поселиться в тиши отшельнической обители, это был бы самый замечательный его поступок. А в его теперешнем замысле никакого смысла нет. Нужно бы узнать настроение экс-императора и доложить государю.

Так молвил министр, и Норинага, поспешно возвратясь во дворец, доложил государю об этих его словах. Сам же Новый экс-император не сообщал ничего, а правящий государь изволил промолвить:

— В этом несомненно есть резон. Мне докладывала об этом помощница начальника Дворцовой охраны. Подобных неприятностей нужно избежать. А сверх того нет никаких деталей.

И после того, что он вымолвил это, Норинага во второй раз говорить не решился, но плача и плача, удалился прочь.

Вечером того же дня Новый экс-император переехал из дворца Танака во дворец *сайин*²³ в районе Сиракава. Никто об этом не знал. Было лишь объявлено о посещении *сайин* августейшим. Дали знать, что вместе с ним будут глава Управлениялевой половиной столицы Норинага, глава Правой дворцовой конюшни Санъёкиё, прежний владелец провинции Ямасиро Ёрисукэ, помощник командиралевой гвардии охраны дворцовых ворот Иэхиро и другие.

ГЛАВА 8.

О том, как Новый экс-император изволил вызвать Тамэёси¹

В тот же вечер к Новому экс-императору был вызван судья Рокудзё Тамэёси. Хотя вызов ему последовал также и от государева двора, он пока не отправился никуда, а закрылся у себя, стараясь выяснить настроения людей.

Обычно на приглашение прибыть в хижину отшельника отвечали согласием, но как поступить на этот раз? Когда он сообщил в ответ на приглашение, что не может прибыть из-за плохого самочувствия, домой к нему с поручением передать приглашение прислали Норинага, и судья вышел к нему приветствовать его:

— Допустим, Тамэёси, — начал он, — родился в доме с луками и стрелами. Мои предки по отцовской линии поколение за поколением наследовали эту традицию, и приглашались служить в охране императорского дворца, но на самом деле мне ни разу не удалось приложить руки к участию в сражении. В прежние годы наш дядюшка Ёсицуна, владетель провинции Мино, примкнул к врагам династии, но он безвыходно сидел у себя в горах Кокаяма в провинции Оми, а когда получил от государя изъятие высочайшей воли, его сын и все сторонники совершили самоубийство. Когда же, помимо того, самого Ёсицуна взяли в плен и увезли, монахи из Нара² решили напасть на Горные ворота³ и огромной силой в десять тысяч человек двинулись на столицу. Тогда они тоже были настигнуты указом государя и от горы Курикояма повернули назад. Такие, вот, были два случая. При возникновении других беспорядков в разных провинциях в них отражают отроков⁴, и те усмиряют мятежников. Но о них не стоит и говорить, сколько бы их ни было. Ёситомо, что служит прямому наследнику, воспитывался в Восточных провинциях и выделяется своей отвагой. Он пошёл служить во дворец, полагая, что это завещано ему покойным экс-императором. Несмотря на то, что кроме него было много и других детей, — таких, которых можно было бы назвать полководцами, не было. Самый младший, судья Тамэтомо⁵, воспитывался на острове Тиндзэй⁶, но в умении пользоваться луком и стрелами пошёл, по-видимому, в своих предков и весьма искусен во владении мечём. Он проявляет также высокое умение в ведении битвы. Вот бы заставить его прибыть сюда... — говорил он нехотя.

— Больше никаких отговорок не надо. Однако же этот юноша Ёситомо не должен попасть во дворец. У вас самого непременно будут определённые трудности с тем, чтобы не являться к экс-императору. Это тот случай, когда родитель — это родитель, а ребёнок — это ребёнок. Пусть даже будут настаивать, чтобы парень приехал, не нужно сопровождать его и приезжать с ним самому, лучше с кем-нибудь поменяться

местами и от себя сообщить ответ, что прибудет только он. А там как-нибудь обойдётся, — произнёс Норинага, и судья сказал в ответ:

— В общем, как бы там ни было, уже давно изъяснялось намерение огласить императорский рескрипт о возведении Тамэёси в полководцы, и тем не менее, такого решения не последовало. Предок мой, Ёриёси⁷, обычно выигрывал сражения, а когда захотел, получил во владение провинцию Иё, то обыкновенным Ведомством дознаний ему не дано было позволения почтительно принять эту провинцию⁸. Он был отцом Ёсииз⁹ и когда управлял провинцией, тот желал называться владетелем провинции Муцу. Будучи владетелем провинции, он говаривал: «Ты — несчастье в доме!» — и всё никак не получал монаршего соизволения. Скоро он сверх меры поседел. Даже тогда, когда Ёриёси готовился отправиться в последний путь, он должен был при любых обстоятельствах исправлять службу. Лишь недавно мечта его исполнилась наяву. Он встревожился и не знал, в какую сторону податься, после того, как увидел, как доспехи словно ветром разнесло на все четыре стороны — те доспехи, которые передают по наследству от поколения к поколению и которые известны под названиями «Тонкий металл», «Круглые колени», «Число лун», «Число дней», «Замена цига», «Шнуры», панцири «Семь драконов» и «Восемь драконов»¹⁰.

Тогда Норинага стал и так, и этак наставлять его:

— Это недоступно моему разумению. Он питал такую надежду, а теперь ещё и преданностью государю отличился! Ведь это они, предки уважаемого господина, ударив по дикарям из восточных провинций¹¹ Садатō¹² и Мунэтō¹³, наказав Такэхиро¹⁴, получили позволение посещать дворец государя и высочайшее повеление о назначении полководцами их обоих, отца и сына. Что ни говори, а в стране, охваченной сражениями между правящим государем и экс-императором, Вам, своей лишь преданностью, трудно подняться до положения такого верноподданного, которые управляют страной. Слов нет, осуществлять свои желания сейчас куда как нелегко, не правда ли? Как человек, усмиряющий мятежи на земле, что под Центром Неба, Вы не можете смотреть со стороны на такое великое дело. В первую очередь, остерегайтесь мечты, которая недостижима для такого великого полководца, как Вы. Существует боязнь объявить об этом. Но говорят, что на приглашение экс-императора обязан прибывать всякий, кем бы он ни был.

Пока он произносил эти наставления, во дворец явились дети семи лишившихся силы обладателей власти, которые считали, что бежать им больше некуда: 3-го — Ёсинори, командира отряда меченосцев из охраны принца, далее — Саэмон-но дзё Ёриката, Ёринака, помощника начальника управления чиновниками из Ведомства двора, 6-го — Тамэиэ, 7-го —

Тамэнари, 8-го — Тамэтомо и 9-го — Тамэнага. Во дворце стоял гам: «А-а-а!»; казалось, будто все, от мала до велика, меряются силой. В избытке чувств экс-император отдавал повеления владельцу провинции Оми Иба-но-сэ и Аояги-но-сэ из Мино. Кроме того, он благоволил повелеть владельцу провинции Ното Изнага, чтобы Тамэёси стал верхним стражем Северной стены¹⁵.

ГЛАВА 9.

О том, как господин Левый министр поехал в столицу

Стало известно, что господин Левый министр пребывает в Удзи¹, а Новый экс-император уже изволил пожаловать во дворец Сиракава² и благоволил спешно направить посланцем к нему *сикибу-но таё* Моринори³, повелев сказать тому, чтобы он действительно поспешил.

Когда Моринори спешно возвратился и почтительно передал эти слова Левому министру, тот, как ему и было велено, немедленно пожаловал в столицу. В глубокой тайне поехал он по дороге через Дайго⁴, сопровождаемый грубыми носилками *харигоси*⁵. В его экипаже находились двое: Канкёрю Норинобу⁶ и прежний губернатор провинции Ямасиро Сигэцуна; Левый министр распорядился, чтобы экипаж следовал во дворец, и доставил седоков к Рокухара⁷. Увидев это, воины охраны сообщили во дворец о прибытии Левого министра и придержали его экипаж.

Всё поняв, Синсай пропустил экипаж со словами:

— Когда изволят ехать Левый министр, бывает неважно, какое у него дело. Следовать ему надлежит беспрепятственно.

В старину, когда ханьский Гаоцзу сражался с Сяньюем, увидев, что войско Гаоцзу разбито, воин по имени Цзисинь сел в экипаж и проехал перед лагерем Сяньюя. В это время Гаоцзу смог тайком бежать. А воины Сяньюя задержали экипаж, считая, что в нём едет Гаоцзу. Однако же ехал в нём один Цзисинь.

А поскольку этот Цзисинь был выдающимся воином Поднебесной⁸, Сяньюй пощадил его за нанесённый им ущерб и сказал:

— Следуй за мною. Ты должен помочь мне!

Цзисинь насмешливо отвечал ему:

— Вассал не служит двум повелителям. С какой это стати я сделаюсь рабом Сяньюя!

Разгневавшись, Сяньюй приказал убить Цзисиня. Каждый из них выражался решительно⁹.

Однако ни Норинобу, ни Сигэцуна в душе не были похожи на Цзисиня. Прибыв во дворец Сиракава, они, дрожа, вышли из экипажа и промолвили:

— Экий страх! Будто побывали в наживках у чёрта.

Новый экс-император послал с Тикахиса из Воинского приказа грамоту во дворец. Оттуда последовал ответ. И вновь во дворец была отправлена грамота от экс-императора. На этот раз ответа не было. В чём там заключалось дело, — подробно не знает никто.

ГЛАВА 10.

О том, как были созданы правительственные войска

Кроме того, посланниками императора к Бифукумон-ин были направлены двое — вельможный *удайсэ* Киннори¹ и вельможный *дзайсэ* Тё Мишуёри², и те сообщили предсмертную волю покойного экс-императора. Когда оба они открыли и прочли записи, то обнаружили, что покойный экс-император давно признавал, что отношения между государями и экс-императорами неминуемо будут плохими, а также увидели собственноручно написанный государем список воинов, коим надлежало прибыть к нему. Список начинался со следующих пяти имён: Ёсимото, Ёсиясу, Ёримаса, Нобуканэ и Санэтоси.³

Ёситомо и Ёсиясу, каждый в отдельности, удостоились наставлений покойного экс-императора и, начиная с прошедшей 6-й луны, помимо того, что они несли охрану императорского дворца, в последние дни особо укрепляли ворота дворца. Киёмори, правитель провинции Аки, с самого начала владел большими силами. Наиболее выдающимся в них считали его отца, главу Ведомства правосудия Тадамори⁴. Он охранял особу старшего сына Нового экс-императора принца Сигэхито, поэтому, как свидетельствует его молочный брат, в дневник Тадамори попало, что от Бифукумон-ин были направлены посыльные, которым было велено:

— Это — последние слова покойного экс-императора. Их надлежит доставить в императорский дворец.

Поэтому Киёмори должен был попасть во дворец любыми путями. Другие его сподвижники проникли туда вслед за толпой придворных чиновников. Управляющие из провинций⁵ предводительствовали воинам, чиновники дворцовой охраны были снабжены оружием, чиновники дознания четырёх из шести ведомств защищены доспехами. Имея при себе луки и колчаны, все они находились в голове стана.

ГЛАВА 11.

О том, как все ворота во дворце экс-императора были укреплены, а также об оценке войска

В десятый день той же луны Новый экс-император въехал во дворец, расположенный к северу от покоев Соблюдающей чистоту¹. Следовать Новый экс-император изволил в экипаже Левого министра.

Вскоре оборону этих покоев, находящихся за пределами городской стены, укрепили, вызвав к ним воинов и поделив между ними разные ворота. Есть там двое ворот, обращённых на тракт Ои². Что касается ворот, обращённых на восток, то их укрепили помощник конюшего Правой стороны Тайра-но Тадамаса и Тада-но курандо Ёриканэ. Ворота на запад получил под свою защиту один Яцурō Тамэтоси. Западную стену, обращённую к речной долине, сообща укрепили сыновья Тамэси. Конец Касуга по Северной стене получил Иэхиро. Каждый воин один следом за другим начинал служить на своём посту и на свой лад укреплял его.

Хотя в целом силы экс-императора и составляли более тысячи всадников, но дворец его был просторным, и когда люди распространились по нему, их нигде не стало видно. Новый экс-император потребовал себе длинное одеяние Левого министра.

Норинага предстал перед его взором и принялся уговаривать экс-императора, говоря:

— Такого примера, чтобы государь, оставивший престол, внезапно облачился в воинские доспехи, не существует. Кроме того, в эту пору слишком жарко. Не извольте поступать так, как этого ожидают.

Действительно, как он и замыслил с самого начала, и экс-император, и Левый министр сняли своё платье. Вельможный Норинага, Норимаса-асон и более мелкие чиновники-стражи Северной стены надели поверх шаровар *хакама* широкие купаки. Низшие ратники отряда экс-императора облачились в доспехи, взяли луки и опоясались колчанами.

После этого, вызвав к себе судью, экс-император спросил его о порядке ведения битвы. На белом коне с чалой гривой мимо проехал Тамэси в мощных доспехах, скреплённых чёрной нитью, которые были надеты на пёлковое церемониальное платье *хитатарэ*. Осанка его и поведение были спокойными, и он выглядел как великий полководец.

— Как я уже докладывал ранее, — почтительно молвил судья, — Тамэси ещё не имел случая проявить мастерство в сражении. Августейшему нужно распорядиться призвать к себе судью Тамэтомо.

Экс-императоры и прежде могли слышать, что этот Тамэтомо был тем человеком, который был нужен. Помимо этого, во время беседы августейшего с его отцом тот представил его в таком же духе: он-де человек поистине внушительный — своей наружностью, поведением, выражением лица.

Он был человеком больше семи *сяку*³ ростом, и над обычными людьми возвышался на два-три *сяку*. Тамэтомо был лучником по рождению, и его левая рука, сжимавшая лук, была на 4 *сун*⁴ длиннее правой руки, державшей поводок уздечки. А потому и в горсть он мог взять сразу 15

стрел. Лук его был размером в 8 *сяку* 5 *сун*, а древку его лука не было равных по длине. Его золотистого цвета стрелы были изготовлены из трёхлетнего бамбука⁵.

Полагая, что стрелы будут терять свои свойства, если их вымыть, он лишь удалял с бамбука узлы и полировал их хвощём. А ещё он считал, что если будет делать стрелы лёгкими, они станут хуже, и втыкал железные пластинки в их стебли до самых бамбуковых перемычек внутри стебля.

Для оперенья стрел Тамэтомо не пренебрегал перьями ни коршуна, ни совы, ни ворона, ни курицы, а концы стрел обматывал побегами глицинии. Не забывал он и о выемке для стрелы: чтобы лук не сломался, закреплял его роговой пластиной и покрывал киноварью.

Наконечники у его стрел были типа «лучина» и «птичий язык»⁶. Спереди они сужались наподобие долота и насаживались на стрелу толщиной в 5 *бун*⁷, шириной в один *сун* и длиной в 8 *сун*. Стебли у стрел были срезаны возле самых наконечников. После того как, отшлифовав, словно льдинку, наконечник стрелы, он смазывал жиром его жало и делал это так, что стрела пронзала цель, куда бы она ни попадала. Казалось, выдержать её не могла ни скала, сколь велика эта скала ни была бы, ни глинобитная стена, окованная железом. Что касается звучащих наконечников боевых стрел⁸, для них Тамэтомо отбирал молодые побеги магнолии или падуб, зачищал на побегах участки на 8 глазков и метил на них по 9 глазков.

В них он вставлял «гусиные окорока»⁹ — «алебардный зуб» в один *сун* и «фуки» в шесть *сун*. Вперёд выдавалось три пика, на каждом пике затачивалось лезвие, из-за чего стрела становилась подобной малой алебарде с двумя торчащими вперёд «бутылочками». На лопаточке стебля стрелы из чистого бамбука были закреплены перья медно-красного фазана вперемешку с белыми как иней перьями аиста, и те покрывали её со всех четырёх сторон.

В колчан на 24 стрелы добавлялось 4 таких звучащих стрелы, и это было подобно тому, как среди рощи поднимается высокая купа деревьев.

Воин был одет в доспехи, которые окаймляло золотое шитьё со львами в кругах, которые являлись пугающими крупными амулетами; на грубо-тканное *хитатарэ* китайским узором¹⁰ по чёрному полю вышито несколько кругов со львами.

Меч его с клесной гардой¹¹, покрытой чёрным лаком, достигал трёх *сяку* и пяти *сун* и был вставлен в ножны, завернутые в медвежью кожу¹². Страшен был вид Тамэтомо, облачённого в лёгкие доспехи, со скромными оплечьями и наколенниками, с прижатым к боку луком, горделиво выступающего вперёд, покачивая шапочкой *эбоси*¹³. Так проявлялся гнев

его, ибо напоминал здесь Тамэтомо злого демона Тохати Бисямона¹⁴. Казалось, нет таких демонов зла и духов болезней, которые посмели бы встретиться с ним лицом к лицу.

Но не только этим внушительным было зрелище. Для конных и пеших здесь не было ни таких пернатых, летающих по небу, ни таких зверей, бегающих по земле, которых не остановили бы они, стреляя из луков. Они были совершеннее Масакадо и Сумитомо¹⁵, превосходили Садато с Мунэто. Это был герой, не имевший равного в древнюю эпоху, такой, который вряд ли встретится во веки веков. Хотя в старину знаменитые Тамура и Тосихито¹⁶ нападали на злых духов, а Райкё и Хосё разбивали войска злых демонов, он, получив повеление государя или поставив на первое место божественные силы, составил славу о своей собственной воинской силе.

Теперешний Тамэтомо — человек могучий и не уступает сильному чуцу, который вытаскивает горы¹⁷. Его рука, держащая лук, невелика, но в «искусстве ста шагов» он равен Чжао Ю¹⁸. Чжао Лян планы свои развивал в ставке¹⁹, Цзисин воспрял духом в экипаже²⁰, этот же в себе одном соединяет множество талантов, а посему в одиночестве шествует между древностью и современностью по воинскому пути умаления зла. Люди в изумлении раскрывали глаза, не было никого, кто бы, как говорится, от удивления и страха не тряс бы языком. Он ступал по следам ног своего отца Тамэси и повиновался ему во всём. Кажется, один вид его поистине сметаёт прочь всё вокруг.

Новый экс-император раздвинул шторы в спальном павильоне и осмотрел его. Лик дракона²¹ сейчас же изволил покрыться ямочками. Господин Левый министр пребывал в покоях, но государь проследовал своим взором вдаль и улыбнулся:

— Тамэтомо уже прибыл. Это действительно, действительно серьёзно! Говорят, он один равен тысяче.

Сказав это, государь изволил тем самым одобрить и всё остальное.

— Тамэтомо, доложи порядок будущего сражения! — молвил он.

Тот повиновался и доложил:

— Я, Тамэтомо, с раннего детства жил на острове Тиндзэй и в схватки вступал уже раз двадцать-тридцать. Иногда повергал противника, иногда терпел поражение. Но всякий раз, когда я задумывался о том, что в прошлый раз привело меня к победе, то видел: ничто не сравнится с ночной атакой. Перед тем как начнёт светать, мы подступим к павильону Такамацу в императорском дворце, с трёх сторон подожжём его, а ещё с одной стороны атакуем. Тот, кто избежит огня, не сможет избежать стрел. Надо только защитить моего старшего брата Ёситомо, чтобы ему не причинили боль. А что до остальной толпы, так я выхвачу меч и

врежусь в самую её середину и к тем, кто станет загораживать вход, продвинусь и перебью их собственной рукой. Скошу, как траву. Смету прочь. Когда я отвлеку на себя тех, кто поближе, порублю, обращу в бегство, раскидаю в стороны или же откручу им головы, вырву руки до плеча и потом обойду на скаку, — их будет столько, что неведомо и богам моровых болезней! Больше того, и у Киёмори с его отрядом ни одна стремительная стрела не пролетит мимо цели. В это время Вам, Ваше величество, непременно нужно пребывать в другом месте. В государев паланкин стрелы не должны попадать. Это не те стрелы, которыми обменивается с противником Тамэтомо. Это те стрелы, которые угодно метать Великой богине, освещающей Небо²², и святилищу Сёхатимангү²³. Напуганные ими носильщики бросят государев паланкин и разбегутся. Тогда его величество не в состоянии будет помышлять о том, чтобы совершить поездку во дворец.

После того как он произнёс эти свои главные слова, Левый министр вымолвил:

— Это приём грубый. Нет сомнений. Исполняется с молодым задором, не правда ли? То, что всё свершится, как ты говоришь, среди ночи, означает, что дело сведётся к частной схватке между десятью-двадцатью всадниками. Что ни говори, а среди ночи не понять, как вести себя в сражении за страну между царствующим государем и экс-императором. Особенно в нынешней битве, где воины, стоящие за оба дома, Гэн и Хэй²⁴, собрались во множестве и поделились на два лагеря. Как это было принято в старину, нужно между собой всё обдумать. Без подготовки этого никак не осуществить. Вообще говоря, главное в сражении это план, а вперёд выводит сила. С другой стороны, сколько их всего, воинов, призванных сейчас к себе экс-императором? Не думаю, что они смогут выступить неожиданно, как должно быть. Кроме них, отряды монахов-воинов из Южной столицы²⁵, которыми командуют Синдзицу и Гэндзицу²⁶, те, которые стоят в 3-м районе Сасия на реке Тоцугава в провинции Ёсино, те, что из 8-го квартала Тооя, — это уже больше тысячи всадников. Нынешним вечером они поступают в распоряжение господина Фукэ²⁷. Завтра в часы Зайца и Дракона²⁸ они должны прибыть в этот дворец. Если это произойдёт, нужно всех этих людей снарядить и направить сражаться. Но их галдёж обязательно доставит нам раскаяние. Кроме того, завтра же чиновники из дворца экс-императора, придворная знать и сановники, допущенные ко двору, непременно займутся делами управления. Если кто не придёт, того нужно казнить немедленно. Может быть, двоим-троим отрубить головы? Тогда остальные не явятся. В течение ночи дворец надо хорошенько охранять и действовать согласованно с отрядами монахов-воинов из Южной столицы.

Тамэтомо вышел, едва дослушав.

— Может быть, Вы изволите посмотреть, как мы приведём в готовность наши силы, не дожидаясь Синдзицу и Гэндзицу? Чтобы определить победу или поражение, нужно назначить точное время. Ёситомо²⁹ — это человек, который действительно разбирается в сражениях. Думаю, что это тоже даёт преимущество. Распорядимся всё сделать в течение ночи. Важно, чтобы до завтра в столицу вошли и отряды из 3-го квартала Сасия. Нельзя приносить клятву победителю после того, как битва закончится. О, действовать нужно чётко, как распорядитель в официальных делах — на придворном празднестве, при составлении обращения Высшего государственного совета к государю или при заполнении списка продвижения по службе. Что же касается составления плана сражения, здесь, как изволите видеть, всех сильнее Тамэтомо. Не жалко ли? Но если противник нас атакует сейчас же, наши воины растеряются! — разразился он громкой руганью и вышел вон.

Как только Тамэтомо, оставив в стороне множество своих старших братьев, изложил свой план действий отцу, он привлёк к себе особенно много разговоров, оттого что его отвага была действительно из ряда вон выходящей. Вообще, этот Тамэтомо с самого детства был выдающимся головорезом, и в то время, когда он порвал со своими старшими братьями и считал, что на всю жизнь останется в одиночестве, — назначенный в столице на должность судьи он совершил ошибочный поступок и уехал на Тиндзэй.

С 13 лет он жил в провинции Бунго, потом стал зятем Хэй Сирō Тадакагэ из Асо, а когда решил подчинить себе Девять провинций³⁰, в общем, кто-то должен был за ним следовать. Начиная с Кикүти и Харада, все построили себе замки в разных местах и засели каждый в своей провинции. Тамэтомо, как будто, здесь и родился: захватывал замки, преследовал неприятеля, и во всём свете не было ему равных, когда он догонял противника и атаковал его.

В течение трёх лет Тамэтомо наносил удары по всем местностям без исключения, отчего и был прозван гонителем неприятеля в Девяти провинциях, не подчинявшихся власти сверху, и хозяйничал на Тиндзэй. После того как беспорядки миновали, люди, подавая жалобу в Девять провинций, либо обращались к Тамэтомо, либо называли судью. Тогда он приезжал и, в зависимости от того, какова была вина, принимал на себя обязанности судьи, становился, как прежде, полицейским чиновником. Выслушав сообщения, Тамэтомо говорил:

— Как это? Это же возмутительно! По суждению Тамэтомо, достойно смертной казни или ссылки. Жалок тот судья, который возлагает вину на невиновного. Нужно прибыть, но суждения своего не выносить.

Так он говорил, и вдруг уехал в столицу, а на слова о том, что почти все его приятели из Девяти провинций хотят отправиться вместе с ним, заявил:

— Еду так, чтобы не навлекать на себя обвинения. Отправься Тамэтомо в сопровождении многих людей, этих людей он возьмёт из Девяти провинций. Для заговора это не годится. По дороге в столицу нас станут преследовать люди, у которых такого намерения нет, — и поехал один.

Тем не менее, среди воинов, которые словно тени следовали за Тамэтомо, был сын его кормилицы, копьеносец Судō Курō, следящий за упущениями Акусити Бэтто, который когда-то был монахом на горе³¹, стрелок Дзэхати, борцы Ёдзи, Ёдзи Сабурō, Такама-но Сабурō, Сирō из того же дома, Томэя-но Гэнта и Сатюдзи, метатель из пращи Кихэй Дзитаю из 3-го квартала, лучник Синдзабурō и кулачный боец Яхэйдзи — всего 17 воинов, каждый из которых равнялся тысяче, а в общей сложности с ним посхало больше 50 всадников.

ГЛАВА 12.

О том, как полководец с шумом поднимался на холм и о появлении кометы

Во дворце Тоба все бывшие подданные ныне покойного экс-императора — Правый министр Киннори¹, советник Тō Мицүри², Правый старший управляющий Акитоки³ и их подчинённые стенали:

— С утренней зари прошедшего пятого числа в восточной стороне появилась и до сих пор не скрылась комета. Могила полководца беспрерывно грохочет⁴. В небе перемены, — на земле гибель. Гадание возвестило: нужно быть осторожным. Все думают, каким-то должен стать мир? Отовсюду слышится, что особенно в такие места, как дворец императора и пещера отшельника, нужно созывать войска и устроить сражение. Что из этого выйдет? Воистину и воистину — что страшно, то и должно быть страшно.

— Во дворце экс-императора делами вершит Левый министр. Благоволив созвать высших придворных, он известил их, что всякий, кто не явится, будет подвергнут смертной казни, поэтому не думаем, что нам удастся от этого уклониться. Когда Тамэтомо, подступив ко дворцу Такамацу, станет угрожать ему огнём, заговорят о том, что если император отъедет в другое место, в августейший паланкин может угодить стрела, — тогда встанет вопрос, будет ли государь в полной безопасности.

«После похорон покойного экс-императора прошло всего только десять дней. Соединив вместе свои августейшие устремления, государь, занимающий престол, и государь, оставивший престол, достигнут высше-

го просветления в будущем, да ещё и добьются успеха в прочих делах. Если же до этого не дойдёт, может внезапно произойти нечто достойное сожаления.

О, сколь глубоки клятвы Великой богини, освещающей Небо, по защите государства на протяжении царствования ста государей! Однако же, хоть теперь до ста и остаётся ещё 26 царствований государей⁵, жаль, что в нынешнее августейшее правление сила монаршего закона истощается.

Но когда как следует обдумаешь существо дела, наша страна — это страна богов. Кроме того, что хотя и милостиво струятся потоки реки Мимосусо⁶, но 74-е царствование⁷ не идёт вслед за Солнцем в небе. В древности, во времена императора Сүдзин⁸, с тех пор, как были основаны святилища, посвящённые небесным богам, и святилища, посвящённые земным богам, поклонение богам процветает, и в стране существует только это занятие.

Если подумать, станет ясно, почему нужно равно проверять ночную и дневную стражу. И не только это. С тех пор, как принц⁹, выйдя из крова императрицы Суйко¹⁰, усмирив Мория с его неверными взглядами¹¹, построил храм Ситэннодзи¹² и читал лекции по двум сутрам — о Шримале и о Цветке Закона¹³, он учредил 49 храмов и распределил по провинциям шестидесяти шести главных монастырей¹⁴.

После этого Дэнгё-дайси¹⁵ открыл Северный пик в провинции Госю¹⁶, добродетельными ветрами школы всеобщей гармонии¹⁷ овесало всё, что есть под небом¹⁸, величавым блеском засверкали манифестации будд в семи святилищах¹⁹. Кобб-основатель²⁰ занял гору на юге провинции Ки²¹, вода Закона трёх таинств йогии впадает в Четыре моря²², открылись временные створки дверей у пресветлых богов с Четырёх мест²³.

С той поры непрерывно, от древности и доныне, преуспевает Закон Будды и процветает Путь богов — от семи больших храмов Южной столицы²⁴ до шести храмов победы Учения Северной столицы²⁵, от Кинай²⁶ вблизи и до Семи дорог²⁷ поодаль.

И уж тем более — во времена двух экс-императоров, Сиракава и Тоба. У людей было исключительно глубоким почитание небесных и земных богов, они были возвращены к Будде, поэтому из уездов шестидесяти с лишним провинций Японии половина была во власти богов, а многие поместья придвинулись к дому Будды.

Поэтому, словно под сенью деревьев, повсюду были обитатели, где в разных проявлениях пребывали умеряющие своё сияние²⁸. Разве на востоке и на западе, на юге и на севере в любой и каждой стране нет земли, где люди с усердием следуют по пути Будды?! Он всё превзошёл в шестнадцати великих странах и всё превысил в 500 средних странах. Нашу же страну охраняют небесные и земные боги; им, должно быть,

удобно как-то забросить три сокровища²⁹. Это земля, где вместе собрались все четыре божества: слева Зелёный Дракон, справа Белый Тигр, спереди Красная Птица и сзади Чёрный Воитель³⁰, потому, после того, как в 13-м году эры Тэнряку [793 г.] правления императора Камму столицу перенесли из Нагаока³¹ сюда, в крепость Мира и Спокойствия, Хэйандзё, а в царствование императора Сага³² в 10-й день 9-й луны 1-го года эры Кёнин [11 октября 810 г.] было нарушено царствование прежнего императора, Хэйдзэй³³, однако столица разрушена не была.

После этого за время правления 25 монархов звёзды и иней сменяли друг друга больше 300 раз³⁴. На востоке и на западе они изобиловали мятежами — эра Дзёхэй мятежом Масакадо, эра Тэнкё — мятежом Сумитомо³⁵.

В годы Тэнки [1053–1058] мятеж замыслили Садато и Мунэтё³⁶; одни захватили восемь провинций³⁷ и вели сражения восемь лет³⁸, другие забрали себе 54 уезда и владели ими двенадцать лет³⁹, но все эти беспорядки случались в глуши, в провинциях иных, в самой же столице было спокойно, никакая шайка нашей династии не изменяла. Сюга великий бодхисаттва Хатиман⁴⁰ оставил свои следы на горе Отокояма, с севера оберегают замок феникса великие пресветлые боги Камо⁴¹, на северо-востоке добавляется к ним 21 святилище Горного короля⁴². Поблизости от горы Оугияма явлен небесный бог Тэмман⁴³. Кроме того, вдали и вблизи сплошными рядами выстроились святилища Мацуноо, Хирано, Инари, Гион, Сумиёси, Касуга, Хирота и Хиросэ⁴⁴. Они днём и ночью располагаются по порядку и охраняют императорский дворец; не прозябают в них церемонии поклонения богам, и более всего светлеют вязы⁴⁵. Хотя и говорят, что непокорный вассал замышляет дурное, но разве не помогут нам чудотворные боги?!»

Так с надеждой думал каждый.

ГЛАВА 13.

О том, как сосредотачивались правительственные войска и о поездке государя во дворец Сандзё

Государь появился в Южном павильоне императорского дворца Такамацу, и повсюду заговорили между собой придворные сановники. Последнее место занимал ставший на Путь Младший советник Синсэй¹. Передвигались люди в белых одеяниях дзёэ² с короткими рукавами, опоясанные мечами в нелакированных деревянных ножнах, называемых «тисята».

Так вот, примеры того, что человек, ушедший от мира, бывает вхож в императорский дворец, очень редки испокон веков. То, что в древности, в августейшие времена императрицы Сётоку³ священнослужитель

по имени Югэ-но Дōкѣ⁴, проводя моления перед милосердной Каннон, снискал благоволение государыни, отчего был пожалован в Первые министры и допущен служить при дворе, — дело особое. Современные ему церемонии поистине редкостны. Однако этот монах превзошёл разные учения и совмещал многие таланты. Ему была ведома старая истина о двойном государственном управлении, ведущем к раздорам, поэтому, когда этого человека не стало, управлять сделалось трудно.

Ёситомо в красной парчовой куртке *хитатарэ*⁵, с одним медным щитом и в малых наколенниках, был вооружён мечём. Подняв вверх *эбоси*⁶, он преклонил колени в саду и почтительно внимал. Синсэй говорил ему:

— Ты оставил отца и братьев, прибыл к правительственным войскам. Это весьма и весьма достойно похвалы. Поэтому на этот раз ты станешь полководцем. Из-за того, что ты выражаешь верноподданничество и сыновний долг, тебе сейчас же должно будет разрешено право повседневного присутствия в помещениях императорского дворца. Об этом и извещаю тебя.

Ёситомо почтительно молвил:

— Передам это своей семье. Когда выходишь на поле битвы, нужно предполагать для себя смерть и не задумываться о жизни. Однако же смысл заведения покойного экс-императора и государева повеления в том и состоит, чтобы не щадить жизни. Я теперь же готов к тому, чтобы мои кости белели на поле битвы. Пожив единожды, в этот мир непременно вернёшься снова, и тогда снова стремишься к славе; наступит жизнь, в которой будет мало на что положиться, кроме как на волю Неба. Думаю, что в будущем должно быть решение императора, а теперь государю следует отдать своё повеление. Тогда давнишнее моё желание будет выполнено, и можно будет немного воспрянуть духом. Отдать свою единственную жизнь, не выполнив своего желания, есть заблуждение, оно достойно сожаления, — так он сказал и сошел вниз.

Синдзэй доложил государю:

— Дело это трудное. Правда, говорят, что предки Ёситомо, Ёриёси и Ёсинэ, усмиряли врагов династии и получили позволение входить во дворец, но отец его Тамэёси пока ещё является всего лишь низшим чиновником⁷ Польцейского ведомства. Может ли он, как сын Тамэёси, вдруг получить позволение входить в императорский дворец?

— В старинных книгах сказано, что в эпоху мятежей усмирение осуществляют оружием. Мир уже пребывает в беспорядке. Ёситомо нельзя оставить без награды, — заметил ему августейший и больше не входил ни в какие подробности.

После этого, не меняя своего облика, Синдзэй опоясался оружием и поднялся примерно до середины лестницы и оттуда стал наблюдать за редкостной церемонией первого вхождения во дворец.

Имеется описание внешнего вида входящего во дворец. Простолудин не должен попираť ногами облако с горы Хōрай⁸. Чиновник Высшего государственного совета — надежда Поднебесной. Говорят, что человеку с обыкновенными способностями с высокого здания луну не бывает виднее, но то, что сейчас он впервые оставляет своё имя на скрижалях дворца, представляется честью для носящего лук и стрелы⁹, переданной ему от Шестого принца.¹⁰

После этого он доложил планируемый им порядок сражения. Ёситомо говорил:

— Несмотря на то, что говорится, будто военные планы существуют разные, для победы над противником нет ничего легче, чем подступить перед самым рассветом к командиру лагеря и ударить, лишив противника преимуществ, — вот план воинской доблести. В особенности важно, что по приказу Левого министра вызваны отряды монахов из Южной столицы — а их силы, как говорят, уже достигают тысячи с лишним всадников и завтра придут. Кроме того, мой младший брат Тамэтомо-кандзэ¹¹, положившись на отца, Тамэёси, прислуживает в хижине отшельника. Этот парень во время сражения проворен сверх меры. После того, как его друзей снабдят всем, и они явятся сюда, защищаться будет не просто, выстави хоть миллион вооружённых всадников. Пусть у них будут только железные щиты, стрелы они не должны будут пропускать. И ещё: если, пока все вместе будут ждать неприятеля в засаде, поднимется солнце, — люди и кони устанут, и сражение может ослабеть. Поэтому оборонять дворец августейшего назначьте Киёмори. Ёситомо, не теряя времени, двинется ко дворцу экс-императора и решит исход сражения¹², — так он сказал, и Синсэй произнес в ответ ему:

— Поэзия и музыка — вот искусства, к которым имеет склонность вассал. Только им надо посвящать свою жизнь. Это не говоря уже о пути война. Что касается плана сражения, то тебе велели сообщить все свои пожелания. Есть книга¹³, в которой говорится, что сначала бывает время, когда ты подчиняешь людей, потом бывает время, когда ты подчиняешься людям. Главное — лишить противника превосходства. Срочно иди ему навстречу! До государя дошли слухи о том, что доблестные воины из Восточных провинций издавна следуют за тобой, и многие приходят к его особе. Это тоже не может не заслужить одобрения августейшего. Разве не увеличится от этого изобильное счастье Ёситомо?! Когда намереваешься умножить влияние своего государя, намерение своё непременно сообщишь военачальнику. Когда добиваешься победы, свою любовь обратишь на воинов. Военачальник — это тот, на кого полагается государь; воин — это тот, на кого полагается военачальник. Это подобно тому как, если тело управляет локтями, то локти управляют пальцами.

Разве тебе неизвестно, что человек, ставший врагом династии, берёт на себя ответственность перед Небом? Это потому, что он пренебрёг могуществом династии. Если мы успокоим сердце государя, немедленно умирив этих приятелей, мы, кроме всего, проявим выдающуюся преданность и сможем гордиться огромными воинскими заслугами. — Так он промолвил.

Ёситомо смиренно выслушал его и вышел. Синсэй высказался, Ёситомо ответил — и ничто не достигло посторонних ушей. Всё звучало серьёзно.

Возвратившись в свою ставку, владетель провинции Симоцукэ укрепил оружие и доспехи. Надел доспехи, передаваемые в его доме по наследству, под названием «Восемь драконов»¹⁴. Изначально эти доспехи назвал «Восьмью драконами» его предок Хатиман Таро Ёсиэ¹⁵, через три года, во время сражения, бог-посланец Великого бодхисаттвы Хатимана¹⁶ для охраны восьми видов полевой ставки¹⁷, он выбил в золоте Восемь великих королей-драконов¹⁸, закрепил наверхи шлема и нагрудную пластину панциря и дал им имя «Восемь драконов».

Среди восьмислойных доспехов имеется и любимое сокровище. По этой причине его неукоснительно передают от поколения к поколению. На могучего вороного коня Ёситомо возложил покрытое многослойным лаком, присыпанным золотой пудрой, седло с золотой каймой. Он уже вцепился в седло, готовый ехать, как вдруг, подумав о чём-то, оставил бывшую у него в руке плётку и взял вместо неё плетёную рукоятку, бывшую в повозке, что стояла в каретном сарае.

Воины смотрели на него не понимая: «А это что за плетёная?» Когда же Ёситомо сказал им:

— Это память о покойном отце. Пусть ему будет приятно, что мне так рано дозволено входить во дворец императора, — все воины оросили слезами рукава своих доспехов.

После этого Ёситомо завязал у панциря шнуры и уже совсем готов был к сражению, однако, удержав своего коня, он раскрыл алый веер и вымолвил:

— Ёситомо человек простой, но он родился в доме, где приняты воинские приготовления, и этим счастлив. Обычно, когда я ввязываюсь в сражение, я не допускаю и мысли о том, чтобы бояться врагов династии. На этот раз, после того как я удостоился государева повеления, я тем более не испытываю страха. Проявив воинское искусство в настоящее время, я смогу донести до грядущих поколений своё имя.

Так он сказал и кольхнул стягом из белого бычьего хвоста¹⁹, сверкнул отделанной золотом алебардой и двинулся наружу из лагеря, застывшего в порядке «рыбья чешуя» и «крыло журавля», взбодрённый его звездооб-

разными стягами с белыми бычьими хвостами и с молниями сверкающего оружия. Видно стало, что он — карающая сила, блестящий великий полководец.

Кто да кто они — те люди, которые сопровождают его? Камада-но Дзирё Масакиё и Кавати-но Гэнда Томокиё; в провинции Оми — Сасаки-но Гэндзё и Ядзима-но кандзё; в провинции Мино — Ёсино-но Таро и Хирано-но Хэйда; в провинции Овари — Ацута-но дайгудзи²⁰. Его отчим сам в столицу не поехал, а отрядил туда сыновей. В провинции Микава — воин Ситара Хёдо; в провинции Тотоми — Ёкодзи, Кацута и Ино Хатирё; в провинции Суруга — Ириэ-но Уманодзё, Варасина Дзирё, Окицу-но Сирё и Камбара Горё; в провинции Идзу — Тё Сирё и Тё Горё; в провинции Сагами — Оба-но Хэйда, Оба-но Сабурё, Яманоти Гёбунодзё, Сисоку Такигута и Эсукэ Хатирё; в провинции Симофуса — Тибаяносукэ Цунэтанэ; в провинции Мусаси — Тосима-но Сирё, генералы Синго и Синроку, Наридо-но Тарё, Хадзута-но Дзирё, Кавати-но Тарё, Бэппу-но Дзирё, Нара-но Сабурё, Таманои-но Сирё, Нагаи-но Сайтё Бэтто, Нагаи-но Сабурё, Тандзи Нарикё и Хангига-но Танроку; в Комама — Сё Тарё, Сё Сабурё, воин Титибу и Аибара Тарё; в Иномата — Окабэ-но Рокуяна, Комбэйроку, Каку-но Сабурё и Тэбака Ситирё; на западе — Хэцути Акудзи и Хираяма; в Кёкэ — Кавагоэ и Мороока; в провинции Кёцукэ — Сэдзимо-но Сирё, Монои-но Горё, Окамото-но Сукэ и Наха-но Тарё; в провинции Симоцукэ — Хацута-но Сирё; в провинции Хитати — Тёгун Сабурё и Сэки Дзирё; в провинции Каи — Сихоми-но Горё и Сихоми-но Рокурё; в провинции Синано — Маита, воин Кондё, Кувабара, Андё Дзи, Андё Дзё, Кисо-но Тёта, Я Тёта, Нэнги-но Дайята, Нэцу-но Симпэй, Кумасака-но Сирё и Сидзума-но Кодзирё.

Начиная с этих воинов, 400 с лишним главных всадников, а всего более 1000 всадников неслись навстречу противнику.

Воины, сопровождавшие владетеля провинции Аки Киёмори: старший его сын Сигэмори, младший помощник в Ведомстве центральных дел; второй сын Мотомори, судья из провинции Аки; младший брат Ёримори, владетель провинции Хитати; Норимори, владетель провинции Кавати; тайо²¹ Цунэмори. В числе слуг — начиная с Суэсада, Садаёси, Морикуни, Моритоси, Дзирё из Намба, Тарё из Сэноо, воин Итё из Фурути, его сыновья Итё 5-й и Итё 6-й, Ямада-но Кисабурё Корёюки и других, его встретили всадники силами в 1600 с лишним воинов. Кроме того, наперебой выкрикивая с подъёмом: «И я, и я!» — толпами валили сто с лишним всадников главы Хёго Ёримаса, сто с лишним всадников нового судьи из Муцу Ёсиясу, сто с лишним всадников судьи из Суё Суэсанэ, семьдесят всадников советника с Садо, помощника начальника ведомства

Сигэнори, семьдесят всадников судьи Хэй Санэтоси, а всего — больше 4500 всадников. Глава Хёго, Ёримаса, продвинулся до самого лагеря.

Это было в 10-й день 7-й луны, поэтому луна зашла во второй половине ночи. Чуть стало светать, на прибрежную долину реки Камо опустился туман. И хотя в столице не было видно даже реки Сиракава и нелегко было отличить восток от запада, все скакали, как им вздумается, ориентируясь только по вражеским кострам, и выехали к прибрежной долине к западу от тракта Оиномикадо.

Его величество в час Зайца²² благоволил выехать из дворца Такамацу в восточный Сандзё; государь сделал это из предосторожности, подумав, что дворец этот занимает тесное пространство, и положение наверняка ухудшится. Одетый в *хикинаоси*²³, Его величество вызвал низкий паланкин²⁴. Господин канцлер изволил взять божественный драгоценный меч²⁵ и вошёл в паланкин августейшего.

Среди сопровождавших государя были господин канцлер, Внутренний министр князь Санэюки, главалевой гвардии Мотодзанэ, глава Правой гвардии Кинъёси, помощник начальника охраны *курандо*²⁶ Тадатика-сёсё, Левый старший управляющий делами *курандо* Сукэнага, Левый помощник в Ведомстве правосудия Саданори, глава *охотонэри*²⁷ Изюки, младший помощник из Ближней службы императора Суэиз, помощник владельца Кадзуса Сигэиз, действительный владелец Эттё Нобутоси, действительный старший советник управления *курандо* Масаёри и другие.

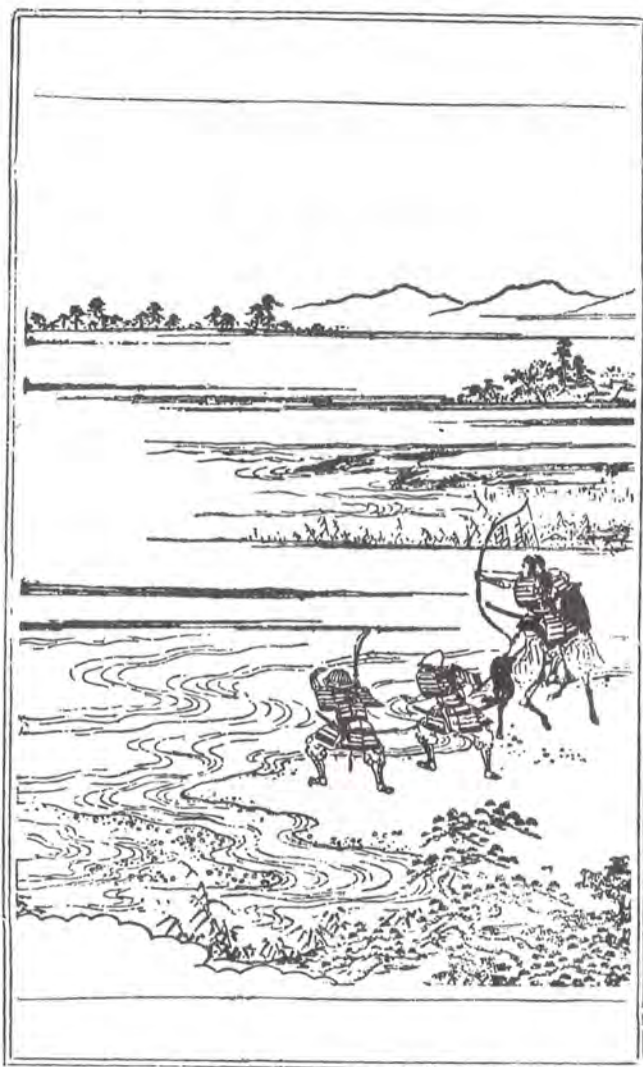

ХОГЭН МОНОГАТАРИ

Свиток II

保
元
物
語

Свиток II

ГЛАВА 1.

О том, как Ёситомо собирался предпринять почную атаку на дворец Сиракава

Господина Левого министра и Тамэёси вызвали в пещеру отшельника, и там состоялась непринуждённая беседа о делах в мире. Судья произнёс:

— Тамэёси, тряся старыми костями, уже прибывает. Ему не следует ни слова говорить о наших намерениях. Если об этом позаботиться, тогда даже слов о числе воинов, собравшихся в императорском дворце, достаточно для размышлений. Отчего же Тамэёси тогда с его силами не сможет оборониться? Если организовать оборону будет трудно и придётся дворец оставить, тогда государь предпримет поездку в Южную столицу и, пересекая мост через Удзи, он, может быть, изволит посмотреть на окружающий мир? Но если этого не делать, государю надо будет предпринять поездку в Восточные провинции, перекрыть Асигара и Хаконэ,¹ созвать наследственных вассалов из Восьми провинций Востока и возвратиться в столицу. Как это и предполагалось.

Так он сказал, и господин Левый министр изволил вымолвить:

— Тамэёси может действовать по любому из названных планов, и для этого появится соответствующая причина. Однако мой господин, обеспечив будущее потомков Неба, испытывает признательность струям реки Мимосусо², и пусть даже ему угодно будет оставить свой августейший престол, покада старший сын монашествующего императора занимает престол, десять тысяч стран пребывают в спокойствии.

— Однако то, что он занял положение Четвёртого принца, который даже не считается претендентом на престол, — это ошибка богов, она противоречит чаяниям людей, вот и всё. Какого дня в таких случаях следует ожидать, если августейшего плана нет? Тут никак нельзя не покинуть этот дворец и не выехать в другое место. Необходимо воодушевить себя стремлением сделать это непременно, проникнуться гордостью за милости, оказанные тебе государем, и со всею преданностью августейшему совершить воинский подвиг, — так он вымолвил и встал со следующими словами:

— Итак, будь что будет. Похоже, что Тамэёси должен ставить на карту свою жизнь!

Прозвучало это поистине многообещающе.

Между тем, из дворца сразу же выступили воины, и господин Левый министр не смог ничего предпринять из задуманного им, а вызвал Тикахиса из Воинского ведомства³ и сказал:

— Из дворца, похоже, направляются воины. Можно ли ожидать воинов сюда? Срочно ступай и проверь! — и велел дать ему коня из своей конюшни.

Тикахиса не стал даже осёдлывать его, — выехал, вскочив прямо на конский круп. Однако не прошло и мгновения, как он прискакал назад и соскочил на землю:

— Их тьма! Казённые войска надвигаются на нас словно тучи и мгла!

Не переводя дыхания и не переставая говорить, он трижды на время замолкал и подходил к западному берегу реки. Воины во дворце галдели так, что всё переворачивалось вверх тормашками. Сказанное Тамэтомо разнеслось между десятью тысячами человек. Даже Хатирō призывал:

— На превосходящего противника нападать надо здесь! — но безрезультатно. А когда господин Левый министр изволил обмолвиться, что Тамэтомо должен стать *куродо*, тот повернул к дороге на Оиномикадо, насмешливо проговорив:

— Ах, какая шумная карьера!

Дети судьи стали наперебой галдеть, споря, кто из них будет впереди, но они тотчас отступили, когда со стороны Тамэтомо послышалось:

— О чём спор?! Это зависит только от способностей человека. Кому быть впереди, определится при встрече, а если даже её и не устраивать, а придёт известие, что старший брат — это не старший брат, а плохой человек, — то и спорить тоже будет бесполезно. Но как ни силен будет противник, вы увидите, как он проиграет Тамэтомо сколько угодно раз!

Тут к западным воротам тракта Оиномикадо подступил владетель провинции Аки и громко назвал себя:

— Кто обороняет эти ворота, род Гэн или дом Хэй? Получив государево повеление, обращаюсь к вам я, Тайра-но Киёмори, владетель провинции Аки!

Ответ последовал тотчас же:

— Их обороняет Хатирō Тамэтомо с острова Тиндзэй.

Голос Киёмори стал тихим:

— Значит, я приблизился к воротам, которые обороняет страшный человек.

Поникув сверх всякой меры, он перестал продвигаться вперёд. Увидев это, воин Итō Кагэцуна с тридцатью всадниками приблизился к воротам и возвестил громким голосом:

— Мы жители провинции Исэ — воин Итō Кагэцуна из Фурунги с сыновьями Итō 5-м и Итō 6-м. В сегодняшней битве мы передовые!

Тамэтомо, достав одну за другой стрелы с острыми наконечниками, произнёс:

— Это вассалы рода Хэй. Ничего серьёзного собой не представляют. На них жаль тратить и одну стрелу.

Тогда Судō Курō заметил:

— Здесь главный из вассалов Киёмори. Может быть, развлечёмся? — и добавил:

— Ну, если так, принесём жертву богу войны! — с этими словами он не спеша натянул тетиву, прицелился в Итō 6-го, который находился напротив него, и выстрелил. Как тут было ему не попасть?! Стрела угодила в щель между грудной и боковой пластинами в доспехах соперника. У Итō 5-го, который был рядом с ним, стрела вошла в подкладку рукава доспехов и вышла наружу. Не прошло и мгновения, как Итō 6-й упал. Когда он рухнул с коня, его голову Итō 5-й взял, чтобы она не попала в чужие руки.

Видя такое, Кагэцуна спешно повернул назад и, прискакав к владетелю провинции Аки, проговорил:

— Какие страшные лучники у господина Хатирō с острова Тиндзэй! Итō 6-й сражён мгновенно. А на этом парне были куда как добрые доспехи из плотных кожаных пластин. Что удивительно, — стрела пробила даже двойной их слой и застряла в подкладке рукава Итō 5-го. Таким способом, как мы начали, сквозь эти ворота не пробиться, в какие доспехи ни облачайся. Какой ужас! Я думаю, что на нём многое было надето и кроме многослойных доспехов. Пока он был живым, он был твёрдо намерен сражаться. Ах, какой стыд! — сказал Кагэцуна.

Воины услышали эти слова и, не произнося ни слова, без памяти затряслись от страха.⁴ Тогда владетель провинции Аки сказал:

— Что это такое?! Стреляйте как можно проворнее, выпускайте стрелы подряд, одну за другой!

— Однако предком этого человека был Хатиман Тарō Ёсию, а во времена усмирения Садатō⁵ выдвинулся военачальник Сабурō Такэнори⁶. Он пробила деревянной стрелой тройной слой из кожи и железа. А Хатирō, ведь, прямой его потомок. Говоря о силе его выстрела из лука, непременно надо принимать во внимание минувшее. Но ведь не обязательно испрашивать повеление государя нападать именно на эти ворота. Нужно двинуться на восточные ворота! — и после этих слов люди, только что испытывшие унижение, не издали ни звука. Обычные же люди передавали из уст в уста:

— Думаю, что оно и правда. Но, ведь, восточные ворота находятся поблизости от этих, значит, их обороняют те же самые люди. Может быть, нам двинуться на северные ворота?

Когда после этих слов все решили было возвращаться, законный наследник престола, младший помощник главы Ведомства центральных дел, Сигэмори отправился вперёд со словами:

— Ваши речи достойны сожаления! Выйдя на поле брани, мы обнаружим, что враг жесток, и только тогда определится победа или поражение войска, не правда ли? Хатирō мечтал, бывало, хоть раз угодить кончиком стрелы в Сигэмори. Здесь нужно выставить его труп!

Он сидел в седле с золотой каймой, присыпанном золотой пудрой и покрытом многослойным лаком, одетый в куртку *хитатарэ*⁷ из красной парчи, в доспехах с узорчатыми шнурами типа «стрелолест»⁸, на рукавах — круги с изображениями бабочек, металлические пластинки с орнаментом, в шлеме с серебряными звёздами типа «Белый узорчатый кант», со свободно развевающейся алой накидкой *хоро*⁹, на вороном с белым подпёрстком коне.

Громко прозвучало Название имени:

— Я отпрыск в 12-м колене императора Камму¹⁰, последний потомок полководца Тайра-но Садамори¹¹, внук старшего чиновника Юридического ведомства Тадамори¹², законный наследник Киёмори, владельца провинции Аки, младший помощник главы Ведомства центральных дел Сигэмори¹³. Возраст мой — 19 лет. В сражении сейчас участвую впервые. Нашумевший Хатирō с острова Тиндзэй, выходи, покажись мне на глаза! — так возгласил он своё имя, и владелец провинции¹⁴ Аки сильно встревожился:

— Это же так опасно! Оказаться в том месте, куда достигают стрелы Хатирō, — ужасно. Думаю, что молодому нельзя действовать без опаски. Нельзя ни в коем случае допускать оплошность, когда прыгаешь перед конём, прикрываясь им. Слышите?! — с этими словами он стал одного за другим посылать вперёд своих вассалов, крепко хватая их коней то за левое, то за правое крепление поводка, то за мартингалы, то за подхвостники, а когда велел со всех сторон окружать противника, то сказал, чтобы делали то-то и то-то — и всё-таки насильно отозвал своих воинов назад.

Был здесь один грубиян по имени Ямада Косабурō Корэюки, житель провинции Ига. Двинувшись вперёд, он говорил:

— Пусть даже сам господин владелец провинции отступит, Корэюки придёт сюда и останется здесь. А люди будут в своих поступках принимать это во внимание. В самом деле, я могу как-нибудь прострелить насквозь хотя бы двух воинов, облачённых в доспехи. И что бы ни случилось, видимо, поражены будут отнюдь не доспехи Корэюки. То, что передаётся предками по наследству, передавалось до Корэюки уже на протяжении трёх поколений. Хотя и говорят, что Корэюки предпринимает до трёх попыток, сам он не подтвердил этого ни разу. И ещё: умереть по собственной оплошности — это результат, которого добива-

ешься сам, собственными деяниями. Что бы ни говорили о том, сколь внушительна мощь у лука этого господина, но, после того как, опередив соперника и натянув тетиву до отказа, Корэюки пустит свою малую стрелу и пробьёт ему шлем насквозь, вряд ли придётся решать, на чьей стороне удача. И металл на доспехах испытает, и будет рассказывать об этом в будущем. Самураи станут свидетелями и всё увидят.

Такими словами поносил Корэюки их хозяина, и кто-то из противников должен был услышать эти слова собственными ушами. Отступать они бросились наперегонки. Перед Корэюки уныло виднелся только один всадник — не ровня ему по силе. У него не было ни личного имущества, ни даже быстрого скорохода, не говоря уже о *норигаэ*¹⁵ и вассалах. Был только один личный слуга, державший под уздцы его коня. По характеру нетерпеливый, он необдуманно бросал вокруг себя поспешные слова; его не сопровождал ни один человек, поэтому никто не мог повернуть его назад.

Когда назавтра, разбирая, что произошло на самом деле и обсуждая сильные и слабые стороны схватки, люди высказывали мнение о том, что, может быть, только из-за того, что выдержали его доспехи, Ямада был только ранен стрелой господина Хатирō, — и смогли ответить, что же это было. Так вот, собираясь выступить против соперника, он приблизился к своему слуге и сказал:

— Слушай! Было бы жаль закончить всё, даже не вспомнив, что ты служишь мне с давних пор. Однако, согласно обещанию, данному в прежней жизни, мы стали господином и слугой и будем следовать этому обещанию до самого конца. Ты, конечно, слышал слова, которые сейчас произнёс Корэюки. Теперь вряд ли получится повернуть назад, даже если я и захотел бы этого. Настигнутый стрелой господина Хатирō, я неизбежно погибну. Однако встретиться так с человеком, у которого есть лук и стрелы, — это верх моих желаний. Жить ли, или умереть — вот что определяет сражение. Во время него тебя здесь ни в коем случае не должно быть. А раз это так, то если я умру, — спрячь свой стыд. Остаться живым — у меня один шанс из десяти миллионов. Если я буду жив, то проникнусь мыслью о том, что ты — верный слуга своего господина! Если станешь свидетелем схватки, и это будет схватка господина Ямада, повествуй о ней этими самыми словами.

Так он сказал, и слуга, решив, что господин его выжил из ума, отвечал:

— Вероятно, давно известно, что с чем-то подобным обязательно должен встретиться тот, кто говорит, будто его заставил это исполнить человек, вооружённый луком и стрелами. Как буду я дальше жить, если моего господина поразят стрелой?! В конце концов господин умрёт только после моей смерти. И ещё: чтобы подданным господина быть свидетеля-

ми, им нужно будет стоять на дороге? А совершить воинский подвиг важнее, чем оставаться в живых. Это же такое развлечение!

Потом он взял поудобнее свой длинный меч и выехал вперёд.

Корэюки было 28 лет, и выглядел он цветущим. Это был крупный и крепкий мужчина. С луком, рассчитанным на троих,¹⁶ стрелами длиной в 13 ладоней,¹⁷ он был готов поразить стрелой иглу, подвешенную на нитке.

Он ехал в седле на гнедом коне, облачённый в великолепные доспехи, грубо переплетённые чёрным кожаным шнуром, держа стрелы с чёрным опереньем и лук из двух половинок, стянутых побегом глицинии. Приблизившись к воротам, воин громко выкрикнул:

— Здесь потомок Юкихидэ, управляющего поместьем Ямада, того самого, который схватил разбойника Татэбоси с горы Судзука¹⁸ и представил его пред очи государя, житель провинции Ига, законный наследник Ямада Котаро Корэсигэ по имени Косабуро Корэюки. Пусть из-за какой-то мелочи изволит отступить даже господин владетель провинции Аки, Корэюки один, если он хоть мельком увидит фигуру Ондзоси¹⁹ из почитаемой семьи с острова Цукуси, заставившего столько говорить о себе, — он уже не отступит. Ходит слух, что Вы стойки плотью, тверды душой и часто берёте в руки лук и стрелы, значит, Вы тоже превосходны. Каким у Вас могут возникнуть трудности? Если я погибну от Вашей стрелы, что в колчане,²⁰ у меня будут воспоминания в моей грядущей жизни, а останусь жить, — это будет для меня честью в жизни нынешней.

На это Тамэтомо отвечал:

— Как это! Я считаю, что для меня мало будет и такого соперника, как твой хозяин Киёмори. А потому — посторонись! Это предупреждение. Хотя и говорят, что род Хэй²¹ происходит от императора Камму, этот император далеко отстоит от своих потомков. Члены рода Гэн²² — потомки императора Сэйва, и напрямую от него до Тамэтомо насчитывается 9 поколений. Никто не может быть соперником для меня. Скорее посторонись!

Корэюки только продвинулся ближе:

— Запомним, что таково решение Ондзоси. Исстари оба дома, Гэн и Хэй, суть левое и правое крыло, и вместе они представляют собой защиту царствующего дома. В течение всего этого времени, если род Гэн поднимает в державе смуту, род Хэй успокаивает его; если же династия изменяет род Хэй, умиряет его род Гэн. Когда подданные рода Хэй стреляют в членов рода Гэн, а подданные рода Гэн стреляют в членов дома Хэй, происходит сражение. А теперь извольте посмотреть, поражают или нет те стрелы, что выпускают подданные рода Хэй, членов рода Гэн!

Тогда Тамэтомо, заметив:

— Это слова неотёсанного мужлана! Раз такое дело, я прикончу его одной стрелой, — решил достать пару обычных стрел с тонкими наконечниками, а так как парень перед ним был не суетливый, он не спеша приготовил к стрельбе лук и прицелился на голос, во внутреннюю часть шлема. Обе стрелы у соперников были выпущены разом, и одна расщепила другую. Раздались восхищённые возгласы. Собиравшийся было выпустить только одну стрелу Тамэтомо слегка поколебался и стрелял, целясь прямо вовнутрь шлема, а получилось всё так, как задумывал Корэюки.

Теперь, поскольку он не поразил соперника, Тамэтомо целился ему куда-то в шейный позвонок. Только бы не столкнулись стрелы в полёте! И тут Тамэтомо заявил:

— Для человека, владеющего луком и стрелами, это действительно превосходно. А теперь подданным рода Хэй придётся испытать горестные чувства. Тамэтомо пустил стрелу, но ты вёл себя мужественно, и она не попала в цель. Когда в жизни ничего нет, о ней и вспомнить будет нечего. Так возьми же в грядущую жизнь мой гостинец!

С этими словами он чуть опустил лук и выстрелил в голову коня. Мыслимо ли здесь было промахнуться? Стрела неожиданно угодила в переднюю луку седла, насквозь пронзила лежавшие горкой складки подола кольчуги, а наконечник стрелы далеко вышел из задней луки седла.

Тогда Корэюки выпустил две стрелы, и какое разочарование! Внезапно он потерял мужество и самообладание и тотчас же лишился разума, истратил почти все стрелы и уже готов был упасть вверх тормашками с коня, но, удержанный стрелами, какое-то время не падал. Ошарашенный конь стал метаться то туда, то сюда, и всадник упал, будто его уронили. Такама-но Сабуро слетел с коня и взял голову Корэюки. Слуги тоже поскакали было в гущу врагов, размахивая длинными мечами, но несмотря на то, что рубились они жестоко, поделаться не могли ничего. Окружённые со всех сторон, они были разбиты. После этого не стало никого, кто бы направился к этим воротам.

ГЛАВА 2.

О взятии приступом дворца Сиракава

Туда, где у речной долины в окрестностях Нидзё ожидал владетель провинции Симоцукэ, в лагерь прискакал и стал кружить по нему конь Корэюки. Камада-но Дзирё перехватил его и привёл к Ёситомо, доложив испуганно:

— Извольте взглянуть. Вот следы страшной силы лучной стрельбы Хатирō Ондзōси! Осмелюсь полагать, что это — конь кого-то из слуг рода Хэй. С такой лёгкостью пронзить цель может не иначе, как долото бродячего мастера. Какой потрясающий удар!

Владелец Симоцукэ, сказав:

— Как может такое быть?! Хатирō думает запугать Ёситомо, только я сделаю по-своему. Думаю, что тому парню в этом году исполнилось лет семнадцать-восемнадцать, и он уже смог достичь такого мастерства! Те, кто воспитывался на острове Тиндзэй, хороши в пешем бою. А в конном строю их должны превосходить молодые люди из провинций Мусаси и Сагами. Одолеть, одолеть их! Ёситомо должен проучить Хатирō, — и собрался отправиться из лагеря.

Увидев это, Камада-но Дзирō стал его отговаривать:

— Вы изволили замыслить невыполнимое. Если великий военачальник поскачет, он лишится силы, когда тысяча всадников превратится в сто, а сто всадников — в десять и в пять.

И всё-таки владелец Симоцукэ намерен был начать выполнение своего замысла. Человек сорок-пятьдесят пехотинцев спереди и сзади, слева и справа были окружены лошадиными мордами.

— Масакиё, сначала уступим, и тогда сможем увидеть необычную фигуру, — говорили между собой человек тридцать всадников, которые совсем уже приблизились к воротам. Один из них прокричал:

— Кому велено оборонять эти ворота? Говорит сын кормилицы нынешнего главного военачальника, законный наследник чиновника из поместья Камада по имени Масамунэ, Камада-но Дзирō; чтобы лицеизреть Вашу личность, я добился повеления господина владельца провинции выступить впереди и победить!

Тамэтомо сказал ему в ответ:

— Слова типа с немощными руками. Ступай-ка ты вассалом в мой дом! Ворота защищаю я, Тамэтомо. Хотя мы и стали врагами когда-то, придётся тебе в схватке с твоим наследственным хозяином пустить в него стрелу. Когда тебя позовут пред лицо господина владельца провинции Симоцукэ, ты должен будешь передать ему этот ответ. Тамэтомо тебе не противник. А теперь ступай назад.

Камада отвечал насмешливо:

— Действительно, тот, кто был наследственным хозяином, и теперь не стал виновен в восьми преступлениях¹. Монарший рескрипт не замедлит воспоследовать. Эту стрелу пускает не Масакиё, это стрела, которую благоугодно выпустить великому будхисаттве Хатиману! — и вместе с этими словами выстрелил.

Тамэтомо, не глядя на Комати, выстрелил в обращённое к нему левой стороной лицо соперника и без промаха попал ему в шейную пластину,

прикрепленную к шлему. Сверх меры раздражённый, Тамэтомо не произвёл ответного выстрела, а вырвал и отбросил стрелу, прижал к своему боку лук и произнёс:

— Эй ты, Камада! Тебе не убежать от меня. Смотри, не перестарайся! Замков со стрелками восемь. Пошёл, пошёл! — он поднял правую руку, подзывая сподвижников, и погнал его прочь.

Потом воскликнул, обернувшись к Камада, когда тот побежал, пустив в ход и хлыст, и стремяна:

— Куда ты побежал?! Не перестарайся, и ничего не забудь. Поймаю, откручу голову, разрублю на восемь частей и выброшу!

Хотя силы Камада и превосходили силы противника, он переоценил угрозу, решив про себя, что настал его последний час, а потому налёг на переднюю луку седла и, насколько хватило дыхания у коня, помчался на юг, к восточному берегу реки², нахлёстывая коня плёткой. Двадцать восемь всадников Тамэтомо и тридцать всадников Камада — беглецы и их погоня, — нахлёстывая коней, скакали так, словно ломали ноги у коней и рушили восемь больших гор³. Могучий голос Тамэтомо опять загремел подобно грому.

Он преследовал беглеца на протяжении трёх кварталов⁴, но это расстояние только увеличивалось, поэтому Тамэтомо повернул назад со словами:

— Закалены-то мы закалены, это так. Только вряд ли этим всё ограничится. Господин судья⁵ стар и о сражениях помышлять не изволит. Его вельможный старший брат, хоть и много о нём говорят, не настолько быстр. Долго преследуя соперников, мы удалимся от господина судьи, и это плохо — такое у меня есть сомнение.

Камада должен был вдоль речной долины бежать на запад, однако, считая, что нельзя господина Хатирō приводить вслед за собой в пределы лагеря господина Симоцукэ, он побежал в другую сторону. И противники его, и сторонники одинаково сочли его человеком сообразительным.

Камада убегал, спасая свою полную превратностей жизнь. Он пересёк Кёгоку⁶ с юга на север, потом свернул, и прискакав к особняку Симоцукэ, вымолвил, тяжело дыша:

— Масакиё часто принимал участие в тяжёлых сражениях, но глазам его не доводилось встречаться со сражением, настолько заполненным топотом конских ног. Взять хотя бы этого коня: он издавна превосходит всех других, так что возникает одно только желание — скакать на нём. Масакиё выпустил стрелу в Хатирō Ондзōси, от избытка гордыни тот не соблаговолил послать ответную стрелу, а прокричав, что схватит меня голыми руками, разрубит и выбросит, что открутит и выкинет мою голову, он велел догонять нас. У меня было такое чувство, будто мне на шлем

упали сверху громы небесные, — и в глазах потемнело, и душа напрочь исчезла, и сам я готов был упасть с коня, однако же судьба моя крепка и она помогла мне. Сил у меня ещё так много! — выпалил он и отдышался.

Владелец провинции Симоцукэ процедил сквозь зубы, за поводок придерживая коня:

— Полагаю, что Масакиё при мысли о Хатирё перетрусил. Что же касается Хатирё, то он нанесёт удар по Ёситомо. Насколько у него получится этот удар?! — и добавил: Начнём с того, что сегодня одиннадцатое число; теперь — час Тигра⁷. Значит, восток — направление неблагоприятное. Кроме того, стрелять из лука, обратясь в сторону солнца, неудобно. Направление удара нужно несколько изменить! — потом, проехав на юг по улице Кёгоку, достиг Сандзё, пересёк долину реки и сначала стал обозревать северный лагерь государя с севера, а потом, поднявшись на восточную плотину, повернулся к северу лицом.

Спустя совсем немного времени, он спросил:

— Кто тот человек, которому приказано оборонять эти ворота? Говорят, что это Минamoto-но Ёситомо, владелец провинции Симоцукэ. Разве можно противиться, получив повеление государя?!

Хатирё:

— Получив повеление монаха-экс-императора, ворота обороняет представитель того же рода Хатирё Тамэтомо с острова Тиндзэй.

— Как же это? Коли ты сказал, что противостояшь мне, согласно государеву повелению, так срочно отступи! Почему это, ссылаясь на повеление императора, ты направляешь лук против собственного старшего брата? Как же удостоишься ты милости богов и будд?!

На эти слова Хатирё насмешливо отвечал:

— Если Тамэтомо удостоится милости богов, направляя свой лук на старшего брата, то как же господин изволит направлять лук на своего отца? Господину угодно считать, что он направляет лук, повинувшись государеву повелению. Но Тамэтомо действует, получив повеление монаха-экс-императора. В чём же различие между повелением монаха-экс-императора и повелением государя?

После этого он посмотрел вокруг: на расстоянии, как ему показалось, всего в пять *тан*⁸ сидел на коне всадник, который заметно выделялся из толпы и выглядел как выдающийся военачальник. Словесная перепалка между ними продолжалась; по мере того как светало, внутренняя поверхность сдвинутого назад шлема становилась видна всё яснее.

— Как удачно вы избежали стрелы! Я сподобился небесной награды, и потому могу поразить цель всего одной стрелой.

Сказав это, он вложил в тетиву обычную стрелу с древком, сужающимся спереди, и поднял лук, чтобы выстрелить.

— Подожди чуточку. Покуда войско не удалилось, поразить полководца всего одной стрелой было бы бесчувственно. В первую очередь, государь и монах-экс-император — августейшие братья; господин канцлер и господин Левый министр тоже братья; господин судья и господин владелец провинции Симоцукэ тайно договорились между собою: «Ты приезжай во дворец. Я к монаху-экс-императору не поеду. Если победит войско экс-императора, ты пригласи меня и приезжай сам. Не знаю, насколько это обещание крепко. Кроме того, и враг от своего врага зависит. Сам я принадлежу к числу самых младших братьев. Если меня убьют, будет ли кому жалеть?»

Он снял с лука стрелу, потом снова заменил стрелу со звучащим наконечником и произнёс:

— Судё Курё, посмотри сюда! Иэсуз⁹, я готов теми стрелами, что в колчане, сбить наземь господина из Симоцукэ, — и, высоко подняв зажатые в кулаке лук и стрелы, до самой верхушки наконечника вдруг задрал стрелу вверх и выстрелил.

По дворцу и по экипажам разнёсся звук. Стрела сбила семь или восемь звёзд на шлеме¹⁰ Ёситомо. Далеко позади него стояли ворота павильона Хосёмон со створками толщиной в 5-6 *сун*¹¹, окованными железом. Стрела вонзилась в них больше чем до середины и осталась торчать. Наконечник стрелы раскололся и с треском упал. Воины враз изумлённо ахнули.

У владельца провинции Симоцукэ потемнело в глазах и душа пришла в смятение; он уже готов был упасть с коня, крепко ухватился за переднюю луку седла, оперся на лук, надавил ногами на стремяна и осмотрел внутреннюю сторону шлема. Кровь не текла, не было и раны. Немного успокоившись, он непринуждённо улыбнулся:

— Против того, что я слышал, рука у Хатирё огрубела. В самом деле, кто стрелял в такого соперника, как Ёситомо? На сей раз попытка пробить «Восемь драконов»¹² оказалась напрасной.

На это Тамэтомо заметил:

— Да, это так. Что касается одной стрелы, этому, кстати говоря, объяснение имеется. Вам — моё особое приветствие. Я вижу «Восемь драконов» в Ваших доспехах. Тем не менее, я был бы благодарен за возможность пустить две стрелы. Тогда бы я услышал, что удачно поразил стрелой цель. Я пушу стрелы в левую половину шлема¹³, в набрюшники, в наплечные пластины и в щиты, отхлестав их кончиком своей плётки, уберу отсюда челядинцев Вашего превосходительства! — и с этими словами взял в руки оружие, выхватил лук и направил его на Ёситомо.

Как это ни удивительно, владелец провинции Симоцукэ под порывом жестокого ветра, поднятого стрелами, ни одной раны не получил. Считая,

что на этот раз обойдётся без посторонней помощи, он беззвучно обогнул стороной павильон Хосёгон-ин и приказал:

— Молодёжь из провинций Мусаси и Сагами, выступайте вперёд — и в бой!

Тогда Оба-но Хэйда и Оба-но Сабурō выступили вперёд и сдержанно назвали свои имена:

— Когда во времена трёхлетних сражений Вашего предка, господина Хатимана¹⁴, пал замок Ториноуми, одному человеку было 16 лет. Поражённый стрелой, он потерял правый глаз. Не вынимая эту стрелу из глаза, он ответно выстрелил в противника и тем самым оставил своё имя грядущим поколениям. Это был Гонгорō Кагэмаса из Камакура, которому сейчас молятся как божеству. Мы его отдалённые потомки, сыновья Кагэфуса, управляющего поместьем Оба, жители провинции Сагами, Хэйда Кагэеси из Оба и Сабурō Кагэтика отсюда же — вот кто мы такие! Считаем, что нам действительно нужно присоединиться к тем самураям, которых призвали из Девяти провинций¹⁵, где живёт Ондзōси, и стали ждать.

Военачальник вызвал Тамэтомо Судō Курō, и тот сказал:

— Действительно, до меня доходили слухи о том, что они равны жителям Восточных провинций¹⁶. Какие у них стрелы? Тамэтомо нередко пользуется стрелами *сакибосо*, «узкий мыс», стебель которых сужается спереди. Начнём с того, что они сейчас же покажут нам силу своих луков. Посмотрим, как они смогут своими стрелами нанести противнику серьёзные раны или убить его.

— Верно, так тому и быть! — едва только прозвучали эти слова, они выбрали обычные большие колчаны.

— Тамэтомо живёт на острове Тиндзэй. До сих пор по собственному недосмотру каждого в лицо он не знает. Это стрелы, которые Тамэтомо изготовил лично сам. Поглядите же, каково наше умение! — сказал Кагэеси, выступив впереди всех, и уже приготовился что было сил пустить стрелу, чуть опустил лук, потом приподнял его для выстрела, и тут — как это случилось? — конь его ступил назад и шагнул в сторону.

Тогда он, пытаясь выпрямиться, всем телом изогнулся, получил удар прямо в шлем и не смог, как было задумано, выстрелить в ответ: конь его вырвался и был уже далеко. Деваться некуда, пришлось стрелять в коня. Кагэеси выстрелил, пробил ему коленную чашечку на правой ноге и сыромятный ремень у стремени, раздробил на пять или шесть частей бедренную кость.

Стрела прошла насквозь и вонзилась в землю на противоположной стороне. Наконечник стрелы отломился и упал по эту сторону. Конь, не в силах сдвинуться с места, тут же рухнул наземь. Кагэеси хотел было

сойти вниз, но поражённый в коленную чашечку, упал ничком. Внезапно к нему подскочил Кагэтика, ухватил его за плечо и умчался прочь.

В суматохе Хатирō не узнал о неудачных попытках поставить коня на ноги, но понял, что его соперник сбежал, не достигнутый стрелой, и проворчал:

— Странное дело! Эта стрела пролетела мимо! Когда в Японии разыскивают воина милостью Неба, — никому не сравниться с Оба-но Хэйда. Насколько Тамэтомо помнил, не было ни одного случая, когда он промахнулся бы, стреляя в того, кто попадался ему на глаза, — будь это не только человек или конь, но даже птица или зверь. А посмотрю по сторонам вокруг этого коня, — видимо, и хозяин его тоже не умер. Но в таком случае мне и самому есть чего стыдиться. Стыдно даже людям сказать. Какая жалость!

Рассчитывая уложить там Кагэеси, Кагэтика постучал в ближайший домик, но ему не открыли. Внутри — ни звука. Обессилев, он хотел уже бросить раненого и повторял только:

— На помощь! Помогите же! — и с тем выпел к речной долине, втащил раненого в какую-то хижину, а сам вышел, собираясь снова ввязаться в битву.

Кагэеси же проговорил, когда Кагэтика сказал ему, что лишился рукава доспехов:

— Ого! Господин! Здесь — поле боя, поэтому сейчас сюда прискачут воины. Эти люди появятся и выгнать меня наружу, а я без ноги не смогу сопротивляться им; обидно, что парни без доспехов схватят и обезглавят меня. И семейного имени лишился, и ранами покрыт. Вы, вероятно, не считаете, что мы трусливо скрылись, из-за того, что господин Симоцукэ изволил увидеть это собственными глазами. Так помогите же, помогите мне!

Между братьями в последнее время случались недомолвки, и Кагэтика, подумав, что теперь настало время им помириться, сказал:

— Господин не предъявляет Кагэтика несправедливых обвинений и обычно не доверяет людям странным, но когда у Кагэтика складывается действительно критические обстоятельства, ему непременно приходит на помощь кто-то из посторонних. Однако как это от рассвета до сумерек его ставят перед трудностями? Не горько ли это?!

Кагэеси совсем перестал смущаться.

— Ну ладно. Господин в последнее время бывал и таким, и этаким. Сам я впредь буду человеком, который состоял на службе у господина. Что бы там ни случилось, буду следовать тому, что он изволит сказать, — извинился он.

Потом подумал: «Значит, так», — ещё раз выказал приверженность своему господину и выпел. Несмотря на это, было решено оставить его

в столице, однако из опасения, что его могут посчитать беглецом, хотели оставить в Сиракава, но побоялись, что его могут убить воры, которые позарятся на панцирь и шлем воина. Но доспехи старшего брата передаются из поколения в поколение, и доспехи, которые были надеты на него самого, тоже перешли к нему от его предков. Менять их при его жизни было бы жаль. Да и старшему брату не скажешь: «Сними!»; и старший брат, и младший, каждый в своих доспехах, направились от Оиномикадо до Ямасина¹⁷ и только в двух местах на горе Кохатаяма отдохнули.

Ехали без приключений. Схоронились в доме одного человека, сразу же бросились в обратный путь, той же ночью встретились со своим войском и стали людьми, которых восхваляют.

После них на сивом коне, с алым колчаном поверх грозных доспехов из чёрной кожи приехал Канэко-но Дзёро Иэтада, житель провинции Мусаси.

— Мне 19 лет. С этого я начинаю своё участие в битвах! — с такими словами он повесил себе на плечо лук, обнажил меч и приложил его ко лбу.

С воплем ворвался он в лагерь Тамэтомо и стал неистово носиться по нему. Увидев это, Хатиро промолвил:

— Что за отважный парень! Сбить бы его здесь стрелой и захватить, вместо того, чтобы окружать большими силами и убивать. Пусть кто-нибудь поскачет ему наперерез и на глазах у противника схватит его в охапку!

Услышав это, Такама-но Сиро, подсакав к вражескому стану всего на один *тан*, поравняв коней между собою, обхватил руками соперника и упал вместе с ним. Такама, крупный мужчина тридцати с лишним лет, был человеком умелым. Канэко же был молодым ещё юношей девятнадцати лет. На некоторое время они сплелись между собой, — но что же дальше? Такама с позором проиграл, а Канэко одержал верх. Из всех сил сжимая обе руки противника, он не давал противнику шевельнуться, а когда уже готов был лишить его головы, с коня на него слетел и, не давая ударить младшего брата, с силой навалился сзади старший брат соперника, Такама-но Сабуро. Канэко запустил руку в щиток, прикрывающий дыхательное отверстие в шлеме соперника, желая повернуть его лицом вверх. Он держал в руке обнажённый меч, так что лежавший внизу Сиро не мог помешать ему нанести завершающий удар. Но Сабуро решительно ухватил врага левой рукой за набрюшник, потянул вверх и, стиснув в кулаке рукоять его меча, с силой оттолкнул.

Ни один из них не мог шевельнуться. Такама-но Сабуро, который слыл человеком крепким, тоже опрокинулся навзничь, потому что получил тяжёлую рану. Канэко внезапно встал. Лежащих было не поднять, и он забрал их головы.

Вначале он спокойно взял голову Сиро, который не двигался с того времени, как Канэко нанёс ему смертельный удар. Теперь Канэко, спокойно держа в руках обе головы, подтянул к себе коня и поехал, покачиваясь на ходу. Уже на обратном пути он возгласил громким голосом:

— Я, Канэко-но Дзёро Иэтада, житель провинции Мусаси, своею рукой зарубил у тебя на глазах двух твоих главных вассалов, о, Ондзёси с острова Цукуси, про которого расходятся по свету такие слухи, — и покидаю место битвы. Смотрите же, и противники, и свои! Это редкий случай и для былых времён, и для наших дней. Я, Иэтада, повернув вспять очевидный ход битвы, славу о себе передам грядущим поколениям. Но ты считаешь себя очень знаменитым и потому, вероятно, не поспешишь выехать ко мне? Не вызовется ли тогда хотя бы кто-нибудь из самураев отряда Ондзёси выехать, чтобы сразиться с Иэтада?! — заявив так, он развернул коня и стал ждать.

Вперёд выступил Судо Куро, сказав:

— Дело нелёгкое. Снизойду-ка я до этого простолюдина сам.

Но Тамэтомо остановил его:

— Подождите немного, Иэсуэ! Если Вы собираетесь в одиночку напасть на этого человека, Вы вряд ли решите исход схватки. У нас даже нет ни одной стрелы «узкий мыс». Конечно, стало бы легче, если бы его застрелить, но было бы бессердечно потерять такого решительного человека. Кроме того, когда Тамэтомо победит в этой схватке, и это станет известно в Восьми Восточных провинциях, он вызовет на себя наказание с их стороны. Жаль воина. Увы, но стрелять нельзя.

Канэко, благодаря своему твёрдому характеру и необычному поведению избежав пасти тигра¹⁸, проник в лагерь государя. Отважный воин удостоился славы при этой жизни, верность его не прервётся в веках; имя этого воина осталось потомкам и достигнет потомков. Говорят, что если бы он сробел, ему не только отказали бы от пайка¹⁹. Не только. Он испытал бы позор при жизни, на его долю остались бы поношения после его смерти. Таков путь воина, о котором нужно хорошенько поразмыслить.

Потом выехали, поравняв удила коней, житель провинции Хитати Сэки-но Дзиро и жители провинции Каи Сибомы-но Горо и Сибомы-но Рокуро. Тамэтомо вложил в тетиву обычную стрелу «узкий мыс», прицелился и выпустил её в Сибомы-но Горо, который ехал впереди, желая перебить ему шейную кость. Сибомы быстро глянул и дернул головой, уклоняясь от стрелы, — чего же здесь стыдиться?!

Хотя стрела и прошла чуть выше, она слева направо пронзила пластины, свисавшие от шлема вниз. Горо враз полетел вверх тор-

машками, ибо он встретился с опытейшим бойцом. Ему снесли голову, не выгаскивая стрелу, так что голова на плечах и шлем дальше могли удержаться только за счёт стрелы.

Хатирō посмотрел снова: ему понравилась мощь собственной стрелы. Увидев это, Сэки-но Дзирō, как подстреленный воробей, весь дрожа, прыгнул с коня, толчком повалил его и, рассчитывая, что стрела угодит в живот коню, опрометью бросился бежать. После этого Нэнон-но Дайята, житель провинции Синано, выдвинулся вперёд со словами:

— Что касается воинского лагеря, то разрушил его человек со звезды Разрушения Войска²⁰. Снесите же, сломайте эти ворота, ратники!

Судō Курō натянул тетиву лука до отказа и выстрелил в них, но сам получил стрелу в нагрудную пластину и упал. Вперёд выехал Фуридзунно Симпэй. С намерением сразиться с ним туда, где он находился, приблизился, принял вызов и пустил стрелу Кихэй Дзидаё из Сандзё Цубутэ. Стрела глубоко вошла с правой стороны, в то место, где основной корпус доспехов соединяется с их боковиной, и противник упал. Сменяя друг друга, жестоко бились Кисо-но Тюдэ, Я Тюдэ, Тоя Кэндэ, Оя-но Синдзабурō. Каждый из них отступал, получив рану. Кувабара и Андōдзи вышли из боя. Акусити-бэттō пал, поражённый стрелой. Начиная с них, воины, примкнувшие к Ёситомо, с возгласами: «А вот и я, а вот и я!» — сменяя один другого, бились, покуда у них хватало сил. Внезапно прибыло 53 человека, а раны получили, как говорят, больше двухсот человек. Среди сторонников Тамэтомо никто не получил даже лёгкой раны, если не считать того, что Кихэй Дзидаё из Сандзё Цубутэ и Оя Синдзабурō были тяжело ранены.

Укреплявшие оборону берега реки старец Сирōдзаэмон Ёриката и Камон-но-сукэ Ёринака в сопровождении примерно тридцати всадников отходили через западные ворота Оиномикадо, где находился в ожесточённой перестрелке и отчаянно рубился Тамэтомо; они врзались в самую середину. Ёситомо проник в гущу толпы; нападавшие скакали и внутрь, и наружу, сражались самозабвенно и яростно, описывая мечами и узоры паутины, и кресты.

Ёситомо обеспокоенно произнёс:

— Ёриката и Ёринака не были бы лишними, да их не пропустят, ударят же!

Их уже собирались окружить со всех сторон, не в силах одолеть, метались туда-сюда, многие противники нападали, а сторонники Его величества, получив раны, прорвались и возвратились в свой главный лагерь. Увидев это, Хатирō разгневанно воскликнул:

— Нелегко же подвигнуть моего достойного старшего брата, который не изволит думать ни о чём, укрепить свои передние линии! —

затем извлёк из ножен меч и, запрокинувшись навзничь, поскакал куда-то без разбору. Решив, что это нехорошо, Ёситомо свернул от него в сторону и стал кружить по берегу реки то туда, то сюда.

Всё больше приходя в негодование, Тамэтомо вовлекался в сражение — рубя и бросая, отрубая и отбрасывая, разражаясь кличами, он кружил верхом на коне, покуда по обе стороны от 2-го и 3-го квартала не осталось ни одного противника. Правда, победив в схватке, Тамэтомо сдержал себя: поблизости никого не было, да и конь его притомился. Поэтому он неспешно повернул обратно и, остановившись перед главными воротами, быстрым движением вложил стрелу в тетиву и выстрелил. Одной стрелой он убил двоих и ни одного человека в живых не оставил. Все стрелы в колчане были израсходованы. Весь колчан он расстрелял, не пустив ни одной стрелы мимо цели. Казалось, это Фань Цзэн въехал в ворота Хунмэнь²¹, а Ци Синь разрушил Цилинь.²²

Лицом к восточным воротам Оиномикадо обратился глава Войскового арсенала.²³ Пока Тадамаса и Ёриканэ²⁴ вели оборонительные бои, прорвать оборону было невозможно. Западную стену²⁵ обороняли, не жалея собственных жизней, судья с его сыном, и хотя сражающиеся воины постоянно сменяли друг друга, они отступили все до единого. Западную от Касуга²⁶ стену обороняли до боли в руках подчинённые Изэхиро и Мицухиро,²⁷ — и нападавшие постепенно отступили.

Так вот, среди множества ворот, бывших под надзором владельца провинции Симоцукэ господина Ёситомо, одни защищал его отец Тамэёси. Об этом прослышал Тамэтомо, и он двинулся на те ворота. Тем, кто узнал об этом, незначительным показался тот из Пяти тяжких грехов²⁸, который ставили в вину известному принцу Арджаташатру²⁹ за его отца, короля Бимбасара. Словом, далёкие голоса противников за воротами и выкрики лучников раздавались без перерыва. Топот пронесившихся коней был подобен землетрясению.

Были такие, кто называл своё имя, и кто терял его, такие, кто сцепился в схватке, и кто проигрывал. Сражение началось в час Тигра,³⁰ а когда уже начало понемногу светать, нападавшие стали уступать, Тамэёси же с Тамэтомо — склоняться к победе. Ёситомо и Киёмори потеряли цвет лица и отошли, но в некоторых местах ещё держались на прежних рубежах. Какие ворота ни возьми, так было всюду. Владелец провинции Симоцукэ отправил во дворец посланника, велел ему сказать так:

«Верные двору войска, повинувшись государеву повелению, сражаются, не щадя своих жизней, и одержали несколько побед, но бунтовщики действительно сильны, поэтому неисчислимое количество людей лишилось жизней или страдают от жестоких ран. По этой причине ломается “рыбья чешуя”³¹, и доносится топот копыт поражения. Но, хотя Ёситомо

ободряет ратников непрестанно, те не надвигаются на лагерь, и на приступ идти им будет трудно до тех пор, пока на помощь не подойдут отряды поддержки. Если не считать того, что во дворец в конце концов попадёт огонь, можно говорить и о шансах на победу. Однако же всё это происходит в окрестностях храма Хосёдзи.³² Наверняка избежать пламени невозможно. Требуется ещё раз получить императорское решение».

Выслушав его, Синсэй молвил:

— Ёситомо глуп. Когда государю благоугодно станет сподобиться достоинства действующего императора, он повелит такой храм, как Хосёдзи, возвести в один день. И разве не будет он на диво прочным?! Нужно немедля предать храм огню и тем исполнить свой долг.

После этого к западу от дворца государя-инока предали огню имение среднего советника, вельможного Фудзивара Изнари³³. Как раз в это время подул сильный западный ветер, и чёрным дымом заволокло императорский дворец. Воины, стерегущие ворота дворца, задыхались от дыма и пришли в смятение. Ещё не завершилось сражение *ашур*³⁴, как наступили пытки адским огнём Великой Крепости Бесконечности³⁵. Не говоря уже о том, что носились и шумели люди и кони, о растерянных и нерешительных голосах воинов, казалось, будто небо покрылось мглой, а земля пришла в движение.

Правительственные войска воспряли духом и подняли вверх острия пик, воины императора-инока побросали свои мечи и бежали. Начиная с судей Рокудзё, отца и сына, и с Тамэтомо, многие кружили на своих конях, отбиваясь от противников со всех четырёх сторон, но ворота рухнули, и все разбежались кто куда.

ГЛАВА 3.

О том, как потерпели поражение Новый экс-император и Левый министр

Изхиро и Мицухиро прибыли к экс-императору и остановили своих коней в саду.

— Дворец охвачен огнём, — сказали они друг другу, — сражение уже прекратилось. Во всяком случае, государь должен быть здесь.

В то время, когда они так рассуждали, Новый экс-император изволил «потерять восток и запад»¹, а Левый министр потерпел полное поражение.

— Как нам теперь лучше поступить? Изхиро, извольте только помочь спасти нашу теперешнюю жизнь! — распорядился экс-император, и это было достойно сожаления.

Подозвав младшего советника 4-го ранга Наридзуми², экс-император взял у него меч, после чего прикрепил его к своему поясу и сразу же сел

на коня. *Курандо* Нобудзанэ, сидя на крупе государева коня, обхватил августейшего руками. На крупе коня Левого министра сидел Наридзуми-асон.

— Теперь, — молвили они, — нужно куда-то ехать!

Когда государь решил, что направиться следует в сторону храма Трёх колодцев, Миндэра, он распорядился выезжать через восточные ворота и направиться на север. Сопровождал его, в основном, отряд под началом судьи³.

Подозвав своих сыновей, Тамэёси распорядился:

— Воспользуйтесь оборонительными стрелами⁴, предоставьте государю возможность отойти!

У братьев оставалось только пятьдесят всадников, а когда оставшиеся подумали, что теперь августейший уже отъехал далеко, им было приказано отправиться следом за государем, и они стали спасаться бегством. Правительственные войска нанесли по ним множество ударов, но и эти пятьдесят всадников являли собой силу немалую.

Из них позади всех оставался только один всадник, Хатирō Тамэтомо. Если кто-то приближался к нему, он, то и дело оборачиваясь назад, убивал его выстрелом из лука. И хотя в то же время он продолжал спасаться бегством, охотников гнаться за ним не оставалось. Ускакав уже далеко, Хатирō снова повернул и, прискакав назад, единственную оставшуюся у него стрелу со звучащим наконечником выпустил из лука, вонзив в опорный столб ворот Хосёгон-ин, Величественного Павильона Драгоценной Усадьбы, чтобы её могли видеть люди грядущих поколений.

Итак, Хатирō Тамэтомо расстрелял в этом сражении два колчана по 24 стрелы каждый, три колчана по 18 стрел и один колчан на 9 стрел; выстрелом из лука сбил звезду со шлема Ёситомо; не потребовалось ему и двух стрел, чтобы пробить коленную чашечку у Оба-но Хэйда. Ни одной стрелы он не выпустил напрасно. Кроме этого, не перечесть тех, кто лишился от его руки жизни. Значит, соперникам своим Тамэтомо не проигрывал, и всё-таки, жаль, что он спасался бегством, влекомый судьбою государя!

Благодаря ему, Новому экс-императору удалось отъехать далеко. Когда Левому министру случилось немного отстать от него, кто-то в него пустил стрелу, и стрела с белым опереньем вонзилась Левому министру в шейную кость. Наридзуми стрелу выдернул. Струя крови бежала словно вода из бамбуковой трубки. Светло-голубое охотничье платье *каригину* Левого министра окрасилось тёмно-красным. Сердце и душа его были в замешательстве; он бросил узду, не мог держать ноги в стременах и навалился на переднюю луку седла. Несмотря на то, что

Наридзуми некоторое время удерживал его на руках, да конь был норовист, хозяин ослабел и повалился наземь. Наридзуми, державший его на руках, тоже рухнул вниз.

*Сикибу-но тайфу*⁵ Наринори соскочил с коня, боясь задеть коленями шею сановника, закрыл ему лицо рукавом и расплакался. Хотя министр ещё мог заставить свои глаза двигаться, произнести он не мог ничего, и его такая внушительная до тех пор внешность теперь выглядела так, словно не заслуживала внимания. Это не говоря уже о том, что был он слаб.

Ехавший впереди всех Иэхиро увидел это, а господина Хэй Маносукэ, который также находился в первых рядах, отозвался назад, в сторону Мацугасаки⁶. Когда об этом сообщили, Тадамаса заметил:

— Какая неприятность! Теперь дела наши плохи.

Он уже собирался садиться на коня, чтобы теперь же повернуть назад, но уже перестал видеть, как можно до конца проделать весь путь, поэтому, войдя в ближайшую хижину, попытался прижечь рану моксой. Стрела торчала от основания левого уха к горлу. «Видно, стрела послана богами», — с изумлением подумал он.

В правительственных войсках из императорского дворца ничего этого не знали и войска направлялись к храму Энгакудзи в районе Кита-сиракава; *курандо-дайфу* Цунэнори послал за экипажем и поехал в сторону Сага⁷. Отец Цунэнори, Акинори, искал настоятеля буддийского храма из горного поместья, но того не было, и он укрылся в маленькой хижине поблизости и оставался в ней до тех пор, пока не наступила ночь.

И ещё: когда Новый экс-император изволил прибыть на гору Исполнения Желаний, Нёйсан⁸, туда прискакали воины и сообщили, что господин Левый министр уже соблаговолил нанести удар.

— Ну, что это за жизнь! — воскликнул государь в крайнем недоумении, и тогда сопровождавшие его воины, которые слышали эти слова, почувствовали слабость.

Ехали осторожно, считая, что так и будет до самого храма Миидэра⁹, а когда горы стали круче, воинам было велено сойти с коней и дальше подниматься пешим ходом. Когда воины смогли привыкнуть, они стали подавать государю руки, поддерживать его за поясницу и всячески помогать ему. В горах государь лишился чувств. Пока воины, потеряв представление о том, где восток, а где запад, мучились и страдали, прошло какое-то время, и государь пришёл в себя.

— Люди есть? — спросил он, и кое-кто, каждый по отдельности, назвали себя. Многие выстроились в ряд. Посмотрев на них, государь молвил:

— Да, людей нет.

«Действительно, видимо, потемнело в государевых очах!» — так подумал каждый и отжал рукава от слёз.

— Вода есть? Не пить! — последовало высочайшее повеление, и никто из спасавшихся бегством ни на одно мгновение не задержался, но со стороны храма Миидэра, полного священнослужителей, прибыли люди с кувшинами для воды. Когда они прибыли, цвет лица у августейшего немного исправился. После этого Иэхиро вымолвил¹⁰:

— Противник наверняка не догонит нас. Теперь можно немного расслабиться.

— Отныне, — заметил государь, — терпеть страдания никому не нужно. Куда спрятаться? Кто сможет нам помочь? В самом деле, исполняя государственную службу, всё делаешь безо всякой пользы для самого себя, только испытываешь неудобства.

В этих его словах почувствовалась слабость. Она вызвала у Его величества слёзы. Каждый держал в глубине души желание взглянуть, как выглядит государь, — и был преисполнен печали. Удерживая слёзы, люди на разные голоса говорили:

— Почему нельзя возвратиться во второй раз в ту жизнь, которую один раз уже пришлось посетить?! Так или иначе, в грядущей жизни вряд ли снова родится государем тот, кто сподобился быть им в настоящем. Не станет он также пылью и пеплом. Куда он сможет уйти, когда уйдёт от нас?

— Устремления ваши действительно верны, но почему же только я должен оказывать вам помощь, когда сами вы сдаётесь на милость напавшего на вас противника, сложив перед собою руки ладонями вместе? Те, кто сопровождает меня, будут сражаться. Думаю, что дела наши очень плохи! — говорил государь, плача и плача. При этом все воины также захлёбывались от слёз.

Они настойчиво заявляли о том, что должны прислуживать государю, сопровождая его, однако его величество снова и снова говорил, чтобы они не спорили, и спасался бегством, весь в изнуряющих его слезах. Государь, который передвигался, доверяясь луне и солнцу, не обращал внимания на неведомые горные дороги. А о Левом министре, который доверялся морям и горам, и говорить нечего. Он сделался подобен обезьяне, разлучённой с деревьями, неотличим от рыбы, поднявшейся на сушу. Он горько плакал, со слезами оглядываясь назад, озабоченный своим будущим и опечаленный тем, как будет отныне именоваться государь; бежал, куда несли его ноги, охвачен был унынием того грешника, который блуждает в промежуточном бытии¹¹.

В этом положении Новый экс-император, хоть воины у него и были, изволил считать, что никакого прока от них и быть не может. Но, как и

следовало ожидать, после того как они разбрелись по сторонам, Его величество изволил остаться один-одинёшенек, и он почувствовал себя унылым и не связанным ни с кем. Теперь с ним были Изхиро и Мицухиро, отец и сын. Взяв августейшего за руку, они сошли вниз, в долину, и там спрятали государя под хворостом. Отец с сыном оба укрылись в тени густых зарослей деревьев, росших неподалёку, о чём только не думая в глубине души!

ГЛАВА 4.

О том, как утром дотла сожгли пристанище врагов

Воины Ёситомо и Киёмори взяли приступом, запалили и сожгли дотла императорский дворец¹. Им сказали, что Новый экс-император проследовал в Восточные горы², и они кинулись по его следам; прошёл слух, будто бы многие противники затворились в храме Хосёдзи³, — и его окружили и обыскали. Но храм этот просторен, и обследовать его нелегко, поэтому во дворец отправили посыльного и сообщили, что в него нужно запустить огонь. Тогда Синсэй⁴ заявил, что какой бы отряд ни затворился в нём, разрушить огромный храм⁵ трудно. Так он сказал, и это было выше его сил.

Тамэёси по пути в храм Энгакудзи съёг дотла дворец Нового экс-императора на углу Сандзё и Карасумару⁶, а также покои Левого министра; на востоке Сандзё мятежники рассеялись на все четыре стороны. Прошёл слух, что Новый экс-император соблаговолил уединиться на горе Исполнения Желаний. Когда же наступил час Лошади⁷, государю угодно было возвратиться во дворец Такамацу. Ёситомо и Киёмори подтянули шнуры на шлемах и поскакали.

В саду оба они опустили на колени и приняли почтительную позу. Августейший сказал Синсёю:

— На днях в столице соберётся много бунтовщиков. Они намерены охаивать страну и поднимать в мире смуту. Но не успеют мятежники оглянуться, как Вы принудите их к сдаче, избавите страну от позора и возвысите своё семейное имя. Успехи в этом деле уже серьёзны. Награды за эти успехи должны дойти до Ваших потомков! — так государь изволил выразиться.

Каждый внимал ему, прикинув головой к земле, и уходил. Лица у всех казались серьёзными. Набравшись смелости, воины сопровождения громко закричали, — и это было необычно. После того как наступила ночь, были произведены награждения за воинские подвиги. Ёситомо был назначен на должность действительного начальника Правого управления императорских конюшен, Ёсиясу, судье из провинции Муцу, было выдано

разрешение посещать дворец, а Киёмори стал владельцем провинции Харима.

И тогда Ёситомо промолвил:

— Эту почётную должность первым занимал мой предок Маидзю⁸. Хотя и говорят, что благоуханны её следы, но ведь до этого он был действительным помощником главы Правого управления императорских конюшен. А теперь я тоже переведён на должность действительного главы того же ведомства? Я считаю, что это не такая уж большая награда за выдающиеся заслуги. Подобающая честь не оказана. Ёситомо прибыл к Вашему величеству, бросив своего отца и братьев, против собственного отца обнажив лук! Здесь разошлись между собою верноподданство и сыновний долг. А коли это так, кто сможет меня осудить, если даже будут говорить, что я поднимаюсь до положения наследственного придворного? Я слышал, что вообще заслуги перед миром того, кто уничтожает врагов, отнюдь не ограничиваются тем, что он принимает на себя заботу о половине страны. При всём этом, с какою же отвагой отныне и впредь следует нападать на врагов династии?!

Понимая, что у Ёситомо имеются основания для того, чтобы говорить это, государь переместил главу Левого управления императорских конюшен Такасуэ-асона на должность главылевой половины столицы, а Ёситомо повысил до должности главы Левого управления императорских конюшен⁹.

В общем, во время нынешнего сражения те, кто прославил своё имя, не говоря уже о воинах из домов Минамото и Тайра, проявили свою власть, выстроили свои боевые порядки. Как и положено, ночи громоздились одна на другую, дни следовали за днями. Люди считали, что нужного им исхода сражения они добиваются с трудом, говорили, что связь с государевым делом не бывает слабой, и все сошлись на том, чтобы довериться усмотрению пресветлых богов и трём драгоценностям¹⁰.

Быть может, особенно подействовало то, что существовал государев обет Горному королю Хиёси¹¹. На рассвете того дня государю угодно было передать в покой настоятеля¹² прошение о том, чтобы затвориться в священных палатах¹³.

Государь изволил из всех сил¹⁴ возглашать моления. После этого мятежники, которые были под началом Тамэёси, когда они сражались в обороне, защиты богов не лишались. Среди мятежников действовал Тамэтомо¹⁵. Не ожидалось, что ему придётся лицом к лицу встретиться с противником заурядным. Он подчинялся только своим сердечным порывам. Когда правительственные войска были направлены в семь святынь Горного короля, они в мгновение ока были разбиты. Такова чудодейственная сила богов!

В старину, в годы правления под девизом Сёхэй¹⁶, Масакадо захватил Восемь восточных провинций. Говорили, что он должен призвать к ответу столицу, и тогда государь, совершая поклонения в храмах, молился о помощи в победе над супостатом. Однако признаков победы всё не было, поэтому августейший Лик дракона¹⁷ потерял свой цвет, а сердца подданных припели в смятение. В это время глава секты Тэндай бонза Хоссё сподобился августейшего повеления о возведении его в сан сōдзэ¹⁸. Когда он изволил в Большом павильоне для проповедей осуществлять обряды пресветлого короля Фудō¹⁹, над пламенем светильника появился Масакадо, вооружённый луком и стрелами.

Говорят, что сразу после этого мятеж был подавлен. И в древности, и в наше время управление государством отличается от Законов Горных ворот²⁰. Поэтому-то храму Сōдзи-ин и присвоено звание Места, где определялся Путь Усмирённого и Защищённого Государства.

ГЛАВА 5.

О том, как господин канцлер вернулся к себе в Управление

Новый экс-император сражение проиграл. Прошёл слух, что он изволил выехать из столицы, не ведая сам, куда, и в сопровождении вельможных Пребывающего в созерцании Его высочества Фукэ¹ и Левого министра направился в сторону Южной столицы. Симбан, сōдзу из Павильона Созерцания², Сэнкаку, *рисси* из Северо-Восточного павильона³, Синдзицу, настоятель монастыря Кōфукудзи, его помощник Гэндзицу, младший брат Кага-но кандзя Ёринори и те, кто ниже их, собрали дурных служителей монастыря. Созвав вместе мятежников из Столичных провинций⁴, они объявили собравшимся, что выступают против императорского дома.

В те времена управителем монастыря Кōфукудзи был Эсин-хосси, сын господина канцлера и внук Вступившего на Путь Его высочества. Он тоже опасался Вступившего на Путь и спешно бежал в столицу. Это противоречило замыслам государя. Тогда столичные злословы стали рассуждать между собою:

— Его высочество Вступивший на путь — наследственный опекун августейшего, и старцы в наше время считают, что и государь и этот подданный общаются между собою без обиняков; родившись законным наследником в доме господина канцлера, он стал управлять сначала своим домом, а потом миром, сделавшись опекуном государя; главу рода⁵, обладавшего правом предварительного просмотра государственных бумаг следующим после самого канцлера, назначил Левым министром. Эти распоряжения противоречат и прежним правилам, и людским

упованиям, поэтому, хотя он и говорит, что уделяет равное внимание всем людям, тем не менее, когда на пути у него оказывается любимое дитя, он проявляет к нему снисходительность и не применяет силу. В самом деле, нелегко укорять человека за его добродетели, ставшие результатом десяти видов благих деяний, которые были совершены в прежних жизнях. Но у избежавшего трудностей в нынешней плоти Его высочества Пребывающего в созерцании представляются заслуживающими всяческого осуждения новые его злоумышления против государя. Это ничем не отличается от «танца двоих»⁶, — так они говорили.

Иные же рассуждали так:

— Когда господин Левый министр прислуживает особе экс-императора, ни для кого не является секретом то, что он добивается взаимопонимания с Его высочеством Пребывающим в созерцании. Светлейший держит в пределах своего внимания даже посылку гонцов. А уж неповиновение его двору не противоречит государевым замыслам.

После того как заговорили, что за пределами Южной столицы происходят беспорядки, помощнику управителя монастыря Кōфукудзи по имени Каккэй велено было передать прежнему управителю его служебные обязанности и сказано, что тот станет управлять, как и раньше. Кроме того, начиная с хōина⁷ Симбан, помощников *рисси* Сэнкаку, Синдзицу, Гэндзицу и других, несколько дурных монахов-единомышленников Левого министра были лишены их должностей. В мире, рано или поздно возвратившемся в лоно истины, люди, имеющие чувство, были преисполнены печали.

ГЛАВА 6.

Об уходе в монахи Нового экс-императора

Новый экс-император принуждён был пересезжать в горы. Когда солнце, наконец, закатилось, он под прикрытием ночи спешно выехал в горы, тронув за плечо одного за другим отца и сына Изхиро и Мицухиро. В окрестностях храма Хōсэдзи государь вызвал для себя паланкин и поехал в нём, заметив:

— Нужно, чтобы меня куда-нибудь везли.

— К усадьбе свитской дамы Ава-но-цубонэ! — последовало распоряжение. После этого, добравшись до большого дворца на улице Нидзё, беглецы принялись стучать в ворота, но в ответ — ни звука...

— Ну, тогда — к главелевой половине столицы! — последовало распоряжение. Отправились туда, но и там ворота не открыли, заявив: «Не знаем, где могут обрести приют люди с места сегодняшнего сражения».

— Тогда, — молвил августейший, — в усадьбу госпожи Сё-но-найси! Но и там никого не оказалось.

В старину спокойствие и опасности для Четырёх морей были ясно видны на ладони, законопослушание и смуты в десяти тысячах провинций были предоставлены заботам государей, ныне же пять столичных провинций и семь дорог¹ отсекают друг от друга восток, запад, юг и север. Если только лишь внутри девятистенного² в столице³, и то лишь на время, можно обрести пристанище для августейшего, — появляется чувство грусти при мысли о том, о чём прежде думал с любовью.

Иэхиро и его сын тоже не привыкли к этому. Они сами несли государев паланкин. Пока они метались то туда, то сюда, их силы истощились, и сами они уже не думали, что смогут трудиться и дальше. Они устали, сражаясь в этой битве, при всём своём снаряжении потерпели поражение и не помнили сами себя. Им часто хотелось покончить с собой. Пошатываясь от усталости, воины думали, что сейчас вряд ли кто-нибудь может наблюдать за особой экс-императора.

Сам экс-император, увлечённый сражением, не принимал пищи: ему хотелось, чтобы и вчера не стемнело, и сегодня не рассвело. Этого никогда не должно случаться, поэтому в окрестностях храма Тисокуни⁴ государь изволил явиться в то место, где пребывают священнослужители, и вскоре неожиданно успокоился. Укрывшись вместе с Иэхиро, августейший велел принести ему рисовый отвар и немного отведать его. После этого он втайне вызвал к себе одного из монахов — и упали вниз волосы государя⁵. Вскоре и Мицухиро срезал себе причёску *мотодори*⁶. Иэхиро тоже хотел принять постриг, однако государь сказал ему:

— Думаю, что постриг был бы для тебя слишком большим наказанием, — и тот ещё некоторое время не срезал свой *мотодори*.

На вопрос:

— Как бы там ни было, ехать нужно к Пятому принцу, в монастырь Ниннадзи⁷. Но я не могу говорить о своём сопровождении: мне никак нельзя прибыть туда в паланкине! — вымолвив это, августейший вдруг проследовал внутрь монастыря. Иэхиро бежал в Северные горы.

Когда Нового экс-императора переправили в павильон Тоба, Пятый принц срочно возвестил о том, что делает это в знак сыновней почтительности к покойному экс-императору, и тем сильно взбудоражил монахов.

— То, что ему благоугодно будет прибыть в мои покои, случится вряд ли. После того как государь изволит отправиться к монаху-законоблостителю Камбэну⁸, он сможет обратиться и ко двору.

Когда вскоре августейший обратился ко двору, он вызвал к себе Садё-сикибу-но-тайфу Сигэнари⁹, и тот охранял его.

ГЛАВА 7.

О конце жизни Левого министра и о сетованиях Первого министра государства

В двенадцатый день той же луны господин Левый министр, едва только смог владеть своими глазами, он, собираясь ещё раз показаться на глаза Его высочеству Пребывающему в созерцании, как и вчера, сел в свой экипаж и тайком отправился в Сага¹. Перед воротами павильона Шакьямуни его окружили человек 20-30 священнослужителей и остановили, заявляя, что это — экипаж Левого министра. Люди, сопровождавшие министра, успокаивали монахов и так, и этак, однако те экипаж не выпускали.

Сикибу-но-тайфу Наринори весьма сведущ в книгах внутренних и внешних². Он стал жаловаться, говоря:

— То, что называют главным Буддой данного храма³, в былые времена считалось буддой Шакья из государства Гасси в Западной Индии⁴, толкующего своей матери Майя «Сутру о воздаянии за милости»⁵. На протяжении девяти декад одного лета⁶ на небе Трѣястримша⁷ была установлена защита в храме Джетаваивахара великого короля Удаяны⁸ и почтительно возглашена любовь к Будде, по заказу, сделанному на небе Вишвакармана⁹, искусно вырезана зарубка на красной *чандане*¹⁰. Это высокочтимые формы двоих, рождённых во плоти¹¹. Однако, когда Татхагата¹² закончил проповедь и спустился с небес, бодхисаттва Державный Землю¹³ изволил перебросить из Центральной Индии к небу Тōритэн три моста: золотой, серебряной и водной энергии.

Тогда он вышел к опорам моста из дерева *чанданы*, поэтому Татхагата молвил ему с широкой улыбкой на устах:

— После того как мне определено было просвещать живых существ, совсем близким стало моё вхождение в нирвану. Новый будда из дерева *чанданы*, живя в грядущем дурном мире, превзойдёт меня в даровании живым существам милости избавления их от заблуждений, которые изменениям поддаются с трудом.

Так он сказал и изволил встать перед бодхисаттвой.

Однако после смерти Татхагаты дурной король по имени Пушьямитра¹⁴ стал разрушать господствующий повсюду Закон Будды, а человек по имени Кумараджива¹⁵ взял с собой своего Будду и бежал¹⁶; днём он выполнял свой долг перед Буддой, а по ночам Будда покровительствовал ему. Он уехал в страну Гуйцзи¹⁷ возле Восточной Индии.

После этого он пересёк страну Чжэньдань¹⁸ и принёс пользу многим массам людей. В годы правления под девизом Тэнгэн¹⁹ императора нашей страны Энъю²⁰, когда для совершенствования в Пути Будды высоко-мудрый Кюнэн из храма Тōдайдзи в поисках дхармы²¹ поехал в страну

Тан²², а когда он готов был осуществить полученную возможность, этот Будда неожиданно показался ему во сне и возвестил:

— Я глубоко озабочен тем, чтобы наставлять живых существ в Восточной земле²³, тебе же надлежит не мешкая сопровождать меня.

Тогда Кюнэном овладели необыкновенные мысли. У него заструились слёзы радости и тогда, взяв этого Будду, он в конце концов наполнил ветром паруса, преодолел волны на десяти тысячах *ри*, насколько эти волны можно было увидеть, и в правление императора Итидзэ²⁴, в годы правления под девизом Эйэн²⁵, возвратился в нашу страну. В великолепной этой земле он учредил храм Будды, в замутнённом нашем мире указал Путь множеству живых существ.

«Это и есть Татхагата Шакьямуни из Сага. С тех пор все, от одного человека наверху до десятков тысяч людей внизу, священнослужители и миряне, благородные и низкие склонили головы и пошли один за другим, след в след — и это продолжается донныне. Это и есть всеобщее равенство — единственное желание настоящего будды».

— А когда монах-настоятель монастыря забывает о своих клятвах, что тогда? Толпы монахов из Южной столицы и Северного пика²⁶ вновь склонятся к непослушанию, а тяга к воинственности — это дело особое. Должны ли монахи того храма прежде всего спасать живых существ, наставляя их, и давать им благо? По Закону Будды получение прощения равно состраданию. Применительно к мирским обычаям это означает жалость. Кроме того, как бы ограничены ни были его деяния, получить какую-то награду ему следовало.

— Но если говорить о награде, это, может быть, в корне противоречит Закону священнослужителей? — так и этак рассуждали между собою люди. Храмовые монахи при этом покачивали головами; наострив уши, они проливали потоки слёз и делали вид, что заболели. Все радовались и успокаивались. Оттуда до Умэдзу²⁷ было велено плыть на лодках, на которые сверху нагрузить хворост и соорудить некое подобие лодок для перевозки топлива. Немного спустившись вниз по течению, путники в тот же день, едва начало темнеть, остановились в Кидзу²⁸, а на следующее утро, в тринадцатый день, от опушки дубовой рощи, при помощи младшего хранителя библиотеки Тосинари изволили связаться с господином Фукэ²⁹.

И тогда Пребывающий в созерцании утвердительно наклонил голову вниз. Хотя и прибыл он сюда, сбежав из столицы, он выразил желание снова пожаловать в неё, однако из стеснения перед людьми со слезами вымолвил:

— Исстари человек, который был главой клана, непременно имел дело с луком и стрелами. Вряд ли он мог быть таким злосчастным типом, как

я. Я спасаюсь бегством в такое место, которого ни глазом не видно, ни ухом не слышно, — так он промолвил, захлёбываясь слезами.

Когда Тосинари вернулся и произнёс свою речь, господин Левый министр даже не услышал его, и он до крови прикусил себе кончик языка. Было трудно понять, что у вельможи лежит на сердце. Когда в Южной столице вызвали Гэнкаку, наставника в монашеской дисциплине, а Гэнкэн³⁰ сообщил об этом в Специальном курсе³¹, Левый министр изволил спешно сесть в паланкин и въехать в Южную столицу.

«Келья моя находится в монастыре, поэтому надо опасаться людских глаз» — подумал он и вошёл в маленькую хижину поблизости, где о нём, наконец, позаботились.

Здесь вельможе несколько раз преподносили рисовый отвар, но он даже не попробовал его, а только всё больше и больше слабел, поэтому Гэнкэн склонился над его подушкой и произнёс:

— Я Гэнкэн. Прибыл сюда на Специальный курс. Извольте посмотреть, господин! — добившись лишь того, что вельможа чуть заметно кивнул головой, однако не ответил ни слова и опять забылся.

Говорят, что согрепившему Левому министру было 37 лет, и в час Лошади в четырнадцатый день 7-й луны зры правления под девизом Хогэн³² он лишился брэнного своего существования. Когда пришла ночь, его отвезли в Госаммай на равнине Праджни³³, и все разъехались кто куда.

Курандо-но-тайфу Цунэнори, бывший самым последним из придворных³⁴, говорил очень много. Срезав себе причёску *мотодори* и поселившись в Павильоне созерцания³⁵, он пошёл к господину Фукэ и подробно рассказал ему об особе Левого министра.

— Сам я такой-то и такой-то. Я не припоминаю ничего определённого о своём детстве. Сейчас от меня нет толку, но, когда по примеру регента и канцлера я собираюсь видеть и слышать то, что делается под небом, то, проведя долгую жизнь в жалкой старости, тем более печалюсь о том, что впереди. Я не мог смотреть спокойно, когда размышлял о том, что жизнь такой только и бывает, но скорбел лишь о Левом министре. Если считаешь, что так и должно быть, тогда с пренебрежением относишься и к тому, чтобы за жизнь опасаться, и к тому, чтобы стесняться людей. Жаль, что в конце своей жизни я не увижу его ещё раз. В самом деле, в теперешнем сражении не было слышно ни об одном человеке из рода Минамото или Тайра³⁶, который получил бы ранение. Если бы и вправду была выпущенная кем-то стрела, не было бы смысла говорить, что она настигла Левого министра. Несмотря на то, что ханьский Гао-цзу³⁷ правил Поднебесной с мечём в три *сяку*³⁸ в руке, он сам лишился жизни, поражённый случайной стрелой, когда погубил хуайнаньского Цин-бу³⁹.

Вот пример того, что сила ничего не решает. По зрелом размышлении над историческими сочинениями ясно, что казни министра не ограничиваются только Индией и Китаем. В нашей стране Японии, начиная от министра Маро⁴⁰, и до министра Эми⁴¹, таких насчитывается восемь человек.⁴² Хотя мы и не думаем, что Левый министр был один такой, мы поймём, что если даже человек совершил преступление, за которое обычно отправляют в дальнюю ссылку без возвращения⁴³ назад, смертной казни он не подлежит. Даже укрытые за облаками и дымами Кикай⁴⁴ и Корё⁴⁵ на западе, когда они не слышат, что жив Левый министр, налегают в своих лодках на шесты. На востоке же Акору и сангарские эдзо⁴⁶, хотя они и населяют тысячу островов, тотчас же нахлёстывают коней плётками, если только им не дадут знать, что Левый министр жив. Ведь горечь доставляет даже само правило, согласно которому всё сущее разделяется на тот и этот мир.

Так он сказал и захлебнулся слезами.

— Су У⁴⁷ удерживали в стране варваров, но в конце концов он получил возможность поклониться драконовому лику китайского императора. Лю Юань⁴⁸ поселился в жилище бессмертных, а потом встретился со своими потомками в седьмом колене. Говорят, что дом этих людей находился в ином мире, но не все из них, кому для этого хватило жизни, смогли после долгой разлуки встретиться вновь. Как это печально — жить, будучи не в состоянии встретиться ещё раз! И как это горько — разлучившись, после этого смотреть на всё свысока! Мучить так своё сердце, — значит причинять себе страдания пуще всяких других.

Так говорил Первый министр, не в силах удерживать слёзы. Когда вельможа выражал свои сожаления, рукава одежды даже у простолюдинов не могли оставаться сухими.

— Итак, родившись в доме Левых министров и наследственных регентов и канцлеров, министр получал от императора повеления о предварительном просмотре государственных дел. Он был одарённее всех, в мире прославлен своими талантами и мастерством. И всё-таки, после того как он стал главой клана, он, должно быть, плохо осуществлял управление, если пресветлому богу святилища Касуга⁴⁹ благоутодно было покинуть его, — злорадно говорили все.

ГЛАВА 8.

О том, как некоторые мятежники были вызваны и схвачены

В пятнадцатый день той же луны на улице Сандзё выдвинули обвинение *дайбу* излевой половины столицы господину Норинага, младшему советнику 4-го ранга Наридзуми, владельцу провинции Ното господину

Изнака, *сикибу-но-таю* Моринори, *куранто-но-таю* Цунэнори и ещё пяти вельможам. Среди них Моринори и Цунэнори были родственниками Левого министра с материнской стороны, поэтому считалось, что они знали о целях всего этого дела, проклинали монашествующего экс-императора Коноэ и монашествующую императрицу Бифукумон-ин, а потом сожгли храм Токудайдзи. Сё Сукэясу из дворца Такигути получил указание, чтобы в Управлении охраны дворцовых ворот к ним применили пытки, и чиновники Сыскного ведомства вывели их перед своим ведомством, сорвали с них одежды и надели на их шеи верёвки. Люди эти сложили молитвенно руки ладонями вместе с мыслью: «Что же с нами будет?» — жалко было смотреть, как они томились.

Однако, поскольку дело касалось уголовного законодательства, им учинили допрос с семьюдесятью пятью ударами палкой. Сначала они кричали в голос, а потом даже голоса не подавали. Не в силах вынести смертельных мук, они повалились на землю. Прежде редко случалось, чтобы люди, имеющие ранги выше 5-го, несли наказание ударами палкой. В старину, во времена императора Мидзуноо¹, в десятый день 3-й луны 8-го года правления под девизом Дзёган² горели дворцовые ворота Отэммон. По подозрению в преступлении тогда был бит старший советник Томо-но Ёсио³. И на этот раз рассказывали о том же.

ГЛАВА 9.

О пострижении в монахи принца Сигэхито¹

Тогда же всё время разыскивали принца Сигэхито, однако никто не знал, где он находится. Тем временем принц проезжал перед воротами Сюдзякумон² в экипаже для придворных дам. Здесь судья Хэй Санэтоси заметил его и сообщил во дворец. Оттуда прибыл посыльный, который спросил:

— Куда изволите следовать?

Принц ответил ему, что направляется в храм Ниннадзи для того, чтобы постричься в монахи.

— Вам нужно без промедления осуществить это Ваше заветное желание! — заметил Санэтоси и препроводил принца к Канкё, *сёдзё* из павильона Гэдзёин, Хранилища Цветка Лотоса, где вскоре сообщил, что принца следует постричь.

Сёдзё заставил повторить эти слова не раз и не два, поскольку императорское повеление весомо³; и, будучи не в силах противиться, он сбрил принцу волосы.

Пока все об одном только и думали, что о ранге этого господина, этим всё и кончилось. Хотя и было всем стыдно, но получилось глупо.

Что же касается самого принца, то, поскольку он был воспитанником покойного ныне вельможного дознавателя Тадамори⁴, он отрёкся от Киёмори⁵, а тот огорчился, когда узнал, что принц подчинился обычаям мира. Поэтому после получения подобного известия он втайне ото всех проливал слёзы.

ГЛАВА 10.

О том, как скорбел Новый экс-император

Новый экс-император был переправлен к монаху-законоблостителю Камбэну¹ и находился у него. Но людей, которым следовало прислуживать ему, там не было, сам же он был в слезах, и сердце государево не очистилось. В сильной скорби он продолжал размышлять так:

Я оставил
Плывущее облако —
Бренный мир,
Которым был
Столь озабочен!
Задремав,
Забываешь,
Что всё преходяще.
Просыпаешься с чувством,
Что всё это сон.²

ГЛАВА 11.

О том, как сдился Тамэеси

Ходили слухи, что Тамэеси, судья с улицы Рокудзё, находится в Восточном Сакамото¹, поэтому Киёмори, владетель провинции Аки, сообщил, что должен сделать запрос. Тем временем, собралось более 500 всадников, которые переправились через бухты Сига и Карасаки² и направились в Восточный Сакамото.

Пока они то тут, то там в разных местах вели поиски, в Трёх пагодах³ собралось множество монахов.

— Хоть и говорят, что здесь заперся враг династии, но без спроса вторгаться в храмы никак нельзя. Следует просить монахов, чтобы они Вас проводили, — негодовала братия.

Киёмори отвечал, что это не его личное дело, ссылаясь на спущенный ему приказ императора.

— Даже речи нет о таком прецеденте, когда бы люди шли против государева повеления, — заявил он и арестовал двоих вассалов.

Киёмори не стал сражаться с монахами, но, потеряв достоинство, повернул назад и дотла сжёг жилища у западной бухты возле Оцу⁴. Это потому что он слышал, будто тамошние жители посадили вчера на корабль судью и переправили его в бухту Мино. Однако этот его поступок был несправедливым.

Тамэеси не находился там, где ожидали. Он укрылся у Микавасири Горō тайфу Кагэеси, и в шестнадцатый день той же луны 50 всадников, миновав храм Миндэра, направились в Восточные провинции, однако они подверглись чему-то вроде наказания Неба и в бухте Мино, поражённые тяжёлыми болезнями, решили, что всё, по-видимому, кончено.

Пока то да сё, они стали помогать друг другу и в конце концов пустились в бегство. Тогда до них дошёл слух, будто на подходе находятся большие силы правительственных войск. Те немногие вассалы, что следовали за Тамэеси, отстали от него, а с ним остались шестеро его детей и несколько всадников.

Сильно обеспокоенный, он думал перебраться в восточную часть провинции Оми, однако стало слышно, что застава Фува⁵ закрыта, и тогда Тамэеси решил, что дети его должны поступать кто как захочет, а сам он вернётся назад и побудет пока у Горō-даю в Восточном Сакамото.

Несколько дней спустя по совету придворной челяди он поднялся на гору Хиэйдзан, явился к монаху из Южной долины, что возле Восточной пагоды, и, вступив на Путь Оставившего свой дом⁶, облачился в одеяния с чёрными рукавами.

Прежде желал он стать владетелем провинций Иё, Харима и Муцу, теперь же, напротив, уединившись плотью, подобной росе, наголо обрив голову, подобную снегу, взял себе буддийское имя, о коем и не помышлял, и стал прозываться Гихобо.

Этого Тамэеси, когда ему было 14 лет, в награду за то, что он взял в плен своего дядю Ёсицуна, сделавшегося врагом династии, назначили младшим офицеромлевой гвардии охраны дворцовых ворот. В 18 лет за заслуги в препровождении нарсских монахов⁷ из Куринояма восвосяи он был назначен в Сыскное ведомство, а в ответ на слова о том, что должен служить в какой-либо провинции, сказал, что это должна быть одна из тех провинций, в которых служили его предки. Ему ответили тогда, что, может быть, он надеется получить место в провинции Муцу⁸, но ведь в те времена, когда его предок Ёриеси⁹ стал в этой провинции занимать должность, в ней двенадцать лет шла война. Когда же в этой провинции исполнял служебные обязанности его отец Ёсииз, война продолжалась ещё три года, а потому считается, что его дом стал навлекать на неё несчастья. Что высочайшее соизволение ещё не последовало, но судья сказал, чтобы для него выбрали какую-нибудь другую провинцию, не Митиноку.

Однако и ни в какую другую провинцию его не назначили, и до 60 с лишним лет он состоял низшим чиновником в Сыском ведомстве. В довершение всего Тамэтомо после беспорядков в земле Тиндзэй был назначен туда государственным чиновником, а потом снова служил в том же Сыском ведомстве. В душе он испытывал грустное чувство из-за того, что не достиг той цели, о которой мечтал, что напрасно мечтал он о будущем процветании.

В монастырском помещении для желающих принять постриг Тамэтомо увидел тетрадь для регистрации умерших монахов¹⁰ и вписал в неё собственноручно своё буддийское имя, после чего начертал стихотворение:

О, лук из *адзуса*!¹¹
Ты разве мог сразить
Такое множество людей? —
Я так не думаю.
И всё же их не стало.

Между тем, тут и там у него имелось шестеро детей. Поднявшись в горы, чтобы узнать, что за блага ожидают их отца в будущем, и увидев, как изменился цвет его рукавов¹², все они отжали от слёз концы своих рукавов. Хатирō Тамэтомо, который был одним из них, проговорил:

— Хотя и случилось так, но мы не должны относить это на счёт сердечной слабости нашего отца. Мирские обычаи не бывают непременно одинаковыми повсюду. Бывает время, когда мы поднимаемся вверх, и бывает время, когда мы спускаемся вниз. Это не обязательно означает, что мы сами расположены к этому. Господину Вступившему на Путь свойственно спокойствие во всём; ведёт он себя со смирением, до сих пор у него не было никаких воспоминаний, он не изволил принимать даже самого малого подношения. Все мы, пятеро или шестеро молодых людей, обладающих талантами, о которых должен был слышать кто-то из полководцев, не дошли до того, чтобы опозориться тем, что попали в плен, и не могли также отречься от мира и стать шраманами¹³, которые выпрашивают себе пропитание. И даже в таких условиях всему этому не видно конца. Как бы там ни было, следуйте разъяснениям Тамэтомо. Пospешив отсюда в сторону Восточных провинций, вам нужно созвать тех, кто не прибыл оттуда для участия в нынешнем сражении: Миураноскэ Ёсиакира, Хатакэяма-но сёдзи Сигэеси, Оямада-но бэтто Арисигэ¹⁴ и других, устроить в пределах восточных окраин цитадель, перекрыть Асигара и Хаконэ¹⁵; господину Сирō Сазмону нужно отправиться в провинцию Осю, Мотохира должен получить приказ укрепить заставу Нэндзю¹⁶, господина Камон-но-сукэ направить для укрепления Примор-

ского тракта, господину Рокурō велеть присоединиться к людям из провинции Кан и перекрыть Горный тракт, господину Ситирō и Курō присоединиться к людям из провинции Синано и повернуть в сторону Северного тракта Хокурукудō¹⁷, господину Вступившему на Путь совершить поклонение вместе с монашествующим принцем, в Камакура построить столицу, созвать жителей Восьми восточных провинций и сделать выдающихся подданных Первым министром, Левым министром и Великим советником, молодых людей сделать высшими придворными — министрами, чиновниками 3-го, 4-го и 5-го рангов; наших сторонников сделать старшими чиновниками в провинциях и чиновниками Сыского ведомства.

Тамэтомо уклонился от опеки Камакура. В старину, в годы правления под девизом Дзёхэй¹⁸, Масакадо¹⁹ построил столицу в уезде Сōма провинции Симōса и сам себя назвал Хэйсиннō, королём-родителем из рода Тайра; произвёл назначения самых разных чиновников. А чем хуже теперешнее время? Не сомневайтесь ни минуты!

Так он промолвил. А господин Вступивший на Путь изволил сказать так:

— Когда я был молод и в расцвете сил, я не стал даже владельцем провинций Иё и Муцу, сделаться которым было очень легко. Теперь же, когда я дряхлым стариком удалился от мира и вступил на Путь, не думаю, что могу быть настолько удачливым. Я хотел вас, мои дорогие, привести к процветанию, поэтому и доверился столь узкой стезе. Вы люди молодые и поступайте как знаете — хоть так, хоть этак. Вступивший на Путь намерен испросить разрешения Ёситомо и уехать. Говорят, что благодаря нынешнему сражению Киёмори станет владельцем провинции Харима, а его дядя, помощник конюшего Хэй Тадамаса, и его дети впятером будут его помощниками: Ёситомо сделается главой Левого управления монарших конюшен, — и тогда каких только ему не выкажут восхищений его воинскими подвигами! Почему же в вашей жизни только ваш отец не может помочь вам? Даже если я могу вам помочь, мои дорогие, то для этого отыщется один способ: я просто уеду отсюда. Ну как? — так он сказал.

Хатирō, слушая его, терял цвет лица и не произнёс ни звука. Остальные сыновья сказали:

— Чтобы сопровождать нашего батюшку, мы отложим свои дела в сторону. Возьмём же на себя только преодоление его трудностей! Что бы ни случилось, будем изо всех сил помогать ему. Выполним всё, что он пожелает.

Так они говорили, и когда Вступивший на Путь услышал это, он отправил посыльных в платьях разного цвета²⁰, и, не сообщая Ёситомо ничего, сказал им так:

— Я тяжело заболел и ухажу в монастырь. Срочно несите мой паланкин в обратную сторону. Направляйтесь вон туда!

Думая, что Вступивший на Путь отправляется в Западный Сакамото²¹, его сыновья поехали сопровождать отца, а под сенью вершины Отакэ²², в том месте, где есть питьевая вода, заговорили:

— Сейчас сюда приблизятся встречающие. Отсюда все мы должны будем разъехаться в разные стороны. Хотя и неизвестно, что ожидает каждого из нас, постараемся же выполнить наше дело!

Потом, скорбя по-настоящему ввиду предстоящей разлуки, они залились нескончаемыми слезами. Сыновья снова окружили отца со всех сторон, взялись за руки, сомкнули рукава и ничего иного делать не могли, только плакали. Вступивший на Путь, плача и плача, прощался с ними.

— Хотя и был я главным военачальником в теперешнем сражении, я стар, и жизнь моя приближается к концу, процветание, которого я мог бы ожидать, как ни думай, касается только будущего моих детей. К вам, мои дорогие. А потому я дам знать, на дне какой долины, под сенью какой скалы и какого дерева укрою я свою плоть. Только не бегите все вместе. По всякому поводу собирайтесь по одному, по двое, и тогда отчего бы не выполнить задуманное ими всем остальным? Среди вас есть Куро, которому, как мне кажется, исполнится всего 15 или 16 лет, и он ещё не знает, где у стрелы начало и где конец. Больше того, я потерпел неудачу в стратегии, а Хатиро имеет к ней отношение, поэтому я и делаю ему свой прощальный подарок, да и об остальных детях тоже нужно подумать. Так поезжайте же скорее! — произнёс он на прощание, и было видно, что Вступивший на Путь должен был уезжать, снова захлёбываясь слезами.

Что касается тех уз, что связывают между собою отцов и детей, то считается, что они ограничиваются клятвами, принесёнными в одной только теперешней жизни, ограничиваются настоящим. Это значит, что дети возвратятся и позовут к себе отцов, как и отцы позовут к себе своих детей, если дети решительно уйдут от них. Каковы же думы отца о разлуке не с одним и не с двумя, а с шестью сыновьями?! И непременно пребудет в печали сердце любого и каждого сына, который уехал, оставив в полном одиночестве престарелого родителя.

Дети отправлялись в далёкий путь, через неведомо какие крутые горы, дальние дали. Колыхались и опускались вниз синие дымы, нужно было разобраться, куда двигаться в белом, как тополиный пух, тумане. Они не были птицами, тем не менее, печалились из-за расставания четырёх птиц²³; они не были рыбами, однако же тонули в переживаниях больших рыб²⁴.

Тем временем, когда, поехав к главе Левого конюшенного ведомства Кагэн, они заговорили решительными голосами, Ёситомо весьма обра-

довался, отправил в качестве посыльного Камада-но Дзиро Масакиё, велел *рикися*²⁵ взяться за носилки и спешно послал их навстречу отцу. Вступившего на Путь встретили уже возле сосен на нижних склонах горы. Глава Левого конюшенного ведомства вышел навстречу к нему лично, пролил потоки слёз радости, и они последовали в заранее приготовленное место. К прибывшему приставили двух или трёх дам, все проявляли о нём заботу. Что будет потом — неизвестно, но Вступивший на Путь испытывал чувство радости.

ГЛАВА 12.

О том, как были казнены Тадамаса, Изхиро и другие

А ещё передавали, что помощник конюшего Хэй Тадамаса уехал в провинцию Исэ и тем самым избежал смертной казни. Он тоже пошёл в монахи и спрятался под защиту владетеля провинции Аки. В общем, люди из нынешнего отряда либо укрылись глубоко в горах, либо направились в дальние провинции, а поскольку никто и знать не знал, куда они поехали, то по замыслу младшего советника Синсэя всем смягчили смертный приговор и должны были заменить его ссылкой. Им предъявили обвинение и объявили: этого человека сослать в такую-то провинцию, того человека сослать в такую-то провинцию. Они успокоились, когда узнали, что из людей с узким путём¹ они превратились в людей, которых отправляют к местам ссылки, и отовсюду выползли, все до единого стали горько раскаиваться.

Потом, когда государь изволил вызвать к себе господина Вступившего на Путь, Правого министра Наканоин, он спросил его:

— Так вот, мы слышали, что судья Рокудзё Тамэси ушёл в монахи и пришёл жить к Ёситомо. Каким же должно быть ему наказание?

Тот почтительно отвечал:

— Этот человек, именуемый Тамэси, как прямой потомок воинов, был командующим в нынешнем сражении, поэтому наказания ему действительно не миновать. Но ему больше шестидесяти лет, сам он тяжело болен и если пойдёт в монахи, и, вступив на Путь, молитвенно сложит вместе обе ладони, это обязательно должно помочь ему. Так, в частности, было во времена августейшего правления императора Сага², когда глава Правого отряда дворцовой охраны Наканари³ для того чтобы вернуть на престол прежнего императора Хэйдзэй⁴, организовал заговор. Он был приговорён к смертной казни. Но тот, кто умер, назад не возвращается. Считается, что дальняя ссылка без права вернуться в столицу — это то же самое, что смертная казнь. Человек этот, вместо того, чтобы быть сосланным в дальние провинции, был осуждён на смертную казнь в своих родных местах. С тех пор минуло много лет. Был такой случай: в годы

правления под девизом Тётоку⁵ экс-император-инок Кадзан⁶ повелел расстелить и залатать *хакама*⁷, послал за *асида*⁸ на высоких подставках и, устраиваясь прямо на заборе, изволил развлекаться там каждую ночь. Однажды ему должен был делать доклад Внутренний министр князь Исио⁹. Спустилась глубокая ночь. Увидев *хакама* и *асида*, он заподозрил, что там оборотень, и выстрелил. Законники объявили, что за такое деяние полагается смертная казнь, однако, принимая во внимание прецедент из годов правления под девизом Дайдō¹⁰, приговор о смертной казни уменьшили на одну ступень и заменили дальней ссылкой. И этим, похоже, значительно воспрепятствовали доброму управлению. Кроме этого, тогда соблюдали обряды Промежуточной Тьмы¹¹ по особе покойного экс-императора. И ещё: покровительство Сына Неба простирается на все восемь сторон. А что особенного произошло на этот раз? — так в конце концов стал он успокаивать людей.

После этого вельможи в один голос согласились: «Действительно, так оно и есть!»

Синсэй, состоявший при государе опекуном, говорил так:

— Не думаю, чтобы это соответствовало моим обязанностям. Решения по чрезвычайным происшествиям содержатся в тексте, который называется «Обеспечение защиты государя». Нынешний мятеж — событие на редкость из ряда вон выходящее. Если военачальников не успокоить, их можно будет использовать даже в странах злоумышленников. Значит, когда-то это может сделаться большой проблемой для Поднебесной. Не нужно начинать с раскаяния.

После этого вызвали всех: одних взяли под стражу, других подвергли заточению. Ночью семнадцатого числа той же луны все до одного человека были казнены.

Помощника начальникалевой гвардии дворцовой охраны Иэхиро, его сыновей — Морихиро¹², младшего офицера Правой гвардии дворцовой охраны, и Мицухиро, младшего офицера Правой гвардии дворцовой охраны, а также учёного-стилиста Ясухиро, всех четверых получили в своё распоряжение новый судья *курадо* Ёсиясу и зарубил на горе Оэяма. Помощника главы Ведомства продовольствия Ясухиро зарубил в прибрежной долине возле улицы Рокудзё младший офицер левой гвардии дворцовой охраны Нобуканэ из провинции Идзу. Нагахиро, главу отряда, охранявшего дворец государыни, судья Хэй Санэтоки зарубил на горе Фунаока. Токихиро, младшего офицера Правой гвардии дворцовой охраны, получил Суэдзанэ, судья из провинции Суо, и сразу же зарубил его. Помощника Правого конюшего, вступившего на Путь Тайра-но Тадамаса и его сыновей, младших придворных в ранге *курадо* из свиты законного наследника Нового экс-императора, Нагамори, Тадацуна и

Масацуна, а также Хэй Куро Митимаса, всех пятерых взял Киёмори, владетель провинции Харима, и зарубил их в прибрежной долине возле улицы Рокудзё. Этот Тадамаса был дядей Киёмори, а потому тот позаботился о нём, сказав: «Моего дядю не убивайте!» Подумав, что Ёситомо¹³ вряд ли убил своего отца, он тайком встретился с Синсэем, и тот распустил слух, что отец Ёситомо захватил и зарубил Киёмори.

ГЛАВА 13.

О последних днях Тамэеси

Таким образом, после того как людям пришлось зарубить своих близких, Киёмори обратился к главе Левых монарших конюшен с такими словами:

— Слышал я, что у Тамэеси, его отца, кто-то есть. Ступай, отруби ему голову! — так он промолвил и повторил свои слова трижды.

Государь непрестанно говорил, что нужно выразить друг другу сожаления по поводу подвигов, что были совершены в нынешнем сражении. Поскольку слова государя нужно было передать всем, Ёситомо подозревал Камада Дзирō и произнёс:

— Так-то и так. Вот грозные речи государя. Отрубив голову отцу, тем самым мы совершим один из пяти грехов¹. Ежели пренебречь повелением государя, из опасения совершить грех непочтения к родителям, мы сделаемся нарушителями воли августейшего. Так или иначе, трудно решить, как поступить.

Масааки, как человек мудрый, рассудил так:

— Существует старинное изречение: «Государь повелел отрубить голову отцу»². Если такое случалось в старину, — оно и буддами разъяснялось. Когда же мы посмотрим на разъяснение в сутре «Кангё»³, мы увидим, что в ней цитируется «Конда ронгё»⁴. От начала нашего мира можно насчитать 18 тысяч дурных королей, которые нанесли вред своим отцам для того, чтобы добиться владения страной. Так много было королей, убивших собственных отцов, из желания обладать рангом Получившего страну в свои руки.

Слов нет, мне очень и очень стыдно, что жизнь Вашего батюшки, которому выпало стать врагом династии и не удалось спастись бегством, зависит от посторонних людей. Кроме того, из-за одного этого дела впустую пропадут Ваши старания соблюдать и долг верноподданного, и сыновний долг. Но если Вас лишат отца без вашего ведома, это даст Вам возможность как следует выполнить Ваш сыновний долг в будущих рождениях, — такое постыдное предложение сделал он.

Ничего на это не отвечал глава Левых монарших конюшен, только слёзы у него полились потоками.

— Тогда пусть кто-нибудь распорядится, как тому следует быть, — сказал он.

— В таком случае, — сказал Масакиё, — позвольте успокоить Вас по поводу Вашего доброго имени, — и насухо вытер бегущие по его лицу слёзы. Приняв невозмутимый вид, он пошёл к особе Вступившего на Путь.

— В нынешнем сражении господин Ёситомо проявил верноподданничество как полководец; он собственной рукой застрелил и ранил множество воинов. Тем не менее, за свои воинские подвиги он не получил никакой награды. В то же время он получает повеление: «Приди, обезглавь такого-то!» Наградой за его верноподданничество может стать только дарование ему возможности сохранить жизнь собственному отцу. В то же время Киёмори, хотя он и не выказывал явного верноподданничества, много сделал для величия державы, и вся его семья гордится милостью государя. Не думаю, что Ёситомо должен будет подставить свою голову. Если люди станут говорить дурное, какую они смогут выдвинуть клевету? Он устроит монашескую келью где-нибудь в Восточных горах⁵. Если она окажется в почитаемом месте, к ней станут приходить люди и возглашать там *нэмбуцу*⁶.

Так он сказал, и Вступивший на Путь, пролив прежде слёзы, сложил молитвенно ладони и радостно произнёс:

— Воистину, нет у людей драгоценности большей, чем их дети. Кто бездетному человеку поможет, когда изменится его положение? Забывать об этом нельзя ни в одном из рождений.

Ёситомо в глубине своей души подумал: «О, это было бы жестоко, но могут, ведь, сказать, что-де неизвестно, может быть, сейчас его зарубят!» — и с таким видом, будто и не бежали по его щекам слёзы, проговорил:

— Тогда дайте Масакиё сесть в его экипаж!

— Пожалуйста, — ответили ему и выкатили экипаж из некрапшенного дерева.

Внезапно к Масакиё пришло сожаление от предстоящей разлуки, так что он был даже не в силах выехать. Потом он против собственной воли двинулся в путь, приговаривая: «Скорее, скорее!»

Когда наступила середина ночи, — хоть и не знали, где и что, — в восточном направлении не поехали, а от западной части Ситидзё⁷ поехали по дороге Красная Птица⁸. Силач Хадано Дзирё нёс паланкин.

На дороге Красная Птица, где Масакиё собрался пересечь в паланкин из экипажа, его обстрелял Камада, который после этого взял меч и стал ждать. Хада-но Дзирё, ничего как следует не поняв, удержал Камада за рукав и сказал:

— Э, господин! Что Вы задумали? Я как-то не понимаю этого. Неужели мы потеряем его? Это правда, господин Вступивший на Путь не в силах

стать врагом династии. Но от кого государю довелось узнать о нынешнем главном военачальнике? Это произошло под влиянием Вступившего на Путь. Говорят, будто много участников прибыло из Восточных провинций. Так это тоже благодаря господину Вступившему на Путь. Конечно, всё делалось из последних сил, по государеву повелению, но как же можно в самом деле позволить отрубить голову собственному отцу?! Ещё и ещё раз — как жаль его! Завтра в Поднебесной состоится состязание по стихотворным экспромтам. Люди укажут имена победителя и тех, кто проиграл состязание.

Так вот, в давние времена, когда господин из провинции Иё⁹ был владетелем провинции Сагами, его перевели в Камакура. Самураи из Восьми восточных провинций попросили, чтобы господин Хатиман¹⁰ был их главой. Поскольку Вступивший на Путь является его сыном, он — наш глава, а его сын — начальник ведомства — тоже наш глава. Среди прочих и наш господин тоже находится под опекой господина Вступившего на Путь: он воспитан им и очень к нему близок. Отчего же Вы с такой лёгкостью приготовились всё исполнить? Даже если дело не доводить до прямой помощи ему, нужно, по крайней мере, дать его светлости возможность произнести последнее *нэмбуцу*.

Камэда не признал такие доводы достаточными.

— Тогда так и скажите, господин мой.

Ёсимити, ухватившись за оглоблю экипажа и горько плача, вымолвил:

— Разве ему ещё не сказали об этом? Ведь Масакиё должен будет взять меч и зарубить господина в промежутке между экипажем и паланкином тотчас же, как только получит повеление об этом! — говоря это, он захлёбывался от слёз и рукавом вытирал лицо.

Вступивший на Путь был весьма поражён и отвечал:

— Это достойно сожаления. Пусть Ёситомо действует потихоньку. Увы, но Хатирё сказал правду. Если пятеро-шестеро сыновей, зная, чем это может закончиться, встанут впереди и позади отца, израсходуют все стрелы в своих колчанах и сами погибнут от стрел, они тем самым только оставят свои имена грядущим поколениям. Но эта их смерть будет напрасной¹¹. Помочь Ёситомо даже ценой своей жизни невозможно никак, какими бы своими военными заслугами его защитники ни отговаривались, поскольку в теперешнем сражении их отец выступал на стороне экс-императора. Увы, но дети так не пекутся о своих родителях, как родители пекутся о своих детях. Будды заботятся о живых существах, однако живые существа не заботятся о буддах; отцы и матери обычно думают о детях, но дети не думают об отцах и матерях, — так считал Будда¹², и разве в какой-то малости с тех пор что-то изменилось?! Но хоть оно и так, дитя у меня плохое. Я хочу, чтобы все, вплоть до Брахмы

и Индры¹³ наверху и богов, управляющих земной твердью, внизу, помогали Ёситомо в совершении им греха! — так говорил он, непрестанно захлёбываясь от слёз.

Потом, подложив под себя половинку меховой подстилки, опустился на неё и снова залился слезами:

— Кто бы только мог подумать?! Он привык заботиться о детях и особой небрежности в этом не допускал. Теперь же некому будет особенно заботиться о его четверых несмышлёнышках из особняка на перекрёстке Рокудзё-Хорикава¹⁴. Потихоньку скажите об этом Ёситомо. Лучше всего — пусть он позаботится о детях, в худшем — пусть их зарубит. Нет более близких людей, чем те, кто вооружён луками и стрелами. Если вырастишь четверых таких, они могут превратиться в сотню добрых людей. Нужно хорошенько объяснить это Ёситомо.

Все, вплоть до зверей в горах и на равнинах и рыб в реках, дорожат своими жизнями. Больше того, — что есть у людей дороже жизни?

Об одиноком человеке, который обвиняется в нарушении закона, некому даже и пожалеть. Хотя вид его с вывернутыми ногами и руками был страшен, он просил своих врагов дать ему ещё хотя бы один день жизни.

О своей жизни закононаставник Тамэёси не жалел совсем. Если бы у него было много любимых женщин, много было бы и детей от них. О чём Тамэёси издавна мечтал, так это о том, чтобы у него было шестьдесят шесть сыновей, так, чтобы в каждой из шестидесяти шести провинций жило бы по одному сыну. Но по его желанию не вышло: сыновей было всего сорок шесть.

Что касается Ёситомо, его законного наследника, то он стал зятем главного жреца святилища Аиута¹⁵. В зятя же себе он взял настоятеля святилища Кумано¹⁶ и жреца из Сумиёси¹⁷. Каждого из прочих детей он не особенно лелеял, но хотел, чтобы они добились в жизни успеха.

Вельможный потомок императора Сэйва¹⁸, самый отдалённый отпрыск Шести принцев¹⁹, внук командующего военным станом Ёриёси²⁰, сын Ёсиэ²¹, полководца-покорителя Востока. Вчера он — предводитель мятежников во дворце, сегодня — буддийский монах. Хотя он и думает, что не обнаруживает перед людьми свою слабость, только по его лицу текли слёзы, просачиваясь сквозь прижатый к лицу рукав.

— О, с какими желаниями приходится встречаться на исходе старости! Думаю, что мои дети покроют грязью свои физиономии²², будучи перетянутыми на их сторону вассалами рода Тайра из Исэ²³. Когда же меня заберут собственные дети, будет удивительно, если меня не упустят из своих рук наследственные вассалы! Сын, зарубивший отца, отец, зарубивший сына, — и зарубить самому, и быть зарубленным — это

результат дурной кармы, дело позорное и позорное, возмутительное и возмутительное. А потому вершите его побыстрее. Если вы собираетесь зарубить Тамэёси на рассвете, тогда соберутся здесь и высшие и низшие. Когда же не удастся вам ваша попытка, жалко будет получить приказ взять его голову и взять его ноги. Если вы мои потомственные вассалы, вы за это, может быть, и не получите дурную репутацию. Но почему же вы теперь должны стать дурными?! — так он сказал и, повернувшись лицом на запад, громким голосом несколько десятков раз возгласил *нэмбуцу* и сложил руки ладонями вместе.

Масакиё подумал, как это страшно — в самом деле ударить мечом по шее своего наследственного хозяина, и сказал Ёсимити: «Ты руби!» А после того как Ёсимити снова отодвинулся и сказал: «Я не слышу Вас!», — Масакиё внезапно обнажил меч и выдвинулся вперёд. В глазах его потемнело. Он слегка опустил острие меча и рубанул им мятежника по шейному позвонку. Вступивший на Путь обернулся и произнёс:

— Почему это сделал Масакиё?

Потом, всё громче возглашая *нэмбуцу*, сбил Тамэёси с ног следующим ударом меча. Суэдзанэ, судья из провинции Суё, удостоверившись в этом, вернул Ёситомо голову и вместе с телом казнённого поместил её в паланкин. Тамэёси стал дымом²⁴ в храме Энгакудзи в горном поместье Китасиракава. Брало за душу то, как сын оплакивал его; он выполнил свой сыновний долг²⁵ по отношению к тому, кто совершил самый тяжкий из пяти грехов, — но, может быть, это и не достигло души Тамэёси?

ГЛАВА 14.

О том, как были казнены младшие братья Ёситомо

После этого глава Левых конюшен послал во все стороны карательные экспедиции, вызвал младших братьев, а также единомышленников. Хатирё Тамэтомо находился в недрах Охара¹. Размахивая мечом, он летал, словно птица, — и пропал. Остальные пятеро залегли в разных местах — в Курама, в Кибунэ, в селенье Сэриу², но их настигли и повязали. Решили порубить их на горе Фунаока³. Все спешились и выстроились в ряд. Среди других находился глава Каммонрё⁴ Ёринака.

Взяв влажную бумагу для туалетных надобностей⁵, он вытер ею губы, провёл вокруг рта и со смешком сказал:

— О, Ёситомо, это же неблагородно — стремиться к тому, чтобы в мире остаться только самому, одному-одинёшеньку. Чего доброго, когда-нибудь Вы пожалеете об этом! И в течение этой жизни ненадёжно всё. Для процветания потомков не понадобится. Однако сейчас и говорить об этом бесполезно. Похоже на то, будто жалеешь о жизни. Так вот,

Ёринака ссылается на послание государя, говорит о жизни отца, о том, что повеления свыше исполняли многие, о смертной казни, о ссылке, о том, что если смотреть на вышестоящих, то и не узнаешь, как себя вести.

Потом повернулся лицом на запад, десять раз возгласил *нэмбуцу* и подставил шею под удар. Поистине, смотреть на это было невозможно! Четверо остальных поступили так же. Хорош был каждый.

Осуществлял операцию *таю* из Левого отряда охраны дворцовых ворот Нобутада. Докладывая об этом деле государю, он сказал:

— Всё это было во время семидневного траура по покойному экс-императору. Сажать людей в тюрьму было нельзя, — и выбросил тела убитых в густую траву к югу от зерновых амбаров⁶.

ХӨГЭН МОНОГАТАРИ

Свиток III

保
元
物
語

Свиток III

ГЛАВА 1.

О том, как Ёситомо лишился всех малолетних братьев

Вассал Киёмори, офицер дворцовой охраны Хэй Иэсада был на Тиндзэй, но, услышав об этом сражении, он спешно вскочил на коня и пристыдил владетеля провинции Харима:

— Те, кто считаются обладателями луков и стрел, наделены особенно глубокими чувствами. Они помогают тем, кому нужно помочь, если же человека следует наказать, — прощают его. Есть тексты, в которых сказано, что у лука и стрел тоже есть провидение, что и семья тоже привыкает к процветанию, а дядя с тётей бывают как родители. Дядя — это всё равно, что отец. И нечего бояться всевидящего ока богов и будд. Однако же отнюдь не следует думать, что господина Симоцукэ и господина судью зарубили по чьей-то вине. Не потому ли это произошло, что зарубили господина помощника конюшего Хэй? Действуя таким способом, укрепляют царствующий дом, встают на защиту августейшей особы государя! — так твердил он, заливаясь слезами.

Киёмори изволил подумать, что в этом резон есть, закрыл рот и удалился. Люди, которые это слышали, передавали другим: «Чувствовать сострадание — это совсем не обязательно не быть грубым. Изнага-то вон как умело пристыдил!»

Кроме того, главе Левых монарших конюшен было сказано:

— Дети у Тамэёси в столице малы, но, говорят, что много среди них особ и мужского, и женского пола. Когда же кроме дочерей там окажутся и сыновья, он должен будет потерять их всех.

Так было сказано, а потому, пригласив Ёситомо Хадано Дзирё Ёсимити, его известили:

— У иных есть матери, других воспитывают кормилицы, и нет у них сил уйти в горы и леса. Всех младенцев, которые живут в столице, должны отыскать, и он их потеряет. Среди них есть четверо малышей в особняке на углу Рокудзё и Хорикава. По пути ты не доводи их до слёз, но всех вместе собери на горе Фунаока, отсеки им головы и представь сюда!

Тогда Ёсимити, хотя он и испытывал большую жалость, но делать нечего — раз повеление господина было получено, приготовил паланкин, взял с собой пятьдесят с лишним всадников и поехал к углу Рокудзё и Хорикава. Говорили, что мать с утра отправилась в Явата¹. Мальши ещё спали. Когда Ёсимити объявил:

— Прибыл посыльный от господина Вступившего на Путь, — они выскочили наружу с восклицаниями: «Я тоже, я тоже хочу к нему!»

А после того, как Ёсимити сказал:

— Господин Вступивший на Путь изволил затвориться на горе Фунаока и сообщил, что он должен опять участвовать в сражении в столице, и, несмотря на то, что он обязательно хотел бы посмотреть, какие обычаи приняты на войне, всего, что там случится, он не увидит, поэтому велел, чтобы княжичи прибыли ему навстречу. Вот я и приехал за вами, — одиннадцатилетний Камэвака, девятилетний Цурувака и семилетний Тэнъё втроем, ни о чём не спрашивая, с радостью уехали в паланкин. А тринадцатилетний Отовака явно засомневался и сказал:

— Его светлость наш батюшка изволил поехать к господину Симоцукэ. Почему это он должен затвориться на горе Фунаока?

Когда же Хадано произнёс:

— Как же он мог говорить вам о таком захолустье?! Скорее заходи! — он отвечал:

— Да и матушка наша ещё не пожаловала из храма Явата. Велите подождать её.

Тогда уже трое младших братьев стали его убеждать:

— Господин наш, старший брат, быстрее пожалуй к нам! Тогда мы тотчас же поспешим к нашему батюшке!

И господин Отовака против своей воли сел и поехал. Было трогательно слышать, когда мальчики по пути торопили носильщиков паланкина: «Медленно! Быстрее!».

Печально, что по шагам баранов к месту их заклания не опознать его. Уже достигнув горы Фунаока, в селении Комацу носильщики паланкина остановились. Трое младших братьев быстро вышли из паланкина наружу и стали озиаться по сторонам:

— Где же наш батюшка?!

По густым зарослям, сквозь которые пролегла дорога, господин Отовака всё понял и, выглядывая из паланкина, лишь тайно проливал слёзы.

Хадано-но Дзирё посадил мальчиков на колени, погладил их по головам и, произнёс, плача и плача:

— Действительно, как можно знать всё? Когда господин судья сделался врагом государя, об этом узнал глава ведомства. По его приказанию

Масакиё взял меч и вчера на рассвете зарубил его на углу Ситидзё и Сюсяка². Его старшие и младшие братья все, кроме Хатирё Ондзёси, бежали, а пятеро, начиная с Сирё из Левого дворцовой гвардии, были зарублены вчера в местности, густо заросшей высокой травой. Над их мёртвыми телами хлопают крыльями коршуны и вороны. О судьбе вельмож услышал и Ёсимити, который только что лишился их.

Когда он сказал это, мальчики заплакали, завопив в голос:

— Что это, сон или явь?! — и ухватились руками за Ёсимити.

Среди них Отоваси, который был несколько старше остальных, впился пальцами в окошко на боковой стенке паланкина и только тайком проливал слёзы, не подавая голоса.

Господин Цурувака сказал, глядя на Хадано:

— Увы! Похоже, что Ёсимити ослышался. Правильнее было бы сказать, что людей проводили к господину Симоцукэ. наших досточтимых старших братьев, которые участвовали в сражении, государь вряд ли мог повелеть зарубить. По какой же причине могут распорядиться убрать нас, малолетних?

Господин Камэвака, вцепившись в Хадано, проговорил:

— Увы! Как ни плох господин Симоцукэ, всё-таки так печально, что он отдал подобное распоряжение! Между людьми принято говорить обо всех старших и младших братьях одной семьи. Если Вы окажете помощь нам, трём-четырёх, мы будем хорошими людьми. Но как Вы можете заставить нас служить двум-трем сотням дурных вассалов? Те, что теперь не раскаются, хорошо работать не будут.

Господин Отовака вышел из паланкина наружу и, отстранив младших братьев, которые вцепились в Хадано, сказал так:

— Стыдно! Послушайте людей. Успокойтесь и послушайте, что я вам скажу. Господин Симоцукэ — наш старший брат, значит, это человек, на которого можно положиться. Отец, Вступивший на Путь, в шестьдесят с лишним лет погрузился в болезнь. Нам сказали, что он хотел не сегодня-завтра принять монашество и помочь нам. Нас вызвали и даже зарубят как нарушителей закона. Как он может беспокоиться о нашем будущем и помочь нам? Пусть даже к нам придут с помощью, — разве нам от этого может стать легче? Не плачьте, дети! А если и будете плакать, кто нам поможет? Если нужно обязательно учиться умирать, думаю, что это надо делать именно сейчас. Если умирать, когда станешь взрослым, тебе будет жаль лишиться жизни, когда узнаешь, что тебя вот-вот зарубят, — и это бывает со всеми. А какой прок от того, что сейчас мы останемся в живых? Наш батюшка, который должен был жить в этом мире, поражён стрелой. Наши старшие братья, на которых следует полагаться, зарублены все. Господин Симоцукэ, который может нам помочь, — враг. У нас

нет никакой собственности. Выклянчивая подаяния, что станем делать, когда люди будут указывать на нас пальцем со словами: «Вот они, дети Тамэёси»? Лучше обратим нашу любовь к батюшке, не издадим больше ни звука и перестанем плакать; повернувшись лицом к западу³, молитвенно сложим ладони, — батюшка наш, господин, Вступивший на Путь, обернётся к нам четверым! Если мы возгласим: «*Наму Амида буцу*»⁴, то сразу же явимся туда, где пребывает наш батюшка.

Когда он сказал это, трое его младших братьев, как и учил их старший, перестали плакать в голос, но, обратясь лицом к западу и сложив ладони вместе, пали ниц, а более пятидесяти воинов все пролили слёзы. Среди них был Хадано-но Дзирё. Он омыл потоками слёз рукава «устрашающих» доспехов из красной кожи, и сделалась эта кожа словно намокшая.

Господин Отовака же сказал:

— У тех мальчиков волосы свешиваются на лица. Жарко! Может быть, завязать их кверху?

Тогда к каждому из детей прикрепили по одному взрослому: к Отовака — Гэмпати, к Камэвака — Готёдзи, к Цурувака — Ёсида-но Сирё, к Тэнрё — *найки*⁵ Хэйда. Каждого мальчика посадили на колени, перевязали ему волосы, вытерли с лица пот, из пелёнок соорудили перевязи, чтобы катать мальчиков за спиной, нянчили их у себя на коленях, утром и вечером гладили их по чёрным волосам, — причём думали, что всё это в последний раз. И в глазах у них темнело, и в ушах шумело, однако у мальчиков всё это лишь вызывало слёзы, они же и без этого редко переставали плакать. Из-под рукавов, которыми они прикрывались, слёзы текли потоком.

Потом господин Отовака сказал так:

— Вы, наверное, думаете, что раз я старший брат, то сначала необходимо разобраться и решить со мной, а после — с мальчиками. Это сомнительно. Кроме того, увидев, как меня зарубили, мальши обязательно перепугаются, поэтому я думаю, что первыми должны умереть они.

А Хадано, заметив:

— Да, это будет лучше всего, — извлёк из ножен меч, развернулся и, когда стал приближаться к мальчикам, они испугались тени от меча и вскрикнули:

— Правда, нас не убьют?! Помогите!!!

Охранники сомкнули ряды, крепко схватили их, и мальчики издали скорбный вопль. Охранникам было неуместно возглашать свои имена,⁶ но, подняв руки, они прикрыли мальчиков рукавами и все вместе издали вопль горести и печали.

Хадано-но Дзирё вложил меч в ножны, вытер лицо рукавом и сквозь слёзы, бегущие потоком, размышлял: «У них же нет хозяина. Когда я

смотрю, как они выглядят, я думаю не о том, как могут они держаться, я думаю, в какую сторону побегут малыши, о том, что стану для них мудрым законоучителем, буду содействовать достижению абсолютной мудрости господином Вступившим на Путь, о том, что я тоже обрежу себе волосы, удалюсь в горный храм, что я тоже буду мечтать о грядущей жизни!» — так думал он тысячи раз.

— Япония — уже недруг нам. Куда бы ни направляться, лишь бы убежать. И ещё: какое же преступление совершил глава ведомства? — так он раздумывал и ничего другого делать не мог, только горько плакал.

Господин Отовака оттаскивал мальчиков, которые без конца плакали, цепляясь руками за кормилиц:

— Ну зачем вы так, мальчики! Без толку так убиваться. Когда говорят о роде Гэн, имеют в виду, что каждый человек, родившийся в этом доме, вплоть до самого последнего, сердцем твёрд. Мы, ведь, действительно происходим от императора Сэйва, мы настоящие потомки господина Хатимана. Птица, называемая калавинка⁷, ещё в зародыше поёт таким голосом, который превосходит голоса птичьей стаи; от двух листиков сандалового дерева исходит благоухание. Дети тоже таковы.

Расстелили шкуру, на неё положили в ряд троих детей. Хадано обогнул её сзади, господин Отовака сел впереди. Не показывая свой меч, он повёл глазами по сторонам.

— Было сказано, что пора отправляться в то место, в которое изволил переправиться наш батюшка. Батюшка же пребывает среди вон тех западных гор. Мы собираемся отправиться туда, поэтому, как и прежде, закроем глаза, сложим руки ладонями вместе и возгласим *нэмбуцу*.

Так он учил их, и трое мальчиков снова закрыли глаза, обратились лицами к западу и сложили руки ладонями вместе.

— Куда Вы переправились, наш батюшка? Сейчас мы прибудем к Вам. Подождите нас, пожалуйста!

С этими словами мальчики громкими голосами возгласили *нэмбуцу*.

В это время Хадано обнажил меч, отвёл глаза в сторону и зашёл сзади. Головы Камэвака, Цурувака и Тэнрё упали вперёд.

Отовака напряжённо смотрел на них. Он ничуть не заробел и цвет лица не потерял.

— О, как они прекрасны! Так же поступите и со мной.

Так он сказал, сложил вместе все три головы, рукавом вытер кровь с их волос и лиц, дождём роняя слёзы.

— Несчастные! Я, их старший брат, стою перед ними и думаю о них с глубоким состраданием. Их маленькие сердца так беспомощны! Скоро мальчики прибудут в иной мир, с лёгкостью преодолечат горы Сидэ-но яма и реку Тройной переправы⁸.

Хотя Отовака и принуждал себя держаться храбро, жаль было смотреть, как у него непрерывно текли слёзы жалости. Находившийся несколько поодаль Хадано произнёс:

— Подойди посмотри, как мы вытираем кровь с шеи и приводим в порядок лица, делаем нормальные причёски *мотодори*. Для них это будет наша последняя служба, — и с тем положил все три головы в приготовленный заранее горшок на высоких подставках, а когда освободил у того горшка угол, господин Отовака посмотрел туда с горечью в сердце и подумал: «Это — место для моей головы». А ещё Отовака сказал господину Хадано:

— Вы говорили, что потом зарубят и меня, значит, пройдёт некоторое время, и мне останется лишь жалеть о своей жизни. Ни в коем случае не торжествуйте по этому поводу. В последнее время наша сановная матушка желала посетить храм Явата и постилась. Она всячески успокаивала нас, говоря, что и мы отправимся туда, отправятся и другие люди. Сегодня утром, когда мы спали, матушка изволила выехать в храм, и теперь мы уже никогда не увидимся с нею. Если бы мы знали, что такое может случиться, у нас было бы что сказать ей на прощанье. Матушка радовалась, услышав, что батюшка изволит нас звать, и хотела только побыстрее выехать. Как она будет горевать, после того как услышит, что с нами такое случилось! Отовака сказал вам, что и как. Камэвака же ничего не сказал — он только думал о чём-то. Поэтому ты должен некоторое время спустя отправиться на угол Рокудзё и Хорикава и рассказать о наших самых последних мгновениях всё, что здесь было. И ещё: это передай от нас на память, — с этими словами он срезал со лба своих младших братьев по пряди волос, четвертой присоединил к ним свою собственную, прокусил себе кончик пальца, а выступившей кровью написал имена всех четверых и передал это Хатано-но Дзирё.

— Теперь, Ёсимити, можешь сказать господину Симоцукэ, что всё это из-за несправедливых деяний, сотворённых из-за клеветы со стороны Киёмори. Нашему батюшке, такому честному, каких не бывало ни в древности, ни в наше время, отрубили голову, убили моих братьев, сам я сейчас нахожусь во власти рода Хэй, и в конце концов меня тоже убьют и, как это ни жалко, род Гэн на этом угаснет. Вы согласитесь между собою, что, хоть и мал был в то время Отовака, но говорил он правильно. Думаю, что вы скажете это самое большее через семь лет, а самое малое через три года. Сейчас я говорю вам на прощанье то, что думаю. Я имею в виду, что говорю это, прощаясь с жизнью, но то же ожидает нашу сановную матушку в будущем. Так уже было принято прежде, но, будучи детьми держателя лука и стрел, мы, всё-таки, силы не набрались. Поэтому действуй быстро, так медлят только маленькие!

Говоря это, Отовака с нежностью раздвинул обезглавленные тела, лежавшие ничком, лёг между ними, обратился лицом к западу и несколько десятков раз громким голосом возгласив *нэмбуцу*, вытянул шею, чтобы по ней ударили мечём. Это смотрелось поистине хорошо.

Обезглавленные тела четверых братьев уложили, и некому было по ним вопить и кричать, вопрошать о них и навестить их. Отвечал только горный дух. Что же до горы Фунаока, то осенний ветер в соснах на её вершине присоединил свой скорбный голос, а вечерняя роса на равнине возле её подножия — была всё равно, что слёзами разлуки.

Бывшая там кормилица господина Тэнъё, *найки* Хэйда, развязала у себя тесёмки, сунула руку воспитанника себе за пазуху и приложила её к своей коже. Плача и плача, кормилица уговаривала его:

— До нынешнего года мы семь лет не разлучались с тобой ни на миг. Кто теперь будет сидеть у меня на коленях, чью голову обниму я? Мне следует забыть о том времени, когда мне хотелось передать тебе свои владения. Кто проведёт тебя по дороге через Сидэнояма, горы мёртвых, и как перейдёшь ты через них?! Подожди немного. Я к тебе опаздываю!

Она сейчас же рассказала себе живот и рухнула на детей сверху. Увидев это, оставшиеся трое воспитанников той же кормилицы заявили: «А мы чем хуже?!» — и тоже один за другим совершили харакири. Покончил с собой и самый низкопоставленный из слуг господина Тэнъё. Совершил харакири также самый низкопоставленный слуга господина Отовака. И так на горе Фунаока приняли смерть 18 человек господ и их слуг.

Хатано-но Дзирё забрал их головы и отправился назад во дворец, где доложил обо всём императору. Ему повелели вернуться, сказав, что он не выполнил всё до конца. Решив, что мальчики очень любили своего отца, их тела отправили в храм Энгакудзи и похоронили вместе с ним.

ГЛАВА 2.

О том, как бросили госпожу из Северных покоев¹ у Тамэеси

Ёсимити сделал доклад во дворце на Хорикава и возвратился к себе. Ему сообщили, что из Явата люди ещё не прибыли. Вскоре он выехал в Явата и по пути встретился с ними на прибрежной равнине Акаи. Мать погибших, завидев силуэт приближающегося Ёсимити, захотела узнать у него, что там случилось. В груди у неё застучало, она высоко подняла шторы в паланкине и спросила: «Что там, что?»

Ёсимити спрыгнул с коня, слёзы у него текли потоком.

— Таково было повеление государя. Обессиленный господин Вступивший на Путь зарублен. Погибли все молодые господа. Вот их прощальный подарок.

Он достал четыре бумажных свёртка.

Матушка упала из паланкина на землю. Она прижала к груди пряди волос из прощального подарка и вскричала с выражением муки и страдания в голосе:

— Ох, Ёсимити! Прошу тебя! Меня должны были погубить вместе с ними. Хочу идти с ними по одной дороге! — и тогда все, вплоть до простых *тонэри*² и носителей паланкинов отжимали рукава от слёз.

Кормилицы, плача и плача, говорили:

— На обочины дороги страшно бросить даже один взгляд. Быстрее возвращайтесь домой! — и уговаривали её сесть в паланкин.

Матушка промолвила:

— Прежде всего, скажите мне, где люди погибли?

— На горе Фунаока.

— Тогда отправимся туда. Хотя это и бесполезно, я взгляну ещё раз на их безжизненные тела.

С этими словами она села в паланкин на берегу реки Кацурагава, а занятая приготовлением к переправе через реку, выбралась из паланкина и, так, чтобы никто не увидел, подняла с земли и сунула себе за пазуху камень. Стремясь как-то утешить себя, она всё говорила, плача и плача:

— Если бы все мои мальчики сопровождали меня сегодня утром, когда я отправлялась в Явата, не случилось бы ничего! Но как бы ни было мне горько, я не стану упрекать никого из посторонних, ни одного, ни двоих. Если бы я знала, что может случиться такое, мы отправились бы все вместе. Был бы со мной хотя бы один из детей, пусть бы мы даже и не убежали, мы во всяком случае взяли бы друг с другом за руки. Ещё сегодня утром я не понимала, как справедлива пословица, которая гласит, что по изнурённому лицу ребёнка можно понять всё. Если бы действительно храм великого бодхисаттвы Хатимана³ дал рождение дому Гэндзи, бодхисаттва поклялся бы, что до самого конца будет защищать этот дом. Почему это я отправилась к Хатиману?! В эту пору, едва успев очиститься, творили молитвы и судья, и дети⁴. Если бы я сама не отправилась нынешним утром в Явата, я не скорбела бы сейчас о последних минутах своих детей. Какое печальное паломничество! — эти слова давались ей мучительно.

Плача и плача, она говорила:

— Я думала, как бы мне поехать на гору Фунаока и взглянуть на их безжизненные тела, но теперь их наверняка растащили собаки и вороны. Думаю, что скорее всего, востребовав и получив дорогие для меня их мёртвые тела, мне придётся гадать: вот рука Отовака, а вот нога Тэннō.

И равнина Магуй⁵, и гора Торибэяма⁶, и вечерний дым в окрестностях Дундай⁷, а также новая и старая утренняя роса на северной Бо⁸ — всё это горечью звучавшие символы непостоянства, это то же самое, что гора Фунаока. Я хочу отправиться в Сага и Удзумаса⁹, чтобы изменить свой облик¹⁰, но на душе у меня было бы горько, когда бы монахи сообщили Тамэеси, стала ли внешность его жены хуже или лучше.

Попросив у носильщика паланкина клинок, она сама отрезала свои волосы, разделила их на много частей, вознесла моления буддам, богам и Трёх сокровищам¹¹, и, завернув в отрезанные пряди волос камень, бросила его в реку. Потом пожаловалась:

— Будда проповедовал, что человеку в голову за один день и одну ночь приходит 800 миллионов 4 тысячи дум. Вычислять такое их количество было бы глупо. Сама я, считая, о чём я тоскую, бросила бы всё это вместе с прибрежным камнем, однако — сколько тоски на душе нагромоздится ещё?! Я тоскую о господине судьбе, когда вижу человека в возрасте от 63-х до 78-ми лет. Больше того, мне кажется, что будущее моих детей продлится ещё долго. Если в этом бренном мире вести себя беззаботно, — сколько же мне лет в этом году, если вычесть детские годы? Глядя на людей ребячливых, я испытываю к ним любовь. Нет такого часа, когда бы я не продолжала испытывать чувство скорби о зарубленных, не думать о той боли, которую испытывали мои зарубленные дети! Если ввериться мирским учениям и, хотя бы один-единственный день прожить жизнью бессердечной, возникает опасность того, что грехи станут накапливаться. Поэтому я всё думаю, как бы погрузить мои страдания на дно реки. Я не сожалею о жизни собственной, но могу только желать вступить на Путь, выше которого нет¹², пусть Будда наставляет меня.

Плача и плача, она внезапно отказалась схватить паланкин.

Все, начиная с кормилиц, из уст в уста передавали:

— Думается, что такова её неподдельная скорбь, однако от старых времён до нынешних существует множество обрядов расставания с супругом и разлуки с детьми, и, всё-таки, чтобы отказаться от жизни — это вообще случай беспрецедентный! В древности печалились и тосковали по отражению в зеркале 10000 ли облачной дороги до Хусэ¹³, ночами, полными инея и лунного света, сердце болело в башне Яньцзы¹⁴. Закон причинной связи среди людей, страдания, вызванные разлукой с любимыми, принцип, по которому сначала умирают те, кто должен был бы умереть позднее, и позднее умирают те, кто должен был бы умереть раньше, не ограничивается людьми, которые дороги мне. И во время нынешней битвы супруга Вступившего на Путь помощника Правого конюшего Хэй¹⁵ изволила проводить пятерых отца и детей; главная

супруга господина *таю* из Левого дворцовой гвардии¹⁶ разлучилась с четверыми — родителем и детьми.

Однако оплакивать человека — это не то же самое, что отречься от бренного мира. Все поменяли свой облик¹⁷ и переоделись в монашеские облачения. Кроме того, те люди, которые вознамерились попасть в царство тьмы, желая пойти по той же стезе, что и близкие им люди, второй раз с ними не встретятся. Живые существа различаются между собою по Шести путям¹⁸ и по Четырём способам рождения¹⁹ — на котором из путей они повстречаются? Желание броситься в воду не только сильно помещает тому, чтобы самим стать буддами: кто же сможет тогда способствовать просветлению²⁰ господина Вступившего на Путь и наших мальчиков.

С такими всевозможными стенаниями она останавливалась у каждого речного обрыва и не отводила от него глаз. Дамы согласились с нею, и матушка казнённых детей продолжала:

— Я отреклась от бренного мира, но не лишу ли я себя тем самым возможности встретиться с ними в грядущем мире? Поэтому теперь мы и возвращаемся в столицу.

Сказав это, госпожа собралась сесть в паланкин, успокоила себя и, занявшись переправой через реку, отделилась от остальных и прыгнула с берега в реку. Кормилицы, ойкнув, тоже погрузились в реку. Было это после двадцатого дня 7-й луны, поэтому ветер с горы Арасияма опустил на реку туман, зачастили короткие дожди, уровень воды в реке поднялся, пучины и стремнины перестали быть различимы, с шумом пошли гулять по реке белые гребни волн, и под ними уже не распознать стало глубокие места, а на воде скоро никто не мог удержаться. В рукава одежд набрались камни, и, — о горе! — никто не успел и глазом моргнуть, как люди погрузились в воду.

Все, кто там был, бросились в реку, стали искать, и, долгое время спустя, из далёкого низовья реки подняли вверх уже бездыханные тела. Прекратилось даже едва заметное дыхание, поэтому и здесь всё стало дымом погребального костра, и останки эти отправили в храм Энкакудзи и положили вместе с Тамэси и мальчиками.

В одной книге сказано, что мудрый вассал двум господам не служит, у верной жены двух мужей не бывает. Когда ведут себя мягко, то людям — от одного человека наверху до десятков тысяч внизу — не приходится отжимать свои рукава от слёз.

ГЛАВА 3.

О том, как Новый экс-император изволил переехать в провинцию Сануки

В двадцать второй день той же луны из императорского дворца посланцем в храм Ниннадзи отправили *курундо*, Правого младшего управляющего делами Государственного совета, Сукэнага-асона. Говорили, что на следующий день он должен прибыть в провинцию Сануки.

Новый экс-император давно уже стал размышлять, какой образ жизни ему вести, но полагал, что, если он примет постриг, вина его будет не столь велика. Он решил затвориться в горном селении поблизости от столицы; морские пути уходят вглубь, разделяясь на восемь частей¹; свои рукава Его величество изволил пропитать водами бурунов от хода судна, бегущего вдаль на десятки тысяч *ри* к облакам на юге; унылые мысли возникли в душе государя.

На следующий день, 23-го, поздней ночью благоволил он оставить монастырь Ниннадзи. Он сел в экипаж, принадлежащий Ясунари, прежнему губернатору провинции Мино. До места назначения экипаж сопровождал Садо-но-*сикибу-даю* Сигэморю. Вместе с Новым экс-императором прибыли три дамы из его свиты. После того как для него был вызван экипаж, они разом заголосили. Кто видел это, отжимали рукава от слёз. Государь, видя, как убиваются дамы, всё больше и больше падал духом.

— Господин наш, — плача, причитали они, — во время Вашей поездки Вы будете видеть из экипажа под тентом и с полушторами², как будут тянуться вдоль Вашего пути луна и гряды облаков, а перед экипажем следовать верховые телохранители, нести нелёгкую службу, при помощи голоса расчищая путь; воины, которые сегодня своё дело ведут неумело, как во сне увидят приближение государева экипажа. Так люди говорили сквозь слёзы.

Это действительно представлялось серьёзным основанием. Уже совсем рассвело. То тут, то там стали слышаться голоса птиц и звон храмовых колоколов. Эти звуки проникли в сердце августейшего. В ответах луны на рассветном небе гора Арасияма, вершина Огура и небо над столицей заволокло тучами, и на нижнюю часть рукавов августейших одеяний дождик моросил, не переставая. И даже тот путь, который предстояло преодолеть вот-вот, представлялся непривычно грустным путешествием, не говоря уже о предстоящей с минуты на минуту разлуке августейшего; сжавшееся в ожидании будущего сердце государя понимало, что поделать нельзя ничего.

О прошлом и будущем государь изволил пролить потоки слёз. Всё чаще и чаще он днём и ночью размышлял: что же такое произошло? А

когда государю сказали, что во дворце Тоба³ уже миновали северные ворота с вышкой, он подозвал Сигэнари к себе ближе и сказал ему:

— Поедем к могиле покойного экс-императора⁴. Думаю, что моё последнее с ним расставание — вот оно. Да так оно и есть.

Хотя Сигэнари растрогался и испытал к Новому экс-императору чувство благодарности за внимание к себе, он не согласился с ним и разрешения на задержку не дал:

— По государеву повелению час прибытия переменять нельзя. Опоздание карается тяжело.

— Тогда сделай невозможное!

Экипаж Нового экс-императора был направлен в сторону павильона Анракудзю⁵, к могиле экс-императора Тоба; августейший, ничего не говоря, захлебывался от слёз, но за пределами экипажа не было слышно ни звука.

Ближайшие к экипажу воины видели облик августейшего. Все они увлажнили слезами рукава своих доспехов. Сигэнари тоже удостоился лицезреть его облик и решил сопровождать августейшего до провинции Сануки, однако, пока велись переговоры о том, о сём, — обменялись мнениями с Ёсимунэ, помощником командира конвоя, и Сигэнари возвратился в столицу.

Новый экс-император несколько раз подзывал Сигэнари и говорил ему:

— В каком бы мире я ни оказался, я всегда буду помнить и не забуду никогда, как в эти дни ты проникся чувствами и заботился обо мне. Когда я услышал, что ты будешь моим спутником до самой провинции Сануки, я успокоился; мне было бы грустно, если бы ты остался здесь. Передай закононаставнику Кёкё⁶, чтобы он пришёл скорее.

Государя тронуло переданное ему известие о том, что человек по имени закононаставник Кёкё не принадлежит к числу тех, кого было велено зарубить в 17-й день прошедшей луны.

Говорили, что сопровождали Нового экс-императора более 300 воинов; губернатор Хидзюки растерялся и принимал их с отрядом в десять с лишним воинов.

Новому экс-императору вызвали корабль; прислали его от императорского двора. Было велено затворить августейшего в крытой каюте⁷, закрыть её с 4-х сторон, а снаружи навесить цепи.

Придворные дамы, в это же утро выехавшие из храма Ниннадзи, плакали в голос. По пути можно было утешаться, наблюдая за бухтами и островами, а если не открывать двери в каюте, можно было отгородиться от света луны и солнца. Кроме того, снаружи ушей достигали только шум волн и звуки ветра.

Вот и застава Сума⁸. Сюда когда-то был сослан средний советник Юкихира⁹. Думается, что он добывал здесь соль из водорослей в наказа-

ние за какие-то грехи¹⁰. Прозвище его было Остров Авадзи¹¹. Сюда был сослан император Ои-но Хайтэй¹². Он правил этими местами, откуда нет хода, где ему пришлось уйти от мира.

Грустные чувства испытывает теперь августейший от того, что сравнивает себя с ними. Дни громоздятся друг на друга, всё дальше и дальше столица, шаг за шагом приближается место ссылки¹³. Смотри по обстоятельствам, в зависимости от тех мест, которые он миновал, у августейшего только щемило сердце. Тем более, что будущее Первого принца Сигэхито неопределённо, а дамам, которые выбрались из дымов на поле битвы, случившейся когда-то возле дворца Сиракава, вспоминаются такие места, как Ямагёз в провинции Сига и храм Миндэра, но вестей оттуда никаких нет.

Если считать, что в этом мире нынешнее рождение — второе, то сопоставить оба рождения друг с другом можно, только рассмотрев их по отдельности. По этому поводу в голове до сих пор теснятся разные мысли. Когда пена на воде исчезает, кажется: может быть, она становится мусором на морском дне?

Раньше, катаясь по реке Оигава¹⁴, они плавали на лодках с головами драконов и шеями цапель, отдавали парчовые швартовы, сообщая окружив трёх высших сановников¹⁵, исполняли китайские стихи и японские песни, духовую и струнную музыку, подносили цветы, срывали багряные листья клёна и бывали озабочены наступающими сумерками; теперь же, напротив, сев в лодки с куцыми кормами и носами, они погребли себя в их крытых каютах. Жалка же их карма, из-за которой они совершают плаванья и остановки в отдалённых южных морях!

Как раз в то время, когда Новый экс-император выехал из столицы, в ней произошли удивительные события. Глава Левых императорских конюшен Ёситомо из рода Гэн и владетель провинции Харима Киёмори объявили, что они должны между собою сразиться. Воины в столице с белыми и красными знаками в руках поскакали кто на восток, кто на запад, поднимая пыль и пепел на городских улочках, с шумом волоча разное имущество и заявляя друг другу:

— Теперь-то мы заставим вас расстаться с жизнью!

Сановники и вельможи, верхом въезжая на территорию императорского дворца, без меры суежились¹⁶. После этого Синсэй¹⁷, получив на это императорское соизволение, посадил подчинённых ему мелких чиновников¹⁸ на коней из Конюшенного ведомства и заявил тем и другим:

— Если бы каждому из вас были известны подробности происходящего, он должен был бы доложить обо всём государю и к мнению августейшего отнестись с почтением. Спорить же приготовьтесь со мною. Меня изумляет, что государю известно множество мест, где имеются

войны, что сведения о них достигли слуха государя. Таких мест ни в коем случае не должно быть. Мятеж нужно искоренить немедленно!

Когда он произнёс это, те и другие всадники в один голос молвили, что оснований для подобных слухов нет.

— Это проделки какого-то злого духа, который разрушает у людей печень!¹⁹ — так они заявили.

Когда же снова наступил вечер, казначейский чиновник Томокадзу получил приказание и проверил пожарище на месте дворца Нового экс-императора на улице Карасумару и нашёл там тележку для перевозки книг по дворцу. Когда он открыл её и посмотрел внутрь, там была шкатулка экс-императора. Решив, что это — его тайник, чиновник опечатал шкатулку и привёз её в императорский дворец.

Его величество, просматривая шкатулку, изволил ознакомиться с записями собственных сновидений, которые день за днём видел Новый экс-император. Среди записей сновидений были сведения о вторичном занятии им престола. А через эти сведения о вторичном занятии престола Новый экс-император давал знать о самых разных своих желаниях.

Говоря о вторичном занятии престола, обычно имеют в виду два примера — императриц Саймэй²⁰ и Сёгоку, однако был ещё император Сюсяку²¹, который по совету своей матушки-монахини передал титул императору Тэряку²², однако, раскаявшись впоследствии, отправился государевым посланником в Исэ²³ и в конце концов своё желание не выполнил.

Экс-император Сиракава²⁴ благоволил передать престол императору Хорикава²⁵, но, по-видимому, лелея в сердце стремление возвратиться на престол, даже и после принятия пострига не принял монашеское имя. Однако это желание осуществить ему не удалось. Император Тэмму²⁶ наследовал принцу Отомо²⁷; он уклонился от принятия ранга и, приняв постриг, сначала удалился в горы Ёсино, но потом возвратился и занял престол, взяв управление миром в свои руки²⁸. Эти примеры приходили на память много раз. Тем не менее, о записях сновидений пришли к общему мнению: «Не слишком ли это заботило Нового экс-императора ночью и днём?».

ГЛАВА 4.

Об опознании останков господина Левого министра

В двадцать пятый день той же луны для того чтобы установить истину, — жив ли мятежный Левый министр, — отрядили одного правительственного чиновника и двух человек из дворца Такигути.

Правительственный чиновник — это Накахара-но Корэнори излевой части Государственного совета, а люди из дворца Такигути — это Моромичу, Сукэюки и Ёсимори. Место, куда они отправились, — это

одно из пяти мест кремации¹, Долина Абсолютной Истины² в селении Каваками уезда Сёноками провинции Ямато.

В одном с лишим *тё*³ на восток вдоль большой дороги есть могила Гэньэн-рисси, а ещё дальше на восток под искривлённой сосной находится новый могильный памятник из пяти кругов⁴.

Когда его выкопали и посмотрели, оказалось, что у мёртвого тела лишь на спине осталось немного мяса, так что никто по-прежнему не мог понять, чьи это останки в действительности. Даже не закопав их, посыльные всё бросили и вернулись в Такигути.

Этот Левый министр был славен красивой внешностью, о которой ходили слухи во всей Поднебесной. Нынешние же останки имели жалкий вид. Говорили, что даже длина того, что от него осталось, наводит на сомнения. Кроме того, покойный родился в семье министра⁵, ходил также слух о том, что, внезапно вскрыв могилу помощника Первого министра⁶, заключили: непохоже, что он умер от болезни. Говорили, что у него нет карма, которая получена в прежних рождениях, что здесь — следствие теперешних поступков, что жизнь его — стыд, смерть — срам, и то, и другое ещё и ещё раз достойны сожаления.

В двадцать шестой день той же луны трое аристократов из окружения Левого министра — девятнадцатилетний Канэнага, старший командир из Правой дворцовой охраны, его ровесник средний советник, *тёдзё* Моронага и шестнадцатилетний Таканага *тёдзё* излевой дворцовой охраны, движимые одним стремлением, отправились к своему деду Фукуэ⁷ и сказали ему:

— Мы слышали, что вчера прибыли посланники государя, вскрыли могилу министра и, осмотрев его останки, возвратились. Мы — сыновья покойного. Даже если Левому министру простят его достойное смертной казни преступление, как можно дважды показывать людям лик покойного?! Распроцавшись с плотью, совершив монашеский постриг и бежав от мира, отождествив себя с жизнью, подобной росе, прежний вельможа обретёт абсолютное просветление *бодай*! — так сказали они, плача и плача.

Тогда князь, Вступивший на Путь, проливая слёзы, отвечал им:

— После того как умер Левый министр, я усиленно приглашал к себе всякого. И действительно, знаки благодарности надлежит оказывать именно так. В этом мире министр — это человек, к которому часто питают глубокую неприязнь, и об этом приходится думать до тех пор, пока он оказывается подо мхом⁸. Каждый человек доводит себя до совершенства, если в существующем мире он служит двору, и, выполняя обязанности регента и канцлера, не думает, ведь, что унаследовал их от своих предков. И в странах иных, и в нашем отечестве среди людей,

которые глубоко погрязли в прегрешениях и сосланы в дальние провинции, много таких, которые при жизни достигли больших высот.

— Непочтительный к родителям император Поздней Хань⁹ был посажен в темницу, но после того как из темницы вышел, он снова занял престол. В нашей стране человек по имени Левый министр Тоёнари¹⁰ переместился на должность заместителя главного наместника области Сайкайдō¹¹, но после того как он был прощён и возвратился в столицу, он повторно возвысился до поста помощника Первого министра. Разве нет и таких примеров?! Если же это так, не выполните ли вы своё сокровенное желание, если не откажетесь от поклонения Великому пресветлому богу Касуга!¹² — молвил он, заливаясь слезами.

«В таком случае, — подумали они, — главная вина отца не в том ли состоит, что он отказался от этой своей цели» — и тогда же приняли монашество.

ГЛАВА 5.

О дальних странствиях детей Левого министра, а также и заговорщиков

В двадцать восьмой день той же луны эти вельможи выехали, наконец, в Южную столицу, в павильон Дзэндзёин¹, откуда перебрались в местность Инайдзума в провинции Ямасиро, а через два дня направились к месту изгнания. Конвоировали их чиновники Масасигэ и Сукзёси из Сыскного ведомства. Нужно было послать за лошадьми для них, лошадей решили заказать в управлении ведомства, когда же заказали, послали за сёдлами, стремнами и прочей сбруей, после чего разноцветные фигуры отъезжающих направились на восток, на запад, на юг и на север, так что глаза разбегались.

Было определено, что старший командир Правого отряда *таю* Канэнага направится в провинцию Дэва, за ним по порядку — средний советник, Морунага — в провинцию Тоса, *тидзё* Левого отряда Таканага — в провинцию Идзу, а законоучитель в созерцании Хантё — в провинцию Аки.

Стало известно, что один из них, господин Морунага, которого посылали в провинцию Тоса, когда ему предоставили отдых, оказал знаки почтения его светлости Пребывающему в созерцании². В его письме для принца говорилось:

— «Вчера были прощальные слёзы; нас захватили. После того как мы Вас оставили, приходит всё больше и больше сомнений. Хоть и стреляли, но чересчур много. Поистине, мы как будто надели на головы горшки и повернулись лицом к стене. Вы, принц, достигли преклонного восьмидесятилетнего возраста, но ещё побываете в девятикратной цветочной столице. Морунага держит в руках *бива*³ и собирается пуститься с ним в

заоблачный путь за десять тысяч *ри*. Сколько дней лица у наших близких будут суровы? Не знаю, когда увижу Вас где-нибудь кроме, как во сне. Как поразмыслил об этом хорошенько, — слёзы бегут в тысячу потоков.

Хоть и говорят, что листы камелии и повторно отбрасывают тень, этим любящему сердцу утешиться трудно. Душевные сомнения до дрожи в руках не говорят об одних только о чувствах. Морунага со времён далёкого детства обладал талантами в области музыки, стихосложения, сочинительства и каллиграфии и проявлял преданность монаршему пути. Однако, встретившись сегодня с этими бедствиями, я думаю, что ещё долго буду переносить их. Пусть я знаю веление судьбы, служа монаршему пути, но горькие слёзы, которые меня душат, трудно представить. Ах, как грустно, как грустно! На бумаге не выразить никак. Вам нужно выразить Ваши высокие соображения. Я докладываю Вам с просьбой распорядиться, чтобы мы не беспокоились о том, что случится после того как мы уедем в отдалённые земли. Письмо — это нарушение порядка. Оно не должно достигнуть взора Вашей светлости. Я, после того как взгляну на письмо ко мне, сразу же порву его. Никто из посторонних не сможет увидеть его ни в коем случае.

Последний день 7-й луны. Морунага, отшельник из горного храма.

С почтением господину *курадо-но таю*».

Его светлость Пребывающий в созерцании оставил без последствий просьбу детей Левого министра. Он посмотрел на своих внуков, будто на прощальный подарок, и все они разъехались в разные стороны. Они были удручены и уныло думали, что, сколь долго ни проживут они в этом горестном мире, не изменится ничего. Наблюдая это, его светлость ещё больше обливался слезами. Плача и плача, выражал он свою жалость:

— Этим благородным людям исполнилось нынче по 18 или 19 лет. Незаметно совершенствовались они в стихосложении и музыке, не слабы в талантах и мастерстве, свободно чувствуют себя в каллиграфии, нормально проявляют себя в японской поэзии. Печальна сама мысль о том, что они были бы добрыми вассалами, если бы верно служили императорскому дому. Всякого человека должна радовать его долгая жизнь. Один только я печалюсь. Теперь прошу Великого пресветлого бога святилища Касуга забрать мою старческую жизнь, — так горевал он, вознося молитву.

Средний советник и *тидзё* в тот же день прибыл на берег бухты Даймоцу в провинции Сэтцу. Здесь был человек, который учился игре на *бива*, по имени Минамото-но *сикibu-но тидзё* Корэкуни. Без конца сокрушался он о том, что сей благородный человек был отправлен в ссылку; перед бухтой Даймоцу к нему подступила тоска, после чего, подождав *тидзё* поближе, он сказал:

— Благодаря этой дороге, я вижу сердца многих людей, но человек, который горячо предан Морунага, — это не только ты. Поэтому, пока

мы размышляем в глубокой тайне, нам бывает некому рассказать о своих мыслях. Тем не менее, здесь — место, которое ты намеревался посетить ещё раньше. Потому-то тебе нужно подарить мелодию для посвящённых под названием «Синее море».

Подобрав про себя мелодию, он продекламировал:

«Волны синего моря
Может, тело моё унесут.
Только я никогда
Не забуду секретов,
Которым меня научили».

Сидя в почтительной позе, Корэкуни заливался слезами.

— Что касается мыслей о моей горячей преданности, то даже ценой отречения от собственной жизни я хотел бы проводить его до места ссылки. Но из-за того, что на это не последовало разрешение свыше, сделать этого я не могу. Теперь мне остаётся до тех пор, пока это возможно, молиться о его возвращении в столицу, — сказав это, он, плача и плача, возвратился в столицу.

Кроме того, ходили слухи о том, что Вступивший на Путь *таю* излевой половины столицы Норинага сослан в провинцию Хитати, Оми-*тюдзё* Наримаса — в провинцию Этиго, младший советник 4-го ранга, Вступивший на Путь Наридзуми — в провинцию Ава, *сикибу-но таю*, Вступивший на Путь Моринори — в провинцию Садо, *курандо-но таю*, Вступивший на Путь Цунэнори — в провинцию Оки. В нарушение всякого этикета, следуя неизвестно каким обычаям, сына разлучали с отцом, младшего брата со старшим. Слуга не сопровождал своего господина, близкие были разлучены между собой и пребывали в печали, оставшиеся скорбели, каждый на своём месте не мог ничего поделать.

ГЛАВА 6.

О поездке Первого министра государства в столицу

Из дворца отправили посыльного — младшего советника, Вступившего на Путь Синсэя — и повелели ему передать господину канцлеру, что его светлость Пребывающего в созерцании тоже нужно отправить в ссылку. Канцлер с горечью изволил вымолвить:

— Почтительнейше повинуюсь. Однако же, отправив отца в ссылку, сын не может выполнять при дворе обязанности канцлера. А посему не должен ли я, Тадамити, подать с должности канцлера в отставку?

Ни государь, ни подданные возразить не могли ничего.

Его светлости Пребывающему в созерцании угодно было заметить, что он должен снова возвратиться к своим занятиям Фукэ, но прощения у двора он просить не стал.

— Вообще говоря, в Южной столице будет ещё хуже, поэтому нужно проехать через храм Тисокуин¹, — подумал господин Фусэ, но, согласно государеву повелению, навстречу ему канцлер выслал человека, и тот, заявив: «Здесь случай особый!» — через территорию храма не поехал. Вельможа написал ко двору письмо о своей невинности.

В этом письме, по-видимому, содержались клятвенные слова. «Если бы я осмелился питать против двора государя коварные замыслы, я должен в этом мире навлечь на себя кару небесных богов и духов земли, а в будущем меня должно миновать благоволение будд трёх миров²». Это письмо позабавило двор. Но, так или иначе, в конце концов через храм Тисокуин он проехал.

ГЛАВА 7.

О том, как взяли живым и отправили в отдалённые места Тамэтомо

Так вот, особе Нового экс-императора значительное содействие оказывал господин Левый министр. Он ругал Тамэси, Тадамаса и других, говоря, что они должны пожертвовать своими жизнями. Обликом подобный злему демону, злему божеству, Тамэтомо не оставил и следа от многих людей. Повсюду говорили, что он должен был всего себя посвятить служению государеву дому, и вскоре его победили. Государь и подданные всегда занимаются одним и тем же делом. В конце концов, в Левого министра угодила случайная стрела, Новый экс-император был отправлен в ссылку, все бунтовщики либо поражены стрелами, либо сосланы в разные провинции.

Поистине, решения пресветлых Богов и Трёх драгоценностей¹ — дело нешуточное! Говорят, что защита Сына Неба находится за морями — это правда. Теперешнее сражение двор проводил согласно планам Синсэя. В то время, когда сам Синсэй следовал планам Ёситомо, верхи бывали совмещены с низами, и в конце концов всё выравнивалось. Ходили разговоры, что экс-император изволил следовать планам Левого министра. Но, поскольку сам Левый министр следовал планам Тамэтомо, сердца тех, кто наверху, не были совмещены с сердцами тех, кто внизу, и в конце концов он припёр к гибели. Отсюда видно, что Поднебесной следует управлять, совместив верхи и низы. Десятки тысяч человек болтали между собой о том, что бы получилось, если бы господин Левый министр сообразовался с военными планами Тамэтомо.

Хатирō Тамэтомо жил в провинции Оми. Днём он прятался в горах, ночью выходил в селения. У него остался единственный вассал. Господин посылал его нападать на людей, забираться в дома, а от рассвета до темноты он только и делал, что тоскливо валялся в долинах и горах. Зайдя однажды в некий горный храм, вассал сделался монахом. Время от времени Тамэтомо заставлял его выступать в качестве нищенствующего монаха и так провожать солнце. Глубоко задумавшись, Тамэтомо сказал:

— Да, дело нелёгкое. Жаль, что я стал помехой для потерпевшего поражение господина Левого министра, проиграл в нынешнем сражении, потерял отца, старших и младших братьев и не извлёк никакой пользы для себя. В том числе досада берёт оттого, что помог Ёситомо, которого должен был поразить всего одной стрелой, а сейчас он стал врагом моего отца. В конце концов, Тамэтомо поедет на Тиндзэй, соберёт людей из Девяти провинций, потом двинется на столицу, нападёт на императорский дворец и тогда уж наверняка защитит Ёситомо. Пусть там окажется хоть миллион всадников, он разобьёт их; Ёситомо их захватит и, свернув им шеи, на прощание передаст их на воспитание Вступившему на Путь и установит правление Нового экс-императора. Так какие же могут быть помехи для того, чтобы Тамэтомо сделался изгнанником на Тиндзэй?! — сказал он с безмерной горячностью.

Тогда же он намеревался срочно направиться в провинцию, но как раз в это время вассал владетеля провинции Аки, младший командир из отряда дворцовой охраны Исасада прибыл с острова Тиндзэй в столицу с большим отрядом, а в устье реки Ёдогава² вассалы находились в изобилии. Это значит, что время было неподходящее, и он решил немного потерпеть, пока время это пройдёт. Но судьба, predetermined, в прежних рождениях, уже истощилась. Он тяжело заболел, получив один шанс жить на десять тысяч шансов умереть.

Слов нет, помощь он оказал, но только теперь и место, и время были неподходящими, поэтому в одном месте он пошёл в баню и там стал лечиться, а встретившиеся ему люди разного возраста и состояния, при виде его, говорили со страхом и удивлением:

— Страх какой! И на человека-то не похож. Словно *тэнгү*³ с гор Атаго и Такао⁴, он собирается дурачить людей!

А местные жители, увидев его, сообщили владельцу поместья, командиру из отряда охраны дворца, Садо-но Сигэсада, и тот, подумав: «Ого! Да это же Хатирō с острова Тиндзэй!» — послал за бывшими там знакомыми ему чиновниками⁵ и показал им на баню со словами:

— Нет сомнения, что здесь находится господин Хатирō.

Сигэсада вызвал к себе больше трёхсот человек, начиная с собственных детей и вассалов и кончая местными жителями. Они окружили баню

в 4 или 5 рядов, отобрали из своего числа человек 14-15 похитрее, и те умышленно не взяли с собой ни длинных, ни коротких мечей, но беспорядочно вошли в баню и намеревались схватить его, не дав рта раскрыть.

Тикатомо не производил никакого шума. Он стоял в стороне, а когда к нему начали приближаться сразу трое, сгрёб всех троих вместе, крепко, до смерти, сдвинул их и отбросил. Потом, решив, что так не пойдёт, он привлёк к себе двоих из тех, кто сразу же двинулся на него спереди, сзади, слева и справа, стукнул их головами друг о друга, прикончил и отбросил прочь. Одного ударил о край бассейна, свернул ему шею и отшвырнул от себя. Иные падали и умирали от его ударов в грудь; были и такие, кто опрометью убегал с переломанной ударом ноги поясницей. После этого войти к нему уже никто не пытался.

В бане поднялась суматоха. Мужчины и женщины в замешательстве разбежались. Тогда баню пригрозили поджечь, а Хатирō сжечь заживо. Он выскочил из бани, выдернул руками столб, бросился вперёд и побежал. Множество людей увязалось за ним. Он повернулся назад и кого убил, кого избил до смерти.

Вёл он себя жестоко, однако много дней до этого он провёл в тяжёлом состоянии, ещё долгое время у него не слушались руки и ноги, сам ослабел, падал на бегу, а погоня всё приближалась и приближалась, его стали со всех сторон хватать, навалились сверху и схватили. Некоторое время Хатирō ещё отбивался кулаками, но в конце концов силы его оставили, и, хотя сердцем он был отважен, случилось трагическое: его без особого труда взяли живым.

Пленника снова препроводили в столицу и доставили во дворец. Там его спросили об обстоятельствах мятежа, но он ничего не сказал, заявив: «А о чём я могу рассказать?». Те, кто расспрашивал пленника, решили представить его пред личные очи императора. Суэдзанэ, судья из провинции Суō, взял его и передал в Северный лагерь⁶.

— Передаю взятого живым Хатирō с острова Тиндзэй! Смотрите внимательно! — и не смог уклониться от экипажа из Девятивратной Ракуэ⁷.

Толпой собрались и высокие, и низкие. Зеваки были подобны тучам и мгле. Тамэтомо был одет в красный *катабира*⁸ и белый *суйкан*⁹. Ростом он был больше семи, почти восемь *сяку*¹⁰. Худой, чёрный, с длинными сухожилиями и костями, с большими глазами и широким ртом. Его внешний вид никак не выглядел обыкновенным. Он проезжал через толпу, нимало не робея и бросая косые взгляды во все четыре стороны.

В него стрелял Масакиё и чуть поранил ему левую щеку. Рана ещё болела. Увидев это, зеваки, вся толпа, загалдели, закричали:

— Какое ужасное зрелище! Такие дела! Он под корень уничтожил множество людей! Он же вроде злого духа, вроде оборотня!

Сигэсада в награду за свои особые заслуги был назначен младшим командиром Правого отряда охраны дворца.

После этого придворные вельможи собрались на общий совет и стали решать, как быть — следует ли этому Тамэтомо отрубить голову или же нужно отправить его в заточение. Господин канцлер изволил произнести:

— То, что в нынешнем сражении многие наши воины лишились жизни и страдали от полученных ран, — дело рук одного только этого Тамэтомо. Называя его одним из членов злодейской банды, виновной в восьми грехах, нам, в частности, трудно уклониться от оценки его грехов. Хотя мы и говорим, что он способен совершить самый тяжкий грех, в данном случае дело в другом — сверх того, что случилось до сего времени, нужно сказать и о его редкостной судьбе. Заслуживает ли он и теперь смертной казни? Особенно ловко владеет этот Тамэтомо луком и стрелами. Равных ему ни в глубокой древности не было, ни в эпоху конца Закона быть не может. Однако то, что он вдруг впал в грех, непременно вызовет много хулы в будущем. Если он покончит со старыми грехами, если станет твёрдо придерживаться своих честолюбивых мечтаний, он может стать драгоценным камнем императорского дома.

Когда он вымолвил это, вельможи заявили в один голос:

— О, как великолепно сказано! Отправим его в дальнюю ссылку.

И с тем решили сослать пленника на остров Осима в архипелаге Идзу. После этого Синсэй проговорил:

— Слышно было, что этот Тамэтомо поджжёт павильон Такамацу в императорском дворце, пустил стрелу в паланкин августейшего. Разве тем самым он уже не стрелял в государя? Значит, он и впредь может вздумать так использовать свой лук.

С этими словами он повернулся к Ёситомо, ударом долота рассёк узы на его левом и правом предплечьях и освободил их. Когда путы с плеч были сняты, до того, чтобы снимать их с рук дело не дошло, поэтому узника как в клетку посадили в паланкин, закрытый с четырёх сторон, проделали в паланкин оглобли, за которые взялись больше двадцати носильщиков, и в сопровождении 50 с лишним воинов отправили от одной почтовой станции к другой.

По дороге ссыльный не сердился на носильщиков паланкина, не выражал недовольства ими. Допускал только разного рода грубости. Однажды он сказал:

— Эй, вы, слушать всем! Когда человека отправляют в ссылку, каждый убивается, только Тамэтомо радуется. А то, что при обращении с монархом, который обладает десятью добродетелями, увеличивают число воинов, несущих паланкин, а к месту его ссылки присылают разные кухонные

изделия из тех заведений, где он делал остановку на ночь, никак нельзя считать проявлением почтения к нему. Бывает роскошь и лучше этой.

Иногда он и по-другому доставлял себе развлечение и шутил. Однажды Тамэтомо высказался так:

— О, как ужасно быть врагом династии! Такой человек, как Тамэтомо, взят живым, как обычный, заурядный человек! Что теперь делать? Думаю, может лучше стать калекой? Тогда сможешь воспользоваться таким паланкином, даже если выполняешь одну работу.

Паланкин-клетка, в которую так крепко заточили Тамэтомо, за то время, пока она понемногу продвигалась вперёд, поскрипывала-потрескивала и уже готова была поломаться. Носильщики подчас боялись, что узник убежит. Однажды был такой случай, что они толкали паланкин с возгласами: «Эй-я!» — и не могли продвинуть его ни на шаг. Иногда с возгласом «Эй-я!» на паланкин разом налегали больше двадцати носильщиков.

И ещё узник говорил:

— Если вам велят опустить руки, вряд ли Тамэтомо сколько-нибудь пострадает. Пусть у него станет чуть слабее лук, зато, если сделать длиннее стрелы, он станет ещё сильнее.

Так запугивал он конвой, сильно всё преувеличивая.

После того как паланкин прибыл в Идзу, из одной вещи уже невозможно было сделать много вещей, из одного человека — много людей. Как и было запланировано с самого начала, узника передали в руки Кано Кудо Сигэмицу, губернатора провинции Идзу. Приняв его, губернатор стал думать, как быть дальше.

ГЛАВА 8.

О том, как Новый экс-император принял обеты, а также о его кончине

Итак, как это ни было печально, Новый экс-император направился в провинцию Сануки. На его корабле царило чувство досады. Не было ни одного из лунных вельмож и гостей облаков¹, на корабль прибыли только неотёсанные воины.

Если обратиться к далёким чуждым пределам, то Сяо У² было позволено вернуться на родину из Чань³, император Сюань-цзун переехал в Шу⁴. А если поискать поближе, в нашем государстве, то увидим, что император Анкō⁵ был убит его пасынком⁶; император Суджун⁷ был погублен мятежным вассалом⁸. Государь, обладавший десятью добродетелями, хозяин престола, не мог избежать действия кармы, идущей из прошлых существований.

В десятый день 8-й луны Новый экс-император уже изволил прибыть в Сануки. Но, поскольку дворец для него ещё не был приготовлен, в столицу выслали донесение, что Новый экс-император въехал в павильон Мацуяма, бывший в ведении второго губернатора⁹ Такатō.

После этого, по предписанию губернатора Хидэюки, покои для Нового экс-императора оборудовали на острове Наосима¹⁰ в уезде Сидо той же провинции. Переправа до этого острова от материковой земли занимает всего два часа¹¹. Там нет ни полей, ни людского жилища. Место особенно бесплодное. Участок намного теснее, одна четвертая часть обычного¹². Его обнесли оградой, покрытой черепицей, внутри ограды возвели здание, поставили ворота.

— Снаружи навесить запоры; никто сюда не должен ни входить, ни выходить отсюда, кроме тех, кто доставляет для августейшего провизию. Если понадобится что-то сообщить наружу, письмо должен принимать воин охраны и извещать губернского чиновника, — такое поступило распоряжение.

Покои были расположены рядом с морем, поэтому можно было с тоской любоваться видом морских волн, подёрнутых дымкой. Заточённый таким образом государь, как только он просыпался, бесцельно внимал шуму ветра в соснах, плеску волн в бухте, голосам чаек. Лишь обратясь лицом к чистому небу, мог он проводить рассветы и сумерки, луне выражая свою скорбь, ветру слагая стихи и песни.

После этого страж Северной стены во дворце экс-императора Тоба, именуемый владетелем провинции Кию, Норимити, сердцем предался Пути, ушёл от мира и стал отшельником, приняв имя Рэнъё. Он сделался мудрецом, обозревающим провинции¹³, а когда ещё жил в миру, был музыкантом и приходил лишь в павильон Найсидокоро на представления *кагура*¹⁴. По этой или другой причине, но только ему не приходилось попадаться на глаза августейшему. И всё-таки, наслышавшись о делах Нового экс-императора, он проникся состраданием, пустился в далёкий, многотрудный путь по морю и прибыл в Сануки.

Когда отшельник увидел дворец со стороны, — вид его был невообразимо жалким. Ворота стерегли неотёсанные варвары¹⁵, дорогу заслоняли кусты роз. То было место для цветов, птиц, ветра и луны, поэтому сердце человека должно было чем-то утешаться. Не переставая думать о том, кто же приходит сюда, очарованный снежным утром и дождливой ночью, стоял путник, и поникли рукава его грубоотканых одежд.

Путник раздумывал, как бы ему проникнуть внутрь дворца, но воины, охранявшие ворота, были неприступны, так что он с завистью слушал

шум волн, без пользы накатывавших на берег возле дворца, шум ветра, дующего в сосны, и призывные крики чаек со стороны открытого моря.

Стемнело, спустилась ночь, на сердце у путника становилось всё чище. Он стал утешать себя, играя на флейте и вслух читая стихи, плача и плача. *Безграничны спокойные думы, на перекрёстках нет никого, сердце объято печалью, но от желаний ему не отречься*¹⁶. Взошла луна, зашумели морские волны, послышалась песня лодочника, идущего с шестом неведомо куда. Ветер в заливе дул ровно, печали путника не было границ.

Всё глубже становилась ночь, месяц склонялся вниз, становился прохладнее ветер. Когда путник остановился и стал отжимать рукав, из дворца вышел человек, одетый в потемневший *суйкан*¹⁷. Луна, что ли, его позвала?

Рэнъё обрадовался, потому что в сердце его всё ещё была скорбь. Незнакомец проник к нему состраданием и, пригласив его с собой, вошёл внутрь. А так как Рэнъё не должен был входить во дворец, он написал на доске одно стихотворение и попросил: «Пожалуйста, доведите это до слуха государя!»

Незнакомцу, по-видимому, было свойственно сострадание. Он доложил о том, что произошло, августейшему. Новый экс-император прочитал стихотворение, в котором было написано:

В Асакура
Дворец из круглых брёвен
Я посетил.
Печально, что вернусь,
А государь меня и не увидит.

Экс-император был охвачен печалью, а потому захотел узнать о делах в столице и расспросить о милой старине. Но, как и следовало ожидать, он написал только такой ответ:

Из Асакура
Возвращают тебя
Без результата.
Я же плакать останусь
В краю рыбаков.

Рэнъё, приняв это стихотворение, убрал его на дно заплечной корзины и направился в столицу, плача и плача.

После этого случая жизнь Нового экс-императора в ссылке на острове стала слишком горестной, поэтому губернатор, во исполнение своих официальных обязанностей, велел оборудовать ему дворец в местности Цудзуминоока в окрестностях буддийского храма в Сидо¹⁸ и перевёл его

туда. Там от рассвета до темноты, хотя и благоволил государь в тоске выходить из своего дворца наружу, к нему не осмеливался приближаться никто, вплоть до бедных простолюдинов и простолюдинок.

При таких обстоятельствах, по крайней мере, своей компанией августейший считал ближних слуг, людей, пребывавших в полном согласии с ним во время его прогулок, которые экс-император совершал иногда, в то время, когда он развлекался поездками в разные места, любовался цветами по утрам, луной по ночам, китайскими стихами и японскими песнями, духовой и струнной музыкой, находил удовольствие в «танцах пяти» и в «свете изобилия»¹⁹.

Хотя изгнанник и питал интерес к таким делам, он задумывался о своём теперешнем положении, и у него то по одному, то по другому поводу непрерывно бежали его августейшие слёзы. Ему ещё нужно было заботиться о своём непривычном жилище в провинции. Постепенно наступала осень, всё вокруг становилось печальнее и печальнее. Звон насекомых, которые вились над бамбуковой изгородью, становился слабее день ото дня. Наступило время, когда ветер шумел в соснах и по ночам пронизывал тело, отчего те немногие дамы, что состояли при августейшей особе, ничего другого не делали, а только подавленно лежали ничком и плакали. В некоторых случаях, поддавшись настроению, они с удовольствием вспоминали богатую развлечением столицу. При этом всё вокруг темнело от дождя слёз, такого, что должны были намочнуть даже макушки деревьев.

Хорошенько надо всем подумав, Новый экс-император решил: «Я был возведён в достоинство Сына Неба как потомок внуков Неба. Удостоенный высокочтимым тронным именем²⁰, долго держал в своих руках обитель монарха. Несмотря на то, что говорят, будто я не занимался государственными делами, покуда престолом владел покойный экс-император, мне даже и о том времени есть что вспомнить. Это, главным образом, весной — весенние развлечения, осенью — осенние удовольствия.

Я провёл 38 весен и осеней, либо гуляя с цветами в Золотой долине²¹, или любуясь луной у Южной башни. Минувшее представляется мне не более, как вчерашним сном. В такие размышления погружаюсь я, сосланный в воздаяние за какие-то грехи на дальний остров.

У меня не было причины прикреплять письма к крыльям диких гусей²² и излагать в этих письмах свои думы, потому что нет здесь границы между севером и югом, я не делаю различия между тёмным и светлым началами, поэтому-то и трудно себе представить, что наступило время, когда единственным выходом становится ожидание, пока у вороны побелеет

голова, а у лошади вырастут рога²³. Я не перестаю думать о родимой земле и готов стать демоном тоски по родине.

В эпоху правления императора Сага²⁴ разрушили порядки, существовавшие в предыдущее правление императора Хэйдзэй²⁵. Когда же император Сага принял постриг, до дальней ссылки²⁶ дело не дошло. В самом деле, когда я сам восходил на престол после тогдашнего государя, я очень жалел об этом. Забыв о том, кто меня вскормил, о бывших его благодеяниях, совершать тяжкие прегрешения очень горько!» — так думал августейший.

В нынешней жизни он совершил ошибку. Потом, считая, что это нужно для абсолютного просветления в жизни грядущей, он пустил кровь из кончика своего пальца и в течение трёх лет собственной кистью переписывал важнейшие пять сутр Трипитаки²⁷. Когда на этом дальнем острове ему становилось особенно горько, августейший думал, что его должны будут поместить в окрестности храма Хатимана к экс-императору Тоба, и сообщил об этом в Омуро²⁸. В его письме говорилось:

«Меня отлучили от моего старого дворца, теперь я предаюсь размышлениям, находясь на дорогах иной провинции. Раньше, благодаря обладателям ворот из софоры и гробниц предков²⁹, яшмовое тело³⁰ стремилось к пиршествам и отдыху, ныне же я уехал из своего дворца туда, где о любимую землю разбиваются волны, в места к югу от реки³¹. Здесь буря срывает макушки с сосен, черепичные кровли смотрят на предрассветный месяц, дождик капает на листья павлонии, а бывший император пребывает в печали под вечерней росой. Редко-редко в провинции странствий³² сопутствует ему солнце и утихает невыплаканная скорбь.

Чтобы вернуться в старую столицу, белояшмовый мудрец³³ должен ещё раз устраивать заговор. Вспоминается, как в столице слагали стихи о ночных тенях над облаками. Солнце восходит в "драконовом углу"³⁴, гости облаков быстро забывают о наслаждениях, дымные народные жилища, крытые чернобильником, погружены в печаль, и переживают упадок. Здесь быстро постигаешь истину.

Следы куликов
На берегу залива
К столице ведут и назад.
А сами они
Кричат и кричат
В Мацуяма».

Когда монашествующий принц из Омуро изволил просмотреть это письмо, у него заструились слёзы. Господин канцлер по-разному высказывался через посредников, однако, когда младший советник, Вступивший на Путь Синсэй произнёс:

— Государь изволит пребывать в ссылке. Хотя в столицу возвратились только следы его руки, мне это кажется недобрým знаком. Меня беспокоит, какие желания кроме этих у него есть, — правящий император действительно задумался о том, что, пока не будет его позволения, сил вернуться у изгнанника неостанет. Услышав об этом, Новый экс-император молвил так:

— Сожаления достойно. Это относится не только к нашей стране, Японии. В разных странах, вплоть до Индии, Китая, Чёртовых морей³⁵, Корё³⁶, государства киданей³⁷, люди воевали за посты, соперничали за власть в государстве. Старшие братья сражались с младшими, много раз поднимали друг против друга войска дяди и племянники. Здесь есть чему поучиться и в древности и теперь, но времена сменялись и уходили, покаявшиеся в грехах получали прощение, а милость монархов безгранична. Как бы там ни было, в самом деле, вступив на Путь и став монахом, во имя просветления читать сутры позволено всем; не надо скупиться даже на переписывание всей Трипитаки, где содержатся записи во благо будущей жизни. Не бывает таких врагов, которые оставались бы и в будущей жизни. В противном случае жизнь наша бесполезна.

После этих слов Синсэй не стал сбривать волосы на голове августейшего и обрезать ему ногти, стыдясь того, что при жизни августейший облик своим подобен *тэнгу*.

Когда об этом услышали в столице, правящий император благоволил послать к нему судью излевой дворцовой охраны Хэй Ясуёри, велел ему поехать и посмотреть на облик Нового экс-императора.

Ясуёри переправился на остров и, когда сообщил, что прибыл туда как посланец императора, ему было сказано:

— Подойди сюда поближе!

Ясуёри отодвинул лёгкую ширму и увидел, что волосы и ногти у Нового экс-императора были длинными, что тот был в рясе цвета закопчённого персимона, с свалившимися глазами на жёлтом лице, исхудавший и ослабевший. Смирненным голосом он произнёс:

— Я не собираюсь упрекать правящего императора, подчиняюсь осудившему меня закону. Однако же, хотя сейчас я настойчиво говорю о том, что должен быть помилован, пока что нет мне никакого прощения, и желания мои невыполнимы. Поэтому я неожиданно принял намерение заняться самоусовершенствованием.

Так высказался Новый экс-император, и вид его, обросшего волосами, был весьма необычен. Ни слова не говоря, Ясуёри спешно оставил его.

Таким образом, поскольку Новый экс-император занялся переписыванием сутр, он велел положить их перед собою и произнёс обет-клятву:

— Я совершил тяжкий грех, и раскаяние моё велико. Незамедлительно, с помощью этой чудодейственной силы, стану совершать я громадные деяния, которыми хочу тот грех загладить и тем отведу от себя три дурных Пути³⁸, с помощью этой силы я стану Великим демоном Японии, монарха сделаю народом, а народ сделаю монархом! — и с этими словами он откусил себе кончик языка, а побежавшей из раны кровью на внутренней стороне Трипитаки записал эту свою клятву и тем самым закрепил её принятие.

Прошло девять лет. В двадцать шестой день 8-й луны 2-го года правления под девизом Тёкан³⁹ он изволил сокрыться окончательно⁴⁰ в возрасте 46 лет. Немного погодя его переправили в местность Сираминэ. Может быть, потому, что неприязнь была очень сильна, существовал страх того, что дым, поднимавшийся от костра кремации, потянется в сторону столицы⁴¹. Место погребения было вскоре устроено на той же вершине Сираминэ. Поскольку государь этот скончался в данной провинции, его стали называть Сануки-ин, экс-император из Сануки; когда же в годы правления под девизом Дзисё⁴² его мстительный дух был укрощён, и покойному присваивали посмертное имя, его называли экс-императором Сютоку-ин.

Что же касается Первого принца Сигэхито-синно, то после того как он постригся в монахи, его стали именовать Гэнсэй, *хōин* из павильона Кэдзōин⁴³. Когда слух о кончине Нового экс-императора достиг столицы, Вступивший на Путь монашествующий принц изволил спросить:

— С какого времени следует носить траурные одежды?

Ему ответили:

Те, кто остался в этом мире,
В знак памяти
Об этой Мацуяма
Глициниевые одеянья⁴⁴
Сегодня вечером наденут.

До времён минувших, до годов правления под девизами Нимпэй и Кюдзю⁴⁵ высочайшим повелением был провозглашён Первый принц, а это было делом очень важным. Ныне же, напротив, яшмовый венец и цветочный облик пришли в упадок, на окрашенные тушью рукава были положены глициниевы облачения, а августейшее сердце изболелось.

Осенью 3-го года правления под девизом Нинган⁴⁶ закононаставник Сайгё⁴⁷, занимаясь подвижничеством, странствовал по провинциям. Когда он обозревал отдалённые места, то пересёк земли провинции Сануки и посетил августейшую могилу на вершине Сираминэ, совершив там поклонение. Над нею была установлена четырёхскатная крыша, но она находилась в запустении, а до её починки дело не дошло. Черепица

здесь поломалась, могила была покрыта лишь побегами дикого винограда. Не говоря уже о том, что священнослужителей, поглощённых чтением вслух «Лотосовой сутры», не было, здесь не раздавались звуки раковин⁴⁸ и колоколов, а поздней ночью и ранним утром отсутствовали священнослужители, которые бы возглашали *нэмбуцу*⁴⁹, поэтому не слышалось и звучание множества камней⁵⁰. Прервался поток людей, которых влекут сюда их собственные желания, поэтому нет и тех, кто пробирается сюда по дорогам. Могила обнесена только живой колючей изгородью. Следы скрывает мелкая трава императа и полынь.

Сайгё достал маленькую тушечницу, соскоблил кору с сосны поблизости от могилы и написал:

«Когда-то государю, который, благодаря десяти видам добрых деяний, совершённых им в прежних жизнях, наделён саном, достойным всеобщего поклонения, во дворце из-за парчевой занавески светила луна, а теперь его душой овладела тоска по любимой родине, а яшмовое его тело смешалось с волнами южных морей. Если, вытерев росу, искать её остатки, то последуешь за слезами осенних трав, когда они заплачут. Встретившись с бурей, задавать вопросы государю, — это печалить себе сердце, сокрушаясь о коварстве. Не видя буддийские церемонии, я смотрю только на утренние облака и вечернюю луну. Не слыша голосов, читающих сутры, внимаю только шуму сосен и говору птиц. Стрехи здесь покосились, предраассветный ветер едва заметен; черепица разбита — как трудно укрыться от ночного дождя!

Печально видеть
Чертоги яшмовые
Государя
Перенесёнными в поля,
Покрытые обильною росой».⁵¹

Так он написал и, непрестанно думая об этом, вытирал слёзы и настолько погрузился в свои думы, что не замечал, как идёт время, но снова плакал и плакал и настойчиво твердил:

— Ах, как он благодарен! Потомок в 47-м колене Великой богини, Освещающей Небо⁵², Первый принц, сын непревзойдённого императора-инока⁵³ с благодарностью пребывает в священных потоках реки Мимосу-со⁵⁴. Он управлял миром, управлял государством 19 лет, когда небо, затянутое облаками, было чистым, а мириады людей спокойными. Коли так, кто должен был сосредоточить своё внимание на августейшем его престоле? Из-за того, что воздаяние за прошлые жизни было неблагоприятным, ныне государю пришлось стать пылью в сих отдалённых преде-

лах. С какой любовью вспоминал он столицу, как утвердился августейший его гнев! В золочёных покоях весьма пышного вида стало известно о его управлении миром и заботах о народе; сотни чиновников, объединив свои усилия, подчинили себе тьмы стран, поэтому государь, установив долголетние ворота Нестарения⁵⁵, изволил добиваться снадобий бессмертия с горы Хорай⁵⁶ и теперь подобен облачному сну процветания и радости.

— Внезапно случились стихийные бедствия, государь покинул цветоподобную столицу, окружённую девятью рядами стен, и отправился в иные пределы, за тысячи *ри*.

— Годы уходят и приходят, но тернии удалить некому. Печалюсь о воздаянии за прежние жизни, из-за которого приходится гнить под многими каплями с сосен и росами, покрывающими мхи.

На волнах
В бухте Мацуяма
Качается та лодка.
Как скоро она
Превратится во прах!⁵⁷

Сайгё и не спал, и не бодрствовал. Он произнёс в ответ:

Пусть государь
Когда-то возлежал
На ложе яшмовом,
Но после этого
Как всё переменялось!⁵⁸

Когда он произнёс это, могила государя трижды всколыхнулась. Это было страшно. «Правда, говорят, что мир достиг упадка⁵⁹, но благоуханнейший государь всё ещё изволит оставаться с нами», — радостно подумалось поэту. Действительно, по-видимому, почитаемый дух августейшего изволил внять этим стихам.

Так вот, упомянутый Рэнгё, преодолев восьмислойные морские пути, застал государя ещё в те дни, когда он был жив, Сайгё же, обозревая просёлочные дороги Сикоку, посетил эти места уже после того, как государя похоронили.

Пока государь пребывал на престоле, Сайгё пользовался благодеяниями августейшего и находился среди тех, кто был осенён его добродетелями⁶⁰. А ныне он в полном одиночестве переживал чувство горя. То, что прийти сюда смогли только Рэнгё и Сайгё, и в прежние времена должно было напоминать нам росу⁶¹.

Итак, на протяжении 77 царствований императоров-людей не счесть было количества общих сражений и личных схваток. Несмотря на это, до

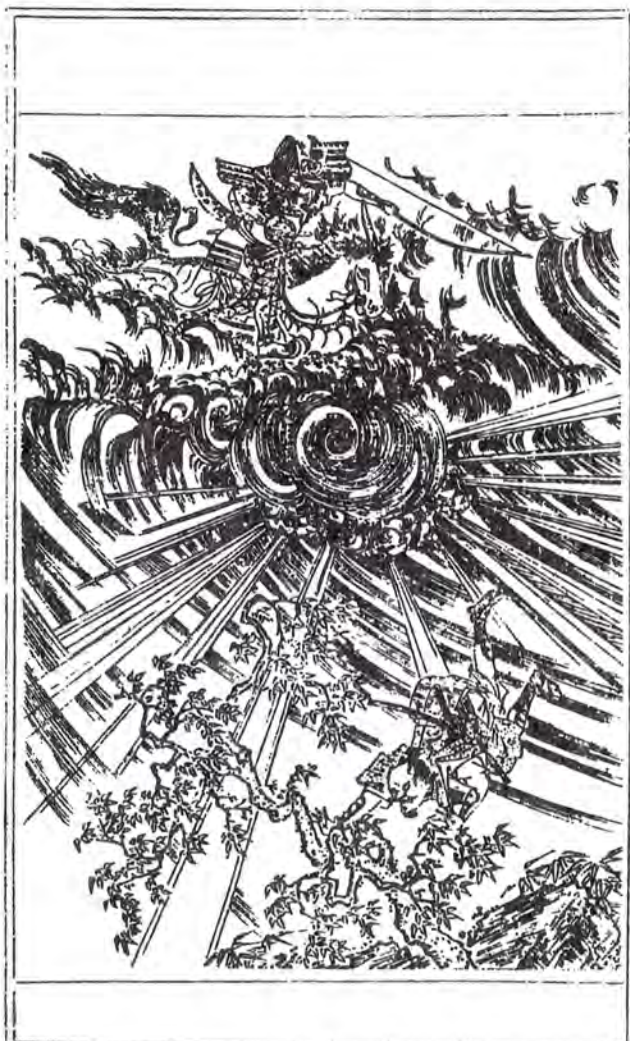
времен императора Кōнин⁶² столичные города назначались разумно⁶³, а могилы не устраивали в одном месте. В правление императора Камму⁶⁴ в нынешнем месте основали императорскую столицу. Это он присвоил ей название Хэйандзё, Крепость Мира и Спокойствия. Звёзды и иней сменяли здесь друг друга более 370 лет.

Прежде редко бывало так, чтобы отцы и дети, старшие и младшие братья бывали разлучены друг с другом, в обители государя и пещере отшельника устраивали бы воинские лагеря, государев дворец сделали бы местом сражения, а через дворцовые ворота текла бы кровь.

Тем не менее, сейчас находчивые полководцы отдали свои силы, многие воины погибли. Все мятежники рассеялись, а вассалы государя объединились. Хорошие воины, на редкость удивительные.

КОМЕНТАРИИ

СВИТОК I

ГЛАВА 1

¹ «Великая богиня Аматэрасу» — Аматэрасу Омиками, «Великая богиня, Освещающая Небо», синтоистская богиня Солнца, которая считается прародительницей императорского рода Японии. Глава пантеона богов. Традиция считает императора Тоба её потомком в 46-м поколении и 74-м императором Японии, начиная от мифических (престол иногда переходил не от родителей к старшему потомку, а от одного брата или сестры к другому брату или сестре, родным или двоюродным, некоторые императоры после перерыва занимали престол повторно).

² Дзимму-тэннō — Мифический 1-й император Японии, прямой потомок богини Аматэрасу. Традиция относит его воцарение к 660 г. до н.э.

³ Хорикава — согласно традиции, 73-й император Японии. Личное имя — Тарухито. На престоле был в 1086–1107 гг. Принц Мунэхито, будущий император Тоба, был его старшим сыном.

⁴ «Шестнадцатый день 1-й луны 5-го года правления под девизом Кōва» «Годы правления под девизом Кōва» (1099–1103) — каждый император, вступая на престол, выбирал для годов своего правления специальный девиз из двух (реже 4-х) иероглифов с благоприятным значением, который мог впоследствии поменять на другой, если случалось какое-то знаменательное событие. С 645 г. до 1872 г. в Японии был принят китайский лунный календарь, в котором продолжительность года короче, чем в солнечном, поэтому предусмотрено введение дополнительного (интеркалярного) месяца.

Одновременно существовало несколько видов летоисчисления: от года восшествия на престол Дзимму-тэннō («от основания империи»), по девизам правления императоров и по 60-летним циклам.

⁵ «Девятый день 7-й луны 2-го года правления под девизом Касё» — 31 июля 1107 г.

⁶ «Наследник престола» — имеется в виду принц Мунэхито, объявленный императором Тоба (1103–1156; на престоле находился в 1107–1123 гг.). Был провозглашен императором в возрасте 4-х лет (по японскому исчислению возраста, когда младенец, родившийся в истекшем году, независимо от реального дня его рождения, в день Нового года считался годовалым).

⁷ «Двадцать восьмой день 1-й луны 4-го года правления под девизом Хōан» — 25 февраля 1123 г.

⁸ Сутоку — 75-м императором Японии, получившим при восшествии на престол после отречения его отца имя Сутоку, считается принц Акахито,

коронованный в возрасте 5 лет. На престоле находился в 1123–1141 гг., годы жизни — 1119–1164.

⁹ Сануки — небольшой городок на востоке страны. В него экс-император Сутоку был сослан после подавления мятежа 1156 г. Там же он и умер в 1164 г.

¹⁰ «Седьмой день 7-й луны 4-го года правления под девизом Тэйдзи» — 24 июля 1129 г.

¹¹ «Экс-император Сиракава» (1053–1129; на престоле в 1073–1086 гг.) после своего отречения от престола сохранил за собой реальную власть и положил начало системе *инсэй*, правлению экс-императоров.

¹² «Основным» буддисты называют 18-й (из 48-ми) обет бодхисаттвы Амитабха (яп. Амида), содержащий его обещание не входить в нирвану до тех пор, пока последний из смертных, верящих в его спасительную силу, не возродится после смерти в его Чистой земле Сукхавати (яп. *дзёдо*), расположенной бесконечно далеко на западе.

¹³ «Восемнадцатый день 5-й луны 5-го года правления под девизом Хээн» — 8 июня 1138 г.

¹⁴ Бифукумон-ин — буддийское монашеское имя супруги императора Тоба Токуко (1117–1160), дочери советника Фудзивара-но Нагадзанэ.

¹⁵ «Седьмой день 12-й луны 1-го года правления под девизом Эйдзи» — 5 января 1142 г.

¹⁶ «2-й год правления под девизом Кюдзю» — 1155 г.

¹⁷ «Внутренние и внешние молитвословия» — чтение буддийских сутр и синтоистские заклинания.

¹⁸ «Выпускание на волю живых существ» — ритуал Ходзё, который проводился в пятнадцатый день 8-й луны в синтоистском святилище Ивасимидзу Хатиман-гу, расположенном на горе Отокояма (другие её названия — Яватаяма, Обанаяма, Хатиномиэ) к югу от Киото.

¹⁹ «Китайские стихи» — стихи на китайском языке (*си*, *канси*), написанные по нормам китайской поэтики; японскими или короткими песнями (*вака*, *танка*) называют пятистrophные стихотворения с метрикой 5-7-5-7-7 слогов, которые читались нараспев, на определённую мелодию (отсюда и название). Японская поэзия, в отличие от китайской, не знает рифмы.

²⁰ *Кэн* — мера длины, равная 1,8 м.

²¹ В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое число 8-й луны полная луна считалась особенно красивой, и по всей стране проводились церемонии любования полной луной. Особенно ценился вид луны, которая отражается в спокойной водной глади.

²² «Лунных лучей золотая волна...» — цитата из антологии китайских и японских стихотворений «Вакан рэй сё», кн. 1 (составил Фудзивара-но Кинто, 966–1041).

²³ *Ри* (кит. *ли*) — мера расстояния, 3,93 км.

²⁴ Цинь (221–207 гг. до н.э.) и Западная Хань (206 г. до н.э.–8 г. до н.э.) — названия древних китайских династий.

²⁵ Фраза с упоминанием столицы циньского Китая (г. Чанъань) и знаменитых дворцов эпохи Хань также заимствована из поэтической антологии «Вакан рэй сё».

²⁶ Сутки в Японии делились на 12 частей, которые носили названия зодиакальных созвездий в их дальневосточных обозначениях. Час Свиньи — время от 21 до 23 часов.

²⁷ «Отчётливым был голос феникса» — по представлениям древних китайцев, птица феникс подаёт свой голос тогда, когда престол занимает мудрый и справедливый государь.

²⁸ «Будда Шакьямуни» (Мудрец из рода Шакья) — легендарный основоположник буддийского вероучения. Согласно традиции, жил в VI в. до н. э. на севере Индии (территория современного Непала). Имена остальных будд, упомянутых в тексте, не идентифицируются.

²⁹ По преданию, на Солнце обитает ворона с трёх лапах; слово *сорока* добавлено, видимо, кем-то из сказителей от себя.

³⁰ «Веком упадка» или «Веком конца Закона» называют последнюю из трёх эпох в истории буддийского вероучения. Первые две (Век истинного Закона и Век подобия Закона) продолжались по 1000 лет каждая и завершились в середине XII в. (согласно японской традиции, буддизм появился в Индии в X в. до н. э.). Последняя эпоха, которая будет продолжаться 10000 лет, отличается падением нравов и всевозможными катаклизмами и бедствиями, природными и общественными.

³¹ Госиракава — сын императора Тоба, 77-й император Японии. Годы жизни 1127–1192. На престоле — в 1156–1158 гг.

ГЛАВА 2

¹ «Святилища Кумано» — общее название для трёх синтоистских святилищ в провинции Кии. Посвящены культу божественных предков императорского дома.

² У буддийских и синтоистских заклинателей пользовалась популярностью концепция *дзимбуцу дōтайсэцу*, интерпретирующая *ками* (синтоистские божества) как инкарнации будд.

³ *Гохэй* — узкие полоски из белой бумаги, подносимые верующими синтоистским божествам.

⁴ «Три мира» (сферы), в которых пребывают сознательные существа по буддийским представлениям, это «Мир желаний» (нижний из трёх; в него входят шесть «путей»: «пути» Преисподней, Демонов голода, Птиц и зверей, Демонов зла, Людей, Небожителей), «Мир форм», в котором желания-надежды успокоены, а самые грубые из них отсутствуют совсем, и «Мир без форм», в котором наступает избавление от индивидуального облика и растворение в нирване.

⁵ Стихотворение в жанре *танка* классика японской литературы (поэта, писателя и теоретика японской поэзии, составителя нескольких поэтических антологий) Ки-но Цураюки (?–945).

⁶ «Пять замутнённости» или «Пять скверн» (будд.) — разного рода массовые лишения (стихийные бедствия, эпидемии и т. д.), видимая скверна, мимолётность жизни, чувственные страсти, подверженность закону воздаяния.

⁷ «Принцессы молельни» — более 80 дочерних святилищ, расположенных на пути паломников от столицы до святилищ Кумано. Каждое из них было названо по имени одного из принцев крови, бывших его настоятелями.

ГЛАВА 3

¹ «1-й год правления под девизом Хогэн» — то есть 1156 г.

² «Шестидесятилетним» в старой Японии принято было называть человека, которому исполнилось 55 лет.

³ *Сяра* (санскр. *сала*) — тиковые деревья, в роще из которых будда Шакьямуни произносил свои последние проповеди ученикам перед тем, как погрузиться в нирвану.

⁴ Деревья в роще, где находился будда Шакьямуни, увяли в момент его смерти, и листья их тотчас же пожелтели.

⁵ В старой Японии в качестве названий, как и сейчас, использовались порядковые номера лун. Параллельно имели хождение и исконно японские их названия: для 1-й — «месяц Добрых отношений», для 2-й — «месяц Прибавления платья», для 3-й — «месяц Пробуждения природы», для 4-й — «месяц цветка У», для 5-й — «месяц Посевов», для 6-й — «Безводный месяц», для 7-й — «месяц Наук», для 8-й — «месяц Любования луной» (или «месяц Листьев»), для 9-й — «Долгий месяц» (или «месяц Хризантем»), для 10-й — «месяц Без богов» (или «месяц Без грома»), для 11-й — «месяц Белого инея», для 12-й — «Последний».

⁶ «Девятивратный» — метафорическое обозначение императорского дворца.

⁷ В южной части дворцового комплекса располагались покои самого императора, а в северной — женские покои.

⁸ «Оба экс-императора» — здесь: экс-императоры Коноэ и Тоба.

⁹ Джамбудвипа (санскр.; яп. Эмбудаи) — первоначально: обращённый к морю южный склон горы Сумеру, центра вселенной. В переносном смысле — буддийская Ойкумена, бранный мир.

¹⁰ *Кшатрии* и *шудры* — две из четырёх *варн* (сословий) древнеиндийского общества. *Кшатрии* — (воины) считались 2-й после жреческой, благородной *варной*; *шудры* (неполноправные) — 4-й, зависимой *варной*.

¹¹ «Гласу внимавшие» (яп. *сё мон*, санскр. *шравака*) — представители седьмой (из десяти) буддийской ступени совершенства. Те, кто достиг просветления, слушая наставления будды Шакьямуни из его уст.

¹² «Роса на руках» — метафора слёз. Смысл фразы в том, что смерть экс-императора Тоба (император — не более, чем смертный, подверженный действию закона причинности) является результатом действия его кармы. Буддисту стыдно не понимать этого и год спустя после смерти экс-императора.

ГЛАВА 4

¹ «Дворец Такамацу» — временная резиденция императора, расположенная в столице, к югу от улицы Сандзё.

² «Ёситомо, владетель провинции Симоцукэ» — Минамото-но Ёситомо (1123–1160), отец основателя первого сёгуната Минамото-но Ёритомо и полководца Ёсицунэ, героя многих литературных произведений. Во время «смуты годов Хогэн» был сторонником императора Госиракава. Позднее погиб от руки собственного вассала, который отослал его голову в столицу, врагам Ёситомо.

³ «Император Коноэ» (1139–55), 9-й сын императора Тоба от его любимой наложницы, возведён на трон в трёхлетнем возрасте, в 1142 г. после отречения от престола его старшего брата по отцу, Сутоку (Сутоку — далее: «Новый экс-император»).

⁴ Речь идёт о Фудзивара-но Тадамити (1097–1164), поэте и крупном государственном деятеле конца эпохи Хэйан. Занимал высшие административные посты в течение правлений 4-х императоров. Пост государственного канцлера занял в 1121 г. В 1130 г. выдал за императора Коноэ свою дочь Масако. Позднее ушёл от активной административной деятельности и принял постриг в буддийском храме Хоссёдзи, который он же и построил в 1148 г.

⁵ Фукуэ — прозвище Фудзивара-но Тададзанэ (1078–1162), дважды занимавшего пост канцлера, бывшего регентом, а впоследствии и тестем императора Тоба. В конце жизни принял постриг.

⁶ «Левый министр Ёринага из Удзи» — Фудзивара-но Ёринага (1120–1156), младший брат Тадамити (см. примеч. 4) и 2-й сын Тададзанэ (см. примеч. 5). Занимал ряд высоких постов при дворе. В 1150 г. выдал за императора Коноэ свою приёмную дочь Масуко, а когда так же поступил его брат, выдавший за Коноэ свою приёмную дочь, между братьями началась размолвка. После смерти Коноэ (1155 г.) престол попытался снова занять его предшественник, император Сутоку, которого поддерживал Тадамити. Ёринага, интересы которого при дворе были заметно ущемлены, поднял мятеж, в ходе которого погиб. Три его сына были отправлены в ссылку.

⁷ «Двадцать шестой день 9-й луны 6-го года правления под девизом Кёан» — 18 октября 1150 г.

⁸ Имеются в виду три символа власти главы клана (*удзи-но тёдзэ*) Фудзивара.

⁹ «десятый день 1-й луны 1-го года правления под девизом Нимпэй» — 30 января 1151 г.

¹⁰ Имеется в виду Фудзивара-но Ёсифуса (804–872), второй сын Накатоми-но Каматари, основателя рода Фудзивара. Был женат на дочери императора Сага (на престоле — в 810–823 гг.). Его дочь Акико стала матерью будущего императора Сага (на престоле в 859–871 гг.). Впервые в японской истории одновременно занимал должности государственного канцлера и регента при собственном августейшем внуке.

¹¹ «Китайские стихи и японские песни» — сочинение стихов на китайском (*си, канси*) и японском (*вака*) языках. См. также гл. I, примеч. 19.

¹² «Пятикнижие» — книги конфуцианского канона, составлявшие основу классического образования: «Книга перемен» («И цзин»), «Книга истории» («Шу цзин»), «Книга песен» («Ши цзин»), «Весны и осени» («Чуньцю») и «Книга установлений» («Ли цзи»).

¹³ «Сезонные собрания» — придворные обряды и церемонии, проводившиеся в дни смены сезонов.

¹⁴ «Первая особа» (*Ити-но ками*) — иносказательное обозначение Левого министра.

¹⁵ «Император Тэнти» (на престоле в 662–671) — согласно традиции, 38-й император Японии, 2-й сын императора Дзёмэй (593–641; на престоле — в 629–641 гг.) и его племянницы императрицы Когёку (на престоле — в 642–644). Провозглашён наследным принцем после вступления на престол его дяди, императора Котоку (на престоле — в 645–654 гг.), но после смерти дяди на престол возведён не был: престол опять заняла его мать, на этот раз под именем императрицы Саймэй (годы правления — 655–661). Тэнти взёшёл на престол только после неё.

¹⁶ Ниммё (810–850; на престоле — в 834–850 гг.) — 54-й император Японии, 3-й сын императора Сага (786–842; на престоле — в 810–823 гг.), который отрёкся в пользу своего брата Дзюнна (786–840; на престоле — в 824–833 гг.). После императора Дзюнна на престол был возведён не кто-либо из его сыновей, а его племянник Ниммё.

¹⁷ «Четыре моря» — здесь: метафорическое обозначение Японии.

¹⁸ Здесь имеется в виду любовь императора Тоба к Бифукомон-ин (см. гл. I, примеч. 14).

¹⁹ Саймэй — см. гл. 4, примеч. 15.

²⁰ Сётоку — дочь императора Сёму (724–848) Абэ-найсинно. В 749–758 гг. царствовала под именем Кокэн, а в 765–769 гг. — под именем Сётоку.

²¹ Имеется в виду экс-император Тоба.

²² Минамото и Тайра (в тексте — китайские варианты названий: Гэн и Хэй) — два крупнейших феодальных дома, соперничество между которыми в XII в. вылилось в кровавую междоусобицу и завершилось в 1185 г. победой Минамото.

²³ Симоцукэ-но ками Ёситомо — см. примеч. 2.

²⁴ Аки-но ками Киёмори — Тайра-но Киёмори (1118–1181). В 1146 г. стал губернатором провинции Аки. В войне годов Хогэн вместе с Минамото-но Ёситомо поддерживал императора Госиракава. Позднее стал фактическим диктатором Японии. Последним годам его жизни и его кончине посвящены несколько глав в крупнейшей эпопее «Повесть о доме Тайра».

²⁵ Минамото-но Тамэёси (1096–1156) и Тайра-но Тадамаса были сторонниками экс-императора Сутоку и противниками Госиракава. В войне годов Хогэн потерпели поражение.

²⁶ Карма — буддийский закон нравственной причинности, действующий во многих рождениях. Накопление благой кармы наполняет судьбу индивида или рода, дурная же карма истощает судьбу, лишает человека или род защиты, приводит к дурным последствиям в этой жизни или в следующих рождениях.

²⁷ «Дворец Танака в Тоба» — в наше время — дворцовый комплекс Тоба в киотоском районе Фусими.

²⁸ «Время Промежуточной Тьмы» — Семь седмиц, буддийские обряды, которые проводились в течение 49 дней после кончины человека.

ГЛАВА 5

¹ Синсэй (Синдзэй) — монашеское имя придворного Фудзивара-но Митинори (?–1159). «Вступивший на Путь» (*нюдō*) — верующий буддист, принявший монашеские обеты, но продолжающий выполнять прежние мирские обязанности.

² «Заставы» — далее перечисляются въезды в столицу в разных её районах, взятые под контроль по повелению императора, а также члены домов Тайра и Минамото, состоявшие в отрядах охраны императорского дворца и направленные для защиты этих застав.

³ «Хижина отшельника» — метафорическое обозначение дворца монашеского экс-императора.

⁴ Омия Корэмита — Омия (Фудзивара)-но Корэмита (1093–1165), потомок в 5-м колене фактического диктатора Японии Фудзивара-но Митинага, любимец императора Сутоку. В 1156 г. стал Левым министром, а позднее — Великим министром (*Дадзё-дайзун*).

⁵ Изёси — Фудзивара-но Изёси, троюродный племянник Корэмита (см. примеч. 4), глава Управления двора наследного принца. *Тайю* — придворный чиновник 5-го ранга.

⁶ Шестой день 7-й луны 1-го года эры правления под девизом Хогэн соответствует 24 июля 1156 г.

⁷ «Император Камму» (737–806; на престоле — в 781–806 гг.). В 784 г. перенёс столицу из г. Нара сначала в г. Нагаока, а затем (в 794 г.) — в специально для этого построенный г. Хэйанкё (Киото). Род Тайра восходит к сыну императора Камму, принцу Кацубара (786–853).

⁸ Хэй (Тайра-но) Масакадо (?–940) состоял на службе у канцлера Фудзивара-но Тадахира (880–949). В 939 г., обиженный отказом в назначении на должность главы Полицейского ведомства, уехал из столицы на восток страны, поднял там мятеж и провозгласил себя «Новым императором Хэй». Мятеж был подавлен, а сам Масакадо погиб в сражении с правительственными войсками.

⁹ Тадамори — Тайра-но Тадамори (1056–1153). Был губернатором поочерёдно нескольких провинций на протяжении царствования императоров Сиракава, Хорикава и Тоба. В 1129 г. разгромил пиратов, которые терроризировали прибрежные воды нескольких районов Японии.

¹⁰ «Владелец провинции Аки Киёмори» — см. гл. 4, примеч. 24.

¹¹ *Химатарэ* — куртка с короткими просторными рукавами, которые стягивались шнурками. Надевалась с шароварами *хакама*. Первоначально — простонародное платье, впоследствии обычная одежда воинов, которую носили вместе с доспехами.

¹² Сэйва (850–880; годы правления — 859–876) по традиции считается 56-м императором Японии. Его 6-й сын (принц Саданори) положил начало одной из ветвей рода Минамото (Сэйва-Гэндзи).

¹³ Минамото-но Райко (Ёримичу, ум. в 1021 г.) — потомок принца Саданори в 4-м колене, знаменитый стрелок из лука.

¹⁴ «Ведомство центральных дел» (Накацукасарё) — одно из восьми центральных ведомств, выполняло обязанности личного секретариата императора. Возглавлялось принцем 3–4 ранга.

¹⁵ «Дом Гэндзи» — другое название рода Минамото.

¹⁶ «Владелец Ямато» — имеется в виду Минамото-но Ёритика.

¹⁷ «Внутренним» называли уезд Уно современной префектуры Нара.

¹⁸ Намёк на то, что одним из предков оппонента Мотомори был Тайра-но Масакадо, организатор антиправительственного мятежа в отдалённой провинции (см. примеч. 8).

ГЛАВА 6

¹ Ито и Сайто — вассалы рода Тайра из провинций Ига и Исэ, в которых этот род долгие годы имел наследственные владения.

² «Покончить с собой» — буквально: «вспороть [себе] живот».

ГЛАВА 7

¹ Восьмой день 7-й луны 1-го года эры правления под девизом Хогэн соответствует 25 июля 1156 г.

² Цунофури и Хаябуса — синтоистские святилища на территории дворцового комплекса Сандзё.

³ Миндэра (Ондзё дзи) — буддийский храм в Хэйанкё (Киото).

⁴ Сагами-но адзари — адзари из Сагами. Адзари (санскр. ачарья) — здесь: священнослужитель, владеющий таинствами буддийских эзотерических школ тэндай или сингон.

⁵ В некоторых списках: «Согнул ноги в коленях и не двигался».

⁶ Куродо — придворный чиновник, ведавший секретными бумагами.

⁷ Санъи (санни) — чиновник, обладавший только придворным рангом, без должности.

⁸ Столица делилась на два основных административных района: Левый (Восточный) и Правый (Западный). В каждом из этих районов был свой штат чиновников.

⁹ Санэёси — имеется в виду Фудзивара-но Санэёси, основатель ветви Токудайзи, дядя по матери императора Сутоку. Внутренним министром стал в 1150 г.

¹⁰ Под именем синтоистского бога войны Хатимана обожествлён легендарный император Одзин (по официальной версии жил в 201–312 гг.).

¹¹ Существовало представление о цикличности развития государства в пределах правления каждых ста монархов: от 1-го до 100-го по убывающей, затем следовал новый подъём и новое постепенное уменьшение харизмы монарха и ухудшение положения дел в его державе с каждым правлением.

¹² Хиконагисатакэ Угаяфукиаэдзу-но микото — сын Хикохоходэми-но микото, третьего сына Ниниги-но микото, внука богини Солнца Аматэрасу, посланного ею с Равнины Высокого Неба в страну Восьми Больших островов (Японию) для владения ею.

¹³ «Драгоценное счастье императорских принцев» — метафорическое обозначение императорского престола.

¹⁴ Судзюн (Хацусэбэ) — 32-й император Японии (587–592), 12-й сын 29-го императора Японии Киммэй (540–71), вступил на престол после 2-го (Бидацу) и 4-го (Ёмэй) его сыновей.

¹⁵ Сын Неба — титул японских императоров. Император Хэйдзэй (Хэйдзё): годы жизни — 774–824; годы правления — 806–809.

¹⁶ Сага — 52-й император Японии, младший брат императора Хэйдзэй. Годы жизни 786–842; на престоле находился в 810–823 гг.

¹⁷ Отрёкшись в 809 г. в пользу своего брата Сага, Хэйдзэй скоро раскаялся в этом и составил заговор с целью вернуть себе престол. Потерпев неудачу, он постригся в монахи и в монашестве прожил ещё 14 лет. Гора Дайго расположена в киотском районе Фусими.

¹⁸ «Принц Корэтака» — старший сын 55-го императора Японии Монтоку (827–58; на престоле — в 851–858 гг.). В 871 г. постригся в буддийские монахи, в начале следующего года умер.

¹⁹ Сэйва — 56-й император Японии, см. гл. 5, примеч. 12.

²⁰ Оно — селение в провинции Ямасиро; ныне — часть района Сагёку г. Киото. Гора Хэйдзан возвышается к северу от древней столицы; на ней расположен огромный монастырский комплекс Энрякудзи (буддийская школа тэндай).

²¹ «Видя, что передняя телега опрокинулась, задняя извлечёт урок» — парадоксальный афоризм из древнекитайской «Истории династии Хань» («Ханьшу»).

²² «Высокохотимым» здесь назван Новый экс-император, инициатор заговора.

²³ Сайин — незамужняя принцесса крови, ставшая главной жрицей синтоистского святилища Верхний Камо в столице.

ГЛАВА 8

¹ Тамэёси — Рокудзё (Минамото-но) Тамэёси, глава Полицейского ведомства. Во время войны годов Хогэн обеспечивал охрану Сиракава — дворца экс-императора Сутоку. Годы жизни — 1096–1156.

² «Монахи из Нара» — в древней японской столице Нара находились самые старые буддийские центры страны. В данном случае имеются в виду вооружённые отряды из монастыря секты хоссо Кофукудзи.

³ «Горные ворота» — распространённое название монастыря Энрякудзи.

⁴ «Отроки» — здесь: подростки, только что прошедшие обряд инициации и впервые надевшие взрослое платье.

⁵ «Судья Тамэтомо» — 8-й сын Минамото-но Тамэёси, по прозвищу Тиндзэй Хатири (буквально: Восьмой сын с острова Тиндзэй). Знаменитый стрелок из лука. В войне годов Хогэн выступал на стороне экс-императора Сутоку. Годы жизни — 1138–1170.

⁶ Тиндзэй — одно из старинных названий о. Кюсю.

⁷ Ёриёси — Минамото-но Ёриёси, воин середины эпохи Хэйан, основатель Восточной ветви рода. Годы жизни — 988–1075.

⁸ «Эта провинция» — в тексте употреблён китаизированный вариант названия этой провинции: Ё.

⁹ Ёсинэ — старший сын Минамото-но Ёриёси, воин. Один из популярных героев средневековых сказаний. Годы жизни — 1041–1108.

¹⁰ Здесь перечислены названия «Восьми наследственных доспехов рода Минамото»: «Тонкий металл» — кольчуга из тонких металлических пластин; «Круглые колени» — многослойный панцирь из кусочков кожи, для изготовления которого,

как гласит предание, потребовалась кожа с покрытых мозолями колен тысячи буйволов; «Число лун» — двенадцать защитных пластин, из которых шит каждый рукав, а также грудь и спина воинских доспехов; «Число дней» — 364 звезды, изображённых на доспехах; «Замена щита» — подол, сплетённый из чёрных металлических нитей; «Шнуры» — имитирующие водоросли родовые шнуры Минамото; «Семь и Восемь драконов» — нагрудный и набедренный панцири.

¹¹ «Дикарями» столичные жители пренебрежительно называли самураев, выходцев из Восточных провинций страны (Адзума).

¹² Садатō — Абэ-но Садатō, старший сын придворного Абэ-но Ёритоки (?–1057), мятежный воин. Прозвище — Куриягава Дзирō. Годы жизни — 1019–1162.

¹³ Мунэтō — младший брат и единомышленник Абэ-но Садатō. Участвовал во многих сражениях, в конце жизни принял монашеский постриг. Годы жизни не установлены.

¹⁴ Такэхира — Киёвара-но Такэхира (?–1087), поддержавший своего племянника Киёвара-но Иэхира (?–1087), поднявшего бунт в районе Канадзава. Был взят в плен войсками Минамото-но Ёриёси и убит.

¹⁵ «Стражи Северной стены» (*хокумэн-но буси*) дворца экс-императора делились на два отряда: «верхний» и «нижний».

ГЛАВА 9

¹ В селении (ныне город к востоку от Киото) Удзи располагалась резиденция Фудзивара-но Ёринага, отчего он и получил прозвище Левого министра из Удзи.

² Спракава — дворец на берегу одноименной речки в столице.

³ Моринори — чиновник 5-го ранга Фудзивара-но Моринори, служивший в должности домашнего чиновника у министра Ёринага.

⁴ Дайго — местность в кiotоском районе Фусими, через которую вела околная дорога со стороны Удзи. В качестве парадной дороги использовалась Судзакү, Дорога Красной птицы.

⁵ *Харигоси* — крытые носилки в форме домика, со всех сторон занавешенные соломенными циновками.

⁶ Кан — японизированное китайское чтение первого из двух иероглифов, которыми пишется фамилия Сугавара. *Кюрю* (*кюрё*) — чиновник для особых поручений при императорском дворе. Норинобу (Наринобу) — сын главы Ведомства образования Сугавара-но Токинобу.

⁷ Рокухара — название местности на юго-востоке Киото.

⁸ Поднебесная — имеется в виду: Китай.

⁹ Пересказ сюжета из древнекитайских «Записок историка» Сыма Цяня об основателе династии Ранняя Хань императоре Гаоцзү (на престоле — в 206–195 гг. до н. э.).

ГЛАВА 10

¹ Киннори — Фудзивара-но Киннори; *удайсё* — командир Правой ближней охраны императорского дворца.

² Тō Мицүёри — советник Высшего государственного совета Фудзивара-но Мицүёри. *Дзайсё* (или *санги*) — советник.

³ Первые трое из названных здесь воинов принадлежат к роду Минамото, остальные двое — к роду Тайра. Минамото-но Ёсиясу был предком Асикага Такаудзи (1305–1358), основателя Второго сёгуната.

⁴ Тадамори — Тайра-но Тадамори (1096–1153), отец (по некоторым источникам отчим) Киёмори. Поочерёдно управлял провинциями Харима, Исэ, Бидзэн и Тадзима; в 1129 г. усмирал пиратов на важнейших морских магистралах. Возглавлял Полицейское ведомство.

⁵ «Управляющие из провинций» — предполагается, что здесь имеются в виду губернаторы.

ГЛАВА 11

¹ «Соблюдающая чистоту» (*сайи*) — незамужняя принцесса, главная жрица синтоистского святилища Верхний Камо.

² Тракт Он тянется к югу и к северу от Хэйанкё (Киото) и начинается от ворот с одноименным названием (Оиномикадо). В данном случае говорится о южной части этого тракта.

³ *Сяку* — мера длины. В XIII в. были действительны меры длины, принятые в 713 г., когда *сяку* установили равной современным 29,6 см. Таким образом, рост героя (7 *сяку*) был, якобы, равен 207,2 см.

⁴ *Сун* — мера длины, равная 0,1 *сяку*.

⁵ Считалось, что слишком молодой бамбук слаб, а старый ломок. Лучшим для изготовления стрел считался бамбук, срезанный в 8-ю луну, когда побегам было около 3-х лет и 3-х месяцев (молодые побеги бамбука показываются из-под земли в 5-ю луну).

⁶ «Лучина» — наконечник стрелы в виде продолговатой двояковогнутой металлической пластины с расширением на конце, заострённом под тупым углом. «Птичий язык» (или «живой лист») — небольшой наконечник стрелы с плавным закруглением на конце.

⁷ *Бун* (*бу*) — около 0,3 см.

⁸ «Звучащие наконечники боевых стрел» — наконечники сигнальных стрел с углублениями (от 3-х до 8-ми) на них, проделанными для того, чтобы стрела в полёте издавала звук.

⁹ «Гусиные окорка» — наконечники в форме трезубца, в котором боковые зубья («руки») были длиннее среднего («алебардного зуба»).

¹⁰ «Китайский узор» — разновидность вышивки шёлком.

¹¹ «Клеевая гарда» — гарда, изготовленная из бычьей кожи, сложенной в несколько слоёв. Эти слои вымачивали в клеевом растворе, простукивали молоточками и высушивали.

¹² «Медвежья кожа» (либо тигровая или оленья) предохраняла клинок от осадков, жары и других внешних воздействий.

¹³ *Эбоси* — высокий головной убор знатного мужчины.

¹⁴ Тōхати Бисямон — страшноликий демон, одетый в доспехи и держащий по мечу в каждой руке. Охраняет от врагов буддийского учения северную сторону мира.

¹⁵ Масакадо — Тайра-но Масакадо, см. гл. 5, примеч. 8; Сумитомо — Фудзивара-но Сумитомо (?–941), сообщник Масакадо.

¹⁶ Тамура и Тосихито — Саканоэ-но Тамура Маро (?–811), командир Правой гвардии охраны императорского дворца, и Фудзивара-но Тосихито (?–915), знаменитый военачальник. Оба считались божествами в облике человека.

¹⁷ Ч у — государство в древнем Китае. Здесь, по-видимому, содержится намёк на его владельца Сян Цзи (Сян Юй, 232–202 до н. э.), который воспевался как силач, чья «сила вытаскивает горы, а дыхание покрывает мир».

¹⁸ Чжао Ю — знаменитый чуский стрелок из лука, у которого на расстоянии ста шагов в лист ивы попадали сто стрел из ста.

¹⁹ «Чжао Лян планы свои развивал в ставке» — намёк на описание из «Истории династии Хань».

²⁰ «Цзисинь воспрял духом в экипаже» — история с Цзисинем рассказана в гл. 9.

²¹ «Лик дракона» — внешность императора.

²² Великая богиня, Освещающая Небо — в тексте: Тэнсё-дайджин, другое прочтение имени Аматаэрасу Омиками.

²³ Сёхатимангу — синтонистский комплекс, посвящённый культу бога Хатимана.

²⁴ «Дома Гэн и Хэй» — то есть дома Минамото и Тайра.

²⁵ «Южная столица» — г. Нара, столица Японии в 710–784 гг.

²⁶ Синдзицу и Гэндзицу — отец и сын, потомки Минамото-но Райко, см. гл. 5, примеч. 13.

²⁷ Фукэ — Фудзивара-но Тададзан; см. гл. 4, примеч. 5.

²⁸ «Час Зайца» наступает в 6 часов утра, «час Дракона» — в 8 часов.

²⁹ Ёситомо — Минамото-но Ёситомо, см. гл. 4, примеч. 2.

³⁰ «Девять провинций» — провинции, на которые делится о. Кюсю: Тикудзэн, Тикуго, Будзэн, Бунго, Хидзэн, Хиго, Хюга, Осуми и Сацума.

³¹ «Монах на горе» — монах из буддийского монастырского комплекса Энрякудзи, расположенного на горе Хиэйдзан.

ГЛАВА 12

¹ «Правый министр Киннори» — Фудзивара (Коноэ)-но Киннори, см. гл. X, примеч. 1. Здесь он назван *Удайджин* вместо *Удайсё*.

² «Советник Тō Мицүёри» — Фудзивара-но Мицүёри, см. гл. 10, примеч. 2.

³ «Правый старший управляющий Акитоки» — высокопоставленный чиновник Правого управления делами Высшего государственного совета. В подчинении управления находились Военное министерство, Министерство юстиции, Министерство финансов и Министерство двора. Акитоки — внук советника Фудзивара-но Тамэфуса. В некоторых списках памятника ошибочно назван Левым старшим управляющим.

⁴ Во времена правления императора Момму (697–707) для сакральной защиты дворца изготовили фигуру воина в металлическом панцире, с металлическими

луком и стрелами. Фигуру закопали в Восточных горах, и это место называли «могилой полководца». Существовало поверье, что из могилы раздаётся грохот всякий раз, когда в стране начинаются раздоры.

⁵ Речь здесь идёт о времени царствования императора Госиракава, которого официальная историография считала не 74-м, а 77-м императором Японии. 74-м считается царствование его отца, императора Тоба.

⁶ Река Мимосусо протекает в окрестностях комплекса синтонистских святилищ в Исэ. Здесь — иносказательное обозначение императорской генеалогической линии, которая находится под покровительством богини Аматаэрасу.

⁷ В действительности имеется в виду 77-е царствование — см. примеч. 5.

⁸ Судзэн — по преданию, 10-й император Японии, царствовавший в 97–30 гг. до н. э. Умер в возрасте 119 лет. В 92 г. до н. э. построил святилище, посвящённое культу богини Аматаэрасу, и поместил в него три символа императорской власти.

⁹ «Принц» — имеется в виду Сётоку-тайси (574–622), 2-й сын императора Ёмэй (правил в 585–587 гг.), регент при императрице Суйко, которая приходилась ему тётёй.

¹⁰ Суйко (554–628; годы правления — 593–628) — императрица, чьё правление считается 33-м, считая от Дзимму-тэнно. Ко времени её царствования относится начало официальных контактов с Китаем и 1-й этап массового усвоения японцами континентальной культуры.

¹¹ Мория — Мононобэ-но Мория (?–587), главный министр при императорах Бидацу (правил в 572–585) и Ёмэй, противник введения в Японии буддизма. Погиб в войне с родом Сога, к которому принц Сётоку принадлежал по материнской линии. «Неверными» взгляды Мория названы из-за их антибуддийской направленности.

¹² Ситэннодзи — «Храм Четырёх небесных королей», построенный в 623 г. в окрестностях г. Нанива (ныне — район Тэннодзи г. Осака) принцем Сётоку в знак победы над антибуддийской коалицией.

¹³ «Сутра о Шримале» (яп. «Сёмангё») посвящена прославлению древней индийской царицы Шрималы, преданной буддийскому вероучению; её толкование в японских храмах должно было вызвать у слушателей аналогию Шрималы и японской императрицы Суйко. «Сутра о Цветке Закона» (Мёхо Рэнгэкё, «Сутра Лотоса Благого Закона») — одна из наиболее распространённых и авторитетных буддийских сутр.

¹⁴ Традиция считала, что к концу жизни принца Сётоку в Японии было 46 буддийских храмов, но современные археологические находки позволяют говорить о 50 с лишним храмах. Учреждение по одному мужскому монастырю в каждой из 66 провинций относится к VIII в.

¹⁵ Дэнгё-дайси — посмертное имя Сайтё (767–822) — основателя буддийской школы *тэндай* и монастыря Энрякудзи.

¹⁶ «Северный пик» — гора Хиэйдзан. В данном случае метафорическое обозначение монастыря Энрякудзи. Гёсю — китаизированное название провинции Оми.

¹⁷ «Школа всеобщей гармонии» — здесь: *тэндай*-буддизм.

¹⁸ Согласно учению *тэндай*, всё живое может достичь степени совершенства будды.

¹⁹ Считалось, что в «семи святилищах», расположенных на склонах горы Хиэйдзан, явлены будды в образе синтоистских богов.

²⁰ «Кобō-основатель» (Кобō-кōсо) — Кобō-дайси или Күкай (774–835), основатель эзотерической школы японского буддизма сингон («истинное слово») и монастырского комплекса Конгобудзи на горе Коя в провинции Кии, к юго-западу от Киото. Считается изобретателем слогового письма *хирагана*, автором стихотворения-алфавита «Ироха-ута» и мастером каллиграфии.

²¹ Ки (Кисю) — китаизированное название провинции Кии.

²² «Вода Закона» — буддийское вероучение; «три таинства йоги» — таинство плоти (магические движения пальцами), «таинство речи» (возглашение мантр, «истинных слов») и «таинство взгляда» (смотрение на изображение вселенского будды Дайнити); «Четыре моря» — Япония. Смысл выражения — *сингон*-буддийское учение стало распространяться в Японии.

²³ «Временные створки дверей у пресветлых богов с Четырёх мест» — выражение считается неясным; по-видимому, обозначает предложенное Күкаем и его последователями толкование всех синтоистских божеств как временных проявлений будд и бодхисаттв.

²⁴ «Южная столица» — г. Нара, столица Японии в 710–784 гг.

²⁵ «Северная столица» — г. Киото, столица Японии в 794–1868 гг.

²⁶ Кинай — общее название пяти провинций, расположенных поблизости от столицы.

²⁷ «Семь дорог» — 7 крупнейших трактов Японии: Тōкайдō, Тōсандō, Хокурүкүдо, Санъиндō, Санъёдō, Нанкайдō и Сайкайдō.

²⁸ «Умеряющие своё сияние» — бодхисаттвы, которые для спасения живых существ умеряли своё сияние и, принимая разные облики, смешивались с простыми смертными.

²⁹ «Три сокровища» (будд.) — Будда, его учение и монашеская община.

³⁰ Божества, по синтоистским повериям, охраняющие стороны света: восток или левую сторону — Сёрю (Зелёный Дракон), запад или правую сторону — Бякко (Белый Тигр), лицевую или южную сторону — Сюдзюку (Красная Птица) и тыльную или северную — Кэмму (Чёрный Вонтель).

³¹ Нагаока — город в южной части префектуры Киото, столица Японии в 784–794 гг., пока строилась по специальному плану новая столица, г. Хэйан (современный Киото). Камму — 50-й император Японии (на престоле находился в 782–805 гг.).

³² Сага — 2-й сын императора Камму. См. гл. 7, примеч. 16.

³³ Хэйдзэй — см. гл. 7, примеч. 15.

³⁴ «Звёзды и иней сменяли друг друга больше 300 раз» — то есть прошло больше 300 лет.

³⁵ Дзёхэй (930–938) и Тэнкё (938–947) — девизы правления сына Дайго, 61-го императора Японии Судзакү (923–952; годы правления 930–946). Масакадо — Тайра-но Масакадо, см. гл. 5, примеч. 6; Сумитомо — Фудзивара-но Сумитомо, см. гл. 11, примеч. 15.

³⁶ Садатō и Мунэтō — см.: гл. 8, примеч. 12 и 13.

³⁷ «Восемь провинций» — имеются в виду провинции восточной Японии.

³⁸ «Вели сражения восемь лет» — в действительности мятеж Тайра-но Масакадо продолжался около 6 лет, с 935 по 940 г.

³⁹ Владели ими двенадцать лет — видимо, сюда добавлены те 9 лет, в течение которых будущие мятежники исполняли в некоторых из этих уездов официальные обязанности.

⁴⁰ Синтоистский бог войны Хатиман в представлении многих буддистов являлся манифестацией бодхисаттвы. Здесь имеется в виду синтоистский комплекс Исикиё-мидзу Хатиман-гу в окрестностях горы Отокояма неподалёку от Киото.

⁴¹ «Замок феникса» — дворец императора; «боги Камо» — синтоистские боги, культу которых посвящены два святилища Камо (Верхний и Нижний) в Киото.

⁴² Имеются в виду синтоистские святилища в окрестностях г. Оцу, у подножья горы Хиэйдзан.

⁴³ Синтоистский комплекс Китано Тэмман-гу в Киото, посвящённый культу бога Тэмман-тэндзин (имя, под которым идентифицирован талантливый поэт и государственный деятель Сугавара-но Митидзанэ, 845–903).

⁴⁴ В тексте перечислены названия синтоистских святилищ в разных районах Киото, в Осака, Нара и их окрестностях.

⁴⁵ «Более всего светлеют вязы» — светлой корой вязов покрывают хижины горных отшельников при синтоистских святилищах.

ГЛАВА 13

¹ Синсэй — см. гл. 5, примеч. 1.

² Дзёэ — буддийские монашеские одеяния белого цвета, как правило, ритуальные.

³ «Императрица Сётоку» — см. гл. 4, примеч. 18.

⁴ Югэ-но Дōкё — буддийский священнослужитель, фаворит императрицы Сётоку, которая пожаловала ему высшие государственные посты и возвела на высокие должности его сторонников. После смерти своей покровительницы был сослан в провинцию Симоцукэ, где умер в 772 г.

⁵ *Хитатарэ* — см. гл. 5, примеч. 11.

⁶ *Эбоси* — высокий головной убор знатного вельможи.

⁷ «Низший чиновник» — здесь: чиновник ниже 5-го ранга, не имеющий позволения входить во внутренние помещения императорского дворца.

⁸ Хōрай (кит. Пынлай) — согласно старинной китайской легенде, остров бессмертных, расположенный далеко в Восточном море. «Облако с Хорай» — здесь: императорский дворец.

⁹ «Носящий лук и стрелы» — представитель воинского сословия.

¹⁰ «Шестой принц» — 6-й сын императора Сэйва, основатель рода Сэйва Гэндзи, к которому принадлежал Минамото-но Ёситомо.

¹¹ *Кандзя* — человек, не имеющий придворного чина.

¹² «Исход сражения» — буквально: «победа и поражение».

¹³ «Есть книга...» — намёк на многотомное сочинение китайского историографа Сыма Цяня (145?–87? гг. до н. э.) «Исторические записки» («Записки историка»).

¹⁴ «Наследственные доспехи Минамото» — см.: гл. 8, прим. 10.

¹⁵ Хатиман Таро Ёснэ — Минамото-но Ёснэ (1039–1106), знаменитый хэйанский воин. См. гл. 8, примеч. 9.

¹⁶ «Бог-посланец Великого бодхисаттвы Хатимана» — святилище Ивасимидзу Хатиман-гү. См. гл. 12, примеч. 40.

¹⁷ «Восемь видов полевой ставки» — старинные воинские каноны предусматривали сооружение полевых ставок восьми видов: Рыбья чешуя, Журавлиное крыло, Длинная змея, Ущербная луна, Наконечник стрелы, Квадрат и круг, Ярмо и Вплотную к колодцу.

¹⁸ «Восемь великих королей-драконов» — «боги-драконы» (будд.): Нанда, Упананда, Сякацуран, Васюко, Токусакэ, Адабадатта, Манака и Юхатиран.

¹⁹ «...колыхнул стягом с белым бычьим хвостом...» — боевой стяг на бамбуковом шесте, к которому прикреплялся бычий хвост.

²⁰ *Дайгүдзи* — глава жрецов, проводящих службы в синтоистских святилищах Исэ дайдингү.

²¹ *Таю* — см. гл. 5, примеч. 5.

²² «Час Зайца» — время от 6 до 8 часов утра.

²³ *Хикинаоси* — просторное одеяние хэйанского сановника с длинными широкими рукавами.

²⁴ «Низкий паланкин» — паланкин, у которого шесты для носильщиков («оглобли») находились на уровне бедер сановника.

²⁵ «Божественный драгоценный меч» — наряду с драгоценным камнем и зеркалом — один из символов императорской власти в Японии. Согласно преданию, передаётся из поколения к поколению от богини Солнца Аматаэрасу Омиками её прямым потомкам, занимающим престол.

²⁶ *Курандо* — придворные чиновники из непосредственного окружения императора, наблюдавшие за соблюдением церемоний.

²⁷ *Охотонэри* — чиновники 6–8 рангов, несшие охрану дворца, составлявшие эскорт императора и высших сановников, а также выполнявшие мелкие поручения при дворе.

СВИТОК II

ГЛАВА I

¹ Асигара и Хаконэ — уезд в провинции Канагава и гора на юго-востоке области Канто, состоявшей из восьми провинций. Считались «воротами в Восточные провинции».

² Река Миносусо протекает в окрестностях комплекса синтоистских святилищ Исэ-дайдингү. В переносном смысле — императорский род, сонм богов-покровителей императорского рода.

³ «Тикахиса из Воинского ведомства» (Мусядокоро) — имеется в виду воин из числа *хокумэн-но буси*, отряда охраны дворца.

⁴ «Без памяти затряслись от страха» — буквально: «от страха затрясли языками».

⁵ Садатō — Абэ-но Садатō, см. свиток I, гл. 8, примеч. 12.

⁶ Сабурō Такэнори — военачальник эпохи Хэйан Киёвара-но Такэнори. Умер после 1064 г.

⁷ «Куртка *хитатарэ*» — см. свиток I, гл. 5, примеч. 11.

⁸ «Шнуры типа «стрелолост» — узорчатые шнуры для доспехов. Узор на них расширяется кверху и сужается книзу.

⁹ *Хоро* — накидка, закрывавшая сзади фигуру всадника (с головой) и круп его коня, для защиты от стрел противника.

¹⁰ «Император Камму» — см. свиток I, гл. 5, примеч. 7.

¹¹ Тайра-но Садамори по прозвищу Дзёхэйда (X в.) был победителем мятежного феодала Масакадо. В конце жизни — владетель провинции Муцу. Известен под именем Военачальник Тайра.

¹² Тадамори — см. свиток I, гл. 5, примеч. 9.

¹³ Сигэмори — Тайра-но Сигэмори (1138–1179), старший сын диктатора Киёмори, участник подавления мятежей годов Хогэн (1156) и Хэйдзи (1159).

¹⁴ «Владетель провинции» — имеется в виду владетель провинции Аки Тайра-но Киёмори.

¹⁵ *Норигаэ* — воины, которые заботились о сменных конях для военачальника.

¹⁶ «Лук, рассчитанный на троих» — лук, который во время стрельбы двое держали, в то время как третий натягивал тетиву.

¹⁷ Ширина ладони — единица измерения длины стрелы.

¹⁸ Судзуга — гора на границе уездов Минэ и Сига, рядом с дорогой, ведущей из Киото в провинцию Исэ.

¹⁹ Ондзōси — младший сын в семье. Здесь — вежливое обозначение Тамэтоки.

²⁰ «Стрела, что в колчане» — *накадзаси*, 2-я стрела, которую выпускают после той, что вложена в боевой лук.

²¹ «Род Хэй» — Тайра

²² «Род Гэн» — Минамото.

ГЛАВА 2

¹ «Восемь преступлений» — по тогдашнему законодательству это заговор, государственная измена, мятеж, предательство, тирания, грубость, непочтение к родителям и безнравственность.

² Имеется в виду река Камогава, протекающая через столицу. В столице понятие «ехать с севера на юг» обозначалось глаголом *куда*, «спускаться».

³ «Восемь больших гор» — комментаторы затрудняются объяснить это словосочетание. Возможно, число 8 нужно понимать просто как синоним слова «множество».

⁴ «Три квартала» (*мё*) — около 330 м.

⁵ «Судья» — Рокудзё-хоган Тамэси, см. свиток I, гл. 8, примеч. 1.

⁶ Кōгоку — две большие дороги (Восточная и Западная), пересекавшие столицу с юга на север. Здесь — Восточная Кōгоку.

⁷ «Час Тигра» — 4 часа утра.

⁸ *Тан* — мера длины, около 11 м. 5 *тан* — расстояние в 54,6 м.

⁹ *Иэсуэ* — настоящее имя Судō Курō.

¹⁰ «Звёзды на шлеме» — украшения на гребне шлема самурая, по виду напоминающие крупные шляпки гвоздей.

¹¹ *Сун* — мера длины, 3,03 см.

¹² «Восемь драконов» — см. свиток I, гл. 13, примеч. 14.

¹³ Левая половина шлема считалась более уязвимой, потому что не была прикрыта щитом.

¹⁴ Хатиман Тарō — прозвище Минамото Ёсинэ (1041–1108), воина, одного из популярных героев японского средневековья. Прозвище получил в семилетнем возрасте, после того как прошёл обряд инициации в синтоистском святилище Ивасимидзу Хатиман-гу. «Трёхлетними сражениями» современники называли победоносную войну Минамото Ёсинэ против мятежника Киёвара-но Изхира (?–1087).

¹⁵ «Девять Провинций» (Кукоку) — одно из обозначений о. Кюсю.

¹⁶ Жители Восточных провинций пользовались репутацией бесстрашных воинов.

¹⁷ Онномикадо — аристократический род, происходивший от Фудзивара-но Ёсинэ (1041–1108). Его родовое имение находилось в столице, на берегу реки Кацурагава. Ямасина — селение в уезде Удзи провинции Ямасиро, к северу от Кохата. Ныне — местность в одноимённом районе Киото, у подножья горы Хигасияма.

¹⁸ «Избежав пасти тигра» — выражение заимствовано из «Исторических записок» Сыма Цяня.

¹⁹ «...отказали бы от пайка...» — речь идёт о содержании, которое сюзерен выплачивал самураю за его службу.

²⁰ «Звезда Разрушения Войска» — Хагундзё, название 7-й звезды в созвездии Большой Медведицы.

²¹ Хунмэнь — место в Китае, где основатель ханьской династии Лю Бан встретился с Сян Вэном, ваном княжества Е. Сян Вэн хотел убить там Лю Бана, но тому удалось благополучно миновать опасность при содействии отважного воина Фань Цзэна.

²² Место в тексте, которое японские комментаторы считают неясным. Цилинь (Кйисим) — другое название средневекового корейского государства Силла.

²³ «Глава Войскового арсенала» — Минамото-но Ёримаса (1104–1180), поэт и военачальник, участник военных событий 1156 и 1160 гг. В 1180 г. покончил с собой.

²⁴ Тадамаса — Тайра-но Тадамаса, см. свиток I, гл. 4, примеч. 23; Ёриканэ — возможно, ошибочное написание имени *санги* (см.: свиток I, гл. 7, примеч. 7) Минамото-но Ёринори.

²⁵ «Западная стена» — речь идёт о западной стене Северного павильона дворца Сиракава.

²⁶ Касуга — здесь: название малой дороги к северу от парадного тракта Омикадо-ōдзи.

²⁷ Изэиро — Тайра-но Изэиро, помощник командиралевой гвардии охраны дворцовых ворот.

Мицухиро — Тайра-но Мицухиро, сын Изэиро.

²⁸ «Пять тяжких грехов» (будд.) — отцеубийство, убийство матери, пускание крови из тела Будды, убийство архата и нарушение гармонии среди священнослужителей.

²⁹ Арджаташатру — сын короля владения Магадхи по имени Бимбасара. Убив своего отца и заключив под стражу мать, он захватил отцовский престол, но затем познакомился с учением Шакьямуни, стал его верным последователем и одним из охранителей этого учения.

³⁰ «Час Тигра» — 4 часа утра.

³¹ «Рыбья чешуя» — одна из форм построения воинского стана.

³² Хосёдзи (храм Победы Закона) — буддийский храм в центре столичного района Окадзаки, построенный по указанию экс-императора Сиракава.

³³ Фудзивара Изнари — в тексте приведено «китайское» чтение его фамилии: Тō-тёнагон. Фудзивара Изнари получил звание Среднего советника (*тёнагон*) в 1149 г., в 1154 г. заболел и принял монашеский постриг, а через три недели умер. Таким образом, описываемые здесь события происходили уже после его смерти.

³⁴ *Ашуры* — будд.: могучие демоны гнева, составляющие один из шести разрядов существ «мира чувств» (*дэвы*, люди, *ашуры*, звери и птицы, демоны голода *премы*, обитатели преисподней); символы воинственности и враги *дэвов*. Бывают как злыми, так и добрыми.

³⁵ «Великая Крепость Бесконечности» — то же, что Аби (санскр. Авичи), Преподняя Бесконечности (будд.), последняя из восьми жарких преисподних, жертвы которых испытывают самые большие мучения, рождаются и вновь умирают без конца.

ГЛАВА 3

¹ «Потерять восток и запад» — то есть потерпеть сокрушительное поражение.

² Наридзуми — возможно, лицо вымышленное, поскольку в разных списках сочинения значатся разные имена.

³ «Судья» — здесь: Рокудзё Тамэси (см. свиток I, гл. 8, примеч. 1).

⁴ «Оборонительными» называли особые стрелы *фусэгия*, применявшиеся для поражения атакующего противника.

⁵ *Сикибу-но тайфу* — помощник секретаря, государственный чиновник 5-го ранга.

⁶ Мацугасаки — местность в столичном районе Сагёку.

⁷ Сага — местность на берегу реки напротив горы Арасияма в столичном районе Угёку.

⁸ Гора Нёсан находится в столичном районе Сагёку. Одна из 36 вершин в группе Восточных гор. Другие её названия — Нёгаминэ и Даймондзисан.

⁹ Миидэра (Ондзёдзи) — один из главных храмов буддийской секты *тэндай* на северо-западе провинции Осю. Располагал крупными отрядами вооружённых монахов.

¹⁰ Приведённые далее слова в разных редакциях памятника приписаны разным персонажам: Иэхиро, Тамэеси или «всем».

¹¹ «Промежуточное бытие» (*тёу*) — в буддизме: состояние существа в то время, когда ещё не определена та форма, в которой оно будет рождено к новой жизни.

ГЛАВА 4

¹ «Императорский дворец» — речь идёт о Северном павильоне дворца Сиракава.

² «Восточные горы» (Хигасияма) — общее название гор в окрестностях столицы, к востоку от реки Камогава, от горы Нёганинэ до Инари.

³ Хосёдзи (Хоссёдзи) — главный буддийский храм в монастырском комплексе Энрякудзи, построен в 788 г.

⁴ Синсэй — см. свиток I, гл. 5, примеч. 1.

⁵ «Храм» — *гаран* (от санскр. *Самгхарам*), буддийский храм крупных размеров.

⁶ Сандзё и Карасумару (современная Карасума) — улицы в Киото.

⁷ «Час Лошади» — время от 12 часов пополудни.

⁸ Мандзю — Тада Мандзю (912–997), прозвище Минамото-но Мицунака, занимавшего должность главы Левых императорских конюшен. Он был правнуком 56-го императора Японии Сэйва (859–876) и сыном Цунэтомо (874–916), основателя рода Сэйва-Гэндзи.

⁹ Левые императорские управления по положению считались выше Правых.

¹⁰ «Пресветлые боги» — боги синтоистского пантеона. «Три драгоценности» — Будда, его Закон и община священнослужителей (будд.). «Пресветлые боги и три драгоценности» в переносном смысле — синто и буддизм.

¹¹ «Горный король Хиёси» (Хиёси санно) — синтоистское божество, покровительствующее буддийскому храмовому комплексу Энрякудзи, расположенному на горе Хиёдзан.

¹² «Настоятель» — имеется в виду настоятель комплекса Энрякудзи, глава буддийской секты *тэндай* принц Нигё (сын императора Хорикава).

¹³ «Священные палаты» — здесь: синтоистское святилище на территории Энрякудзи. Считается сакральным защитником и покровителем буддийского комплекса.

¹⁴ «Изо всех сил» — буквально: «ломаю сердце и печень».

¹⁵ Тамэтомо — в некоторых списках — ошибка переписчика: Тамэеси.

¹⁶ Сёхэй (Дзёхэй) — девиз правления императора Судзаку, 931–938 гг.

¹⁷ «Лик дракона» — лицо императора.

¹⁸ *Сёдзё* — высший чин в буддийской монастырской иерархии. Имел три степени, высшая из которых соответствовала светскому чину старшего советника (*дайнагон*).

¹⁹ «Пресветлый король Фудо» — Фудо-мё, санскр. Ачаланатха, один из пяти «пресветлых королей» сингон-буддийского пантеона. Изображался в языках пламени, держащим в правой руке меч для битвы с демонами зла, а в левой — верёвку для того, чтобы связать их. Перед его изображением исполнялись обряды, способствующие установлению мира и спокойствия в семье, обществе и мире.

²⁰ «Законы Горных Ворот» — управление буддийскими храмами, положения буддийского учения. Существовало убеждение, что покровительство буддийской церкви помогало властям управлять государством.

ГЛАВА 5

¹ «Пребывающий в созерцании Его высочество Фукэ» — канцлер Фудзивара но Тададзанэ (см. свиток I, гл. 4, примеч. 5).

² «Павильон Созерцания» — Дзэндзёин, один из павильонов монастыря Кёфукудзи в Нара. *Содзу* — 2-й после *содзё* чин в буддийской монастырской иерархии. Имеет 4 степени.

³ «Северо-Восточный павильон» — Тёбокуин, ещё один павильон монастыря Кёфукудзи. *Рисси* — наставник в монашеской дисциплине, 3-й по важности чин в буддийской иерархии. Имеет 3 степени, высшая из которых соответствует 5-му придворному рангу.

⁴ «Столичные провинции» или «Пять Столичных провинций» (Кинай, Гёкинай) — пять примыкающих к столице Хэйанкё провинций: Ямасиро, Ямато, Кавати, Сэтцу и Идзуми.

⁵ «Глава рода» — *Удзи-но тёдзэ*, в древней и раннесредневековой Японии административный и сакральный глава рода, после образования государства вошедший в ближайшее окружение монарха.

⁶ «Танец двоих» (*ни-но маи*) — танец, в котором один из участников повторяет движения другого.

⁷ *Хёин* (Печать Закона) — высший буддийский сан. Его обладатель занимал должность *содзё*.

ГЛАВА 6

¹ «Семь дорог» — 7 наиболее важных дорог, связывавших провинции средневековой Японии: Тёкайдё, Тосандё, Хокурикудо, Сангёдо, Сангиндо, Нанкайдё и Сайкайдё.

² «Девятистенный» — поэтическое обозначение императорского дворца.

³ «Столица» — Ракуё, как по образцу китайской столицы Лоянь (сё название по-японски читается как Ракуё) иногда называли Хэйанкё (Киото).

⁴ Тисокуин — буддийский храм неподалёку от горы Фунаема в Хэйанкё.

⁵ «Упали волосы государя» — экс-император принял монашеский постриг, велел сбрить себе волосы.

⁶ *Мотодори* — пучок волос на затылке мужчины, уложенный особым образом. Срезать *мотодори* — постричься в монахи.

⁷ Ниннадзи — сингон-буддийский монастырь в столичном районе Угёку, где, начиная с 904 г., в монашеском постриге проживало несколько экс-императоров,

включая экс-императора Тоба, в постриге взявшего имя Күкаку. «Пятый принц» — брат Нового экс-императора, 5-й сын Тоба. Его монашеское имя — Какусэй.

⁸ Камбэн — монашеское имя высшего священнослужителя из рода Минамото. Годы жизни не установлены.

⁹ Садō Сигэнари принадлежал к роду Сэйва-Гэндзи.

ГЛАВА 7

¹ Сага — местность в Хэйанкё, в районе Угёку.

² «Книги внутренние» — буддийские сутры и комментарии на них (*шастры*), книги внешние — китайские философские трактаты.

³ «Главный Будда храма» — святой буддийского пантеона (будда или бодхисаттва), культу которого данный храм посвящён.

⁴ «Гасси в Западной Индии» — государство Гандхара, существовавшее на территории современных Пакистана и Афганистана до середины V в.

⁵ «Сутра о воздаянии за милости» — «Хонкёкё», санскритский эквивалент не установлен.

⁶ «Девять декад одного лета» — 90 дней между 16-м днём 4-й луны и 15-м днём 7-й луны.

⁷ Трăяси́римша (яп. Тōритэн) — второе из шести небес Мира желаний (*ёккай*, санскр. *kāmadhātu*). Находится над вершинами горы Сумэру, которая возвышается в центре Вселенной. Владыка его — Индра (индуистский бог; в буддизме идентифицируется с Шакрой).

⁸ Удайна — древнеиндийский махараджа, который, по преданию, первым установил в храме статую Будды.

⁹ Вишвакарман (яп. Бисюкацума) — один из охранителей Закона Будды, подчинённый Шакре. Считается мастером по изготовлению мелких поделок.

¹⁰ Чандана — невысокое дерево с красной ароматной древесиной. Произрастает в Индии.

¹¹ «Двое, рождённые во плоти» — боги Брахма и Индра, явленные миру в человеческом облике.

¹² Татхагата (яп. Нёрай) — «Так пришедший», то есть, тот, кто постиг истину и приходит в мир, чтобы разъяснить её. Высший эпитет Будды.

¹³ «Бодхисаттва Держащий Землю» (Дзидзи босацу) — другое имя будды грядущего мира Мироку (санскр. Майтрейя).

¹⁴ Пушьямитра — основатель древнеиндийской династии Сунга (185–172 гг. до н. э.), первоначально — главнокомандующий последнего императора династии Маурьев. Занял престол после того, как убил своего сюзерена. Был сторонником брахманизма и гонителем буддийского вероисповедания.

¹⁵ Кумараджива (344–413) — индийский буддист, знаменитый переводчик буддийских текстов с санскрита на китайский язык.

¹⁶ «...взял с собой своего Будду и бежал...» — в 401 г. Кумараджива уехал из Индии в Китай, где основал собственную школу буддизма.

¹⁷ Гуйцзи — современная китайская провинция Синьцзян.

¹⁸ Чжэньдань — старинное название Китая, происходившее от древнеиндийского Чинастхана.

¹⁹ «Годы правления под девизом Тэнгэн» — 978–983 гг.

²⁰ Энъю — 64-й император Японии. 959–991 (на престоле находился в 969–984 гг.).

²¹ «Дхарма» — здесь: буддийское вероучение.

²² «Страна Тан» — Китай. Эйкан-сёнин, настоятель нарсского буддийского храма Тодайдзи, побывал там в 984–986 гг.

²³ «Восточная земля» — здесь: Япония.

²⁴ «Император Итидзё» — 66-й император Японии. Годы его правления — 987–1011.

²⁵ Эйэн — девиз правления императора Итидзё, 987–988; дата указана в хрониках храма Тодайдзи.

²⁶ «Южная столица и Северный пик» — Нара и монастырский комплекс Энрякудзи на горе Хизайдзан, расположенной к северу от Хэйанкё.

²⁷ Умэдзу — название местности в столичном районе Угёку, на берегу реки Капурагава.

²⁸ Кидзу — небольшой городок на берегу речки Кидзугава, в префектуре Киото.

²⁹ Фукэ — прозвище Фудзивара-но Тададзанэ (1078–1162), регента и канцлера, главы клана Фудзивара.

³⁰ Гэнкэн — Мацумуро-но Гэнкэн, буддийский священнослужитель в сане *шраманеры*.

³¹ «Специальный курс» — так называемые Три собрания в Южной столице по толкованию сутр: в храме Кёфукудзи — по Сутре о Вималакирти (яп. «Юймагё») и «Лотосовой сутре» (яп. «Хоккёкё»), в храме Якусидзи — по Сутре Золотого блеска (яп. «Конкёкё»).

³² «Час Лошади в 14-й день 7-й луны эры правления под девизом Хёгэн» — 12 часов дня 1 августа 1156 г.

³³ «Госаммай на равнине Праджни» — одно из пяти мест кремации в районе Кинки. Время от времени их местоположение менялось. Здесь имеется в виду место кремации и погребения возле селенья Камимура в префектуре Ямато.

³⁴ «Самым последним из придворных» называли вассала, который совершил погребение останков своего господина.

³⁵ «Павильон созерцания» (Дзэндзёин) — один из павильонов монастыря Кёфукудзи.

³⁶ Минамото или Тайра — в тексте китаизированный вариант: Гэмпэй.

³⁷ «Ханьский Гао-цзу» — посмертное имя императора Лю Бана, основавшего в Китае династию Хань (202 г. до н. э.).

³⁸ Сяку — мера длины, равная в XIII в. 29,6 см.

³⁹ Хуайнань — владение в Китае, к югу от реки Хуайхэ. Цин-бу — заслуженный вассал, получивший титул хуайнаньского вана. Погиб от руки Гао-цзу.

⁴⁰ «Министр Маро» (Цубура, V в.), замешанный в деле малолетнего принца Маёва, зарубившего сонного императора Анкё (400?–456?), был убит императором Японии Юряку.

⁴¹ «Министр Эми» — Фудзивара-но Накамаро (710–764), который был убит сторонниками монаха Дōкё, фаворита императрицы Сётоку (на престоле — в 764–770 гг.), претендовавшего на занятие высших постов в государстве.

⁴² В старопечатном издании памятника помимо двух указанных здесь министров названы имена Матори, Мория, Тоёра. Ирука, Нагано и Канэмура.

⁴³ «Дальняя ссылка» — в древнеяпонском уложении законов «Тайхорё» в качестве мест дальней ссылки названы 8 провинций.

⁴⁴ Кикай — легендарный Остров Демонов; народная фантазия часто относила это название к о. Ито в группе Осима, расположенной в Восточно-Китайском море к юго-западу от о. Кюсю, в современной префектуре Кагосима.

⁴⁵ Корё — государство, существовавшее на Корейском полуострове в 918–1390 гг.

⁴⁶ Акору — название не идентифицируется. «Сангарские эдзо» — айновское население по обеим сторонам Сангарского (Цугару) пролива.

⁴⁷ Су У (140–160 гг. до н. э.) — один из знаменитых верноподданных древнего Китая. Посланный императором У-ди с официальной миссией к гуннам в 99-м г. до н. э. он был ими пленён и удерживался в неволе 19 лет, но после замирения Китая с его северными соседями был освобождён и возвратился на родину.

⁴⁸ Лю Юань — согласно старинной китайской легенде, Лю Юань, живший в I в., пошёл в горы Тяньтай, но заблудился и не смог найти обратной дороги. Через 10 с лишним лет бесплодных блужданий он встретился с двумя даосскими отшельниками и прожил у них полгода, а когда всё-таки вернулся домой, то обнаружил, что за время его отсутствия миновало больше 200 лет, и он увидел своих потомков в седьмом колене.

⁴⁹ Касуга — фамильное синтоистское святилище дома Фудзивара.

ГЛАВА 8

¹ Мидзуноо — император Сэйва (859–876), прозванный так по месту его захоронения на горе Мидзуноо в местности Сага провинции Ямасиро (ныне — в черте г. Киото).

² «Десятый день 3-й луны 8-го года правления под девизом Дзёган» — 31 марта 866 г.

³ Томо-но Ёсио — крупный придворный чиновник, внук известного поэта Отомо-но Якамоти (718?–785).

ГЛАВА 9

¹ Сигэхито — старший сын экс-императора Сутоку, его кандидат на занятие престола в случае успешного завершения мятежа.

² «Ворота Сюдзакумон» (Судзакумон, Ворота Красной Птицы) — основные ворота в южной стене дворцового комплекса.

³ По закону монахи не должны были постригать государственного преступника, а Сигэмори был объявлен таковым.

⁴ Тадамори — Тайра-но Тадамори (1096–1153), губернатор провинций Харима, Исэ и Бидзэн поочерёдно, глава Сыского ведомства. Занимал высокие придворные должности во времена правления трёх императоров, сторонник экс-императора Сутоку.

⁵ Киёмори — Тайра-но Киёмори (1118–1181), будущий диктатор Японии, во время смуты годов Хогэн поддерживал императора Сиракава и был противником экс-императора Сутоку.

ГЛАВА 10

¹ Камбэн — см. свиток II, гл. 6, примеч. 8.

² «Я оставил...» — эти стихи помещены в 17-м свитке антологии «Сэндзай вакасю» (1187 г.).

ГЛАВА 11

¹ Сакамото — название местности у восточного подножья горы Хиэйдзан.

² Сига и Карасаки — названия бухт на озере Бива.

³ «Три пагоды» — Восточная, Западная и Ёкава, буддийские пагоды на горе Хиэйдзан.

⁴ Оцу — небольшой город на юго-восточном берегу оз. Бива.

⁵ Застава Фува находится в провинции Оми; учреждена в VIII в.

⁶ «Ступить на Путь Оставившего свой дом» — то есть стать буддийским монахом.

⁷ «Нарские монахи» — здесь: отряды монахов-воинов из монастырей г. Нара.

⁸ Муцу — старинное название провинции на севере о. Хонсю, то же, что Митиноку, Митинокуни.

⁹ Ёриёси — Минамото-но Ёриёси (989–1075), прославленный воин, занимал должность губернатора в нескольких провинциях; потомок императора Сэйва в 6-м колене.

¹⁰ «Тетрадь для регистрации умерших монахов» включала записи монашеского и мирского имени новопреставленного члена монастырской братии, день, месяц и год его смерти.

¹¹ Адзуса — японская вишнёвая берёза (катальпа овальная). Дикорастущее лиственное дерево до 20 м. высотой, обладает очень твёрдой древесиной. Произрастает в южной части Японских островов. Использовалась для изготовления луков.

¹² «Изменился цвет его рукавов» — то есть Тамэтомо надел чёрные облачения буддийского монаха.

¹³ Шрамана (санскр., яп. *сямон*) — буддийский монах.

¹⁴ Ёсиакира, Сигэёси и Арисигэ — все трое принадлежали к ветви Камму Хэйси рода Тайра.

¹⁵ Асигара и Хаконэ — горы на юго-западе провинции Канагава.

¹⁶ Нэндзю (Нэсу, Нэдзу) — застава на границе провинций Этиго (современная префектура Ниигата) и Дэва (современная префектура Ямагата).

¹⁷ Хокурикудо — тракт, проходивший через 7 северных провинций: Вакаса, Этидзэн, Кага, Ното, Эттю, Этиго и Садо.

¹⁸ «Годы правления под девизом Дзёхэй» — 931–938 гг.

¹⁹ Масакадо — Тайра-но Масакадо, см. свиток I, гл. 5, примеч. 8.

²⁰ «Платя разного цвета» носили чиновники разных уровней: каждому рангу соответствовали определённые расцветки платья.

²¹ Западный Сакамото — местность у западного склона горы Хиэйдзан, возле въезда в монастырский комплекс Энрякудзи. В этой местности находилось несколько буддийских храмов и синтоистских святилищ.

²² Отакэ — главная вершина горы Хиэйдзан.

²³ «Расставание четырёх птиц» — то есть разлука родителей с детьми. Образ заимствован у Чжуан-цзы.

²⁴ «Переживания больших рыб» — здесь: мучения рыбы, попавшей на крючок и извлекаемой из воды на сушу.

²⁵ *Рикися* — буддийские монахи, которые выполняли в монастыре тяжёлую физическую работу.

ГЛАВА 12

¹ «Люди с узким путём» — то есть люди, не имеющие выбора.

² Сага (786–842) — согласно традиции, 52-й император Японии. На престоле находился в 809–823 гг.

³ «Глава Правого отряда дворцовой охраны Наканари» — Фудзивара-но Наканари (774–810), влиятельный придворный чиновник. Несколько раз занимал должности губернатора разных провинций, возглавлял различные придворные ведомства.

⁴ Хэйдзэй (774–824) — согласно традиции, 51-й император Японии (на престоле — в 806–809 гг.). Старший брат императора Сага. В 809 г., сославшись на слабое здоровье, отрёкся от престола в пользу своего младшего брата. Однако фаворитка отрёкшегося императора Кусуко, сестра Наканари, из опасения, что та ветвь рода Фудзивара, к которой она принадлежала, потеряет при дворе влияние, вместе со своим братом подговорила экс-императора Хэйдзэй вернуть себе престол. Попытка дворцового переворота оказалась неудачной. После этого Кусуко отравилась, Наканари погиб, а Хэйдзэй принял монашеский постриг.

⁵ Тётоку — девиз годов правления императора Итидзё, 995–998 гг.

⁶ Кадзан — в возрасте 17 лет стал 65-м императором Японии (на престоле — в 895–896 гг.). После отречения от престола принял монашеский постриг и удалился в монастырь Кадзан-ин. В монашестве был известен экстравагантным поведением.

⁷ *Хакама* — часть официальной одежды, просторные шаровары, внешне напоминающие длинную юбку.

⁸ *Асида* — традиционная обувь на деревянных платформах и высоких подставках.

⁹ Исю — Фудзивара-но Корэтика (974–1010). Внутренним министром стал в 995 г. Дважды пытался занять пост канцлера, но оба раза неудачно. Известен также как Гидо-санси и Внутренний министр Соцу.

¹⁰ Дайдё — девиз правления императора Хэйдзэй, 806–810 гг.

¹¹ «Промежуточная Тьма» — Семь седьмин, буддийский 49-дневный траур после смерти человека.

¹² Морихиро, по некоторым источникам, принадлежал к роду Минимото (ветви Мураками Гэндзи) и не был сыном Изэиро, который принадлежал к роду Тайра (ветви Камму Хэйдзи).

¹³ Ёситомо — Минамото-но Ёситомо (1123–1160), отец будущего основателя 3-го сёгуната Минamoto-но Ёритомо (1147–1199); во время событий 1156 г. — союзник Тайра-но Кiemори, сторонник экс-императора Госиракава, тогда как его отец Тамэёси (1096–1156), как и дядя Кiemори по имени Тадамаса, выступил на стороне экс-императора Сутоку.

ГЛАВА 13

¹ «Пять грехов» (будд.) — убийство отца, убийство матери, пускание крови из тела будды, убийство архата и нарушение гармонии среди священнослужителей.

² «Государь повелел отрубить голову отцу» — другими словами, заглавие в тупик своего подданного: если тот поступит согласно государевой воле, он нарушит свой сыновний долг, а если ослушается государя, — нарушит долг подданного.

³ Сутра «Кангё» — одна из 3-х главных сутр японского амидаизма. Полное её название — «Кан мурё дзюкё» (санскр. «Amitayurdhyana-sūtra»).

⁴ «Кондаронгё» — «Сутра-рассуждение об Амитабха» (в тексте описки, должно быть: «Бида ронгё»).

⁵ «Восточные горы» — горы, окаймляющие Хэйанкё с востока.

⁶ *Нэмбуцу* (*Наму Амида буцу*) — возгласение имени будды Амитабха (Амида) с целью возродиться в его Чистой земле, западном мире Сукхавати.

⁷ Ситидзё — Седьмая линия, одна из улиц, пересекавших японскую столицу с востока на запад.

⁸ «Красная Птица» (Сюсяка, Судзюку) — прямая дорога, пересекающая центр столицы с севера на юг.

⁹ «Господин из провинции Иё» — Минамото-но Ёриёси (995–1082), служивший сначала владетелем провинций Сагами и Муцу, в течение девяти лет (1055–1063) усмирив мятеж Абэ-но Ёритокиса в провинции Муцу, после чего получил назначение на должность губернатора провинции Иё. Вскоре после этого назначения он принял монашеский постриг и стал именоваться «Вступившим на Путь из провинции Иё».

¹⁰ «Господин Хатиман» (Хатиман-доно) — Минамото-но Ёсинэ (1041–1108), старший сын Ёриёси. В семилетнем возрасте прошёл церемонию инициации в крупном синтоистском комплексе Ивасимидзу Хатимангу, в провинции Ямасиро, после чего получил прозвище Хатиман Таро. Он в короткий срок овладел

многими воинскими искусствами и стал сопровождать своего отца в войне против Абэ-но Ёритоки. В 1064 г. был назначен владетелем провинции Дэва.

¹¹ «Напрасная смерть» — буквально «собачья смерть», *инудзи*.

¹² «Так считал Будда» — такого высказывания будды Шакьямуни в канонических буддийских текстах не зафиксировано.

¹³ Брахма и Индра — здесь: боги-охранители Закона Будды.

¹⁴ Рокудзё и Хоригава — название улиц в Хэйанкё.

¹⁵ Ацута — комплекс синтоистских святилищ в г. Нагоя.

¹⁶ Кумано — синтоистское святилище в префектуре Симанэ.

¹⁷ Сумиёси — синтоистское святилище в Осака (городской район Сумиёси).

¹⁸ «Император Сэйва» — см. свиток I, гл. 5, примеч. 12.

¹⁹ «Шесть принцев» — сыновья императора Сэйва: Садаката, Садаясу, Садамото, Сададзumi, Садакадзу и Саданао, которым была присвоена фамилия Миnamото (ветвь Сэйва-Гэндзи).

²⁰ Ёриёси — см. свиток I, гл. 8, примеч. 7.

²¹ Ёсиэ — Миnamото-но Ёсиэ, см. свиток I, гл. 8, примеч. 9. В действительности он был не отцом, а дедом Тамёси.

²² «Покроют грязью свои физиономии» — то есть покроют себя позором.

²³ «Род Тайра из Исэ» (Исэ Хэйси, Исэ Хэйдзи) — ветвь рода Тайра, одна из Камму Хэйси, которая происходит от принца Кацухара, сына императора Камму (737–809; на престоле находился в 781–806 гг.). Киёмори принадлежал к этой ветви рода Тайра.

²⁴ «Стал дымом» — то есть был кремирован.

²⁵ «Выполнил свой сыновний долг» — здесь: совершил похоронные обряды.

ГЛАВА 14

¹ Охара — местность в Хэйанкё, в столичном районе Сагёку.

² Курама, Кибунэ, селенье Сэриу — местности в Хэйанкё. В наши дни входят в район Сагёку, в Киото.

³ Гора Фунаока — небольшой холм в Северном районе Хэйанкё.

⁴ Каммонрё — в Дворцовом ведомстве — управление, ответственное за чистку и уборку императорского дворца.

⁵ «Бумага для туалетных надобностей» (*татауками*) — специальный сорт тонкой бумаги, употреблявшийся вместо носового платка и платка для промокания лица и рук и т. п.

⁶ «Зерновые амбары» — амбары для хранения риса, свезённые в столицу из всех провинций. Были расположены к югу от улицы Нидзё и к западу от тракта Судзяку.

СВИТОК III

ГЛАВА 1

¹ Явата — другое название горы Отокояма в окрестностях столицы. Место расположения буддийского храма, посвящённого культу бодхисаттвы Хатимана.

² Сюсяка — тракт Судзяку.

³ «Повернувшись лицом к западу» — далеко на западе расположена Чистая земля (нечто вроде буддийского рая) будды Амитабха (яп. Амида).

⁴ *Наму Амида буцу* — возгласение имени будды Амитабха, помогающее возродиться после смерти в его Чистой земле.

⁵ *Найки* — чиновник Внутреннего ведомства (Накацукасаё), в обязанности которого входило составление черновиков императорских рескриптов и ведение делопроизводства двора. Должность *найки* делилась на 3 разряда (великий, средний и малый), каждый из которых занимали по два человека.

⁶ Возгласение своего имени — основная часть ритуала, исполняемого воинами перед единоборством во время общего сражения.

⁷ *Калавинка* (санскр., яп. *карёбинка*) — сладкоголосая птица, живущая в Чистой земле, буддийском краю вечного блаженства.

⁸ «Горы Сидэ-но яма и река Тройной переправы» (будд.). — Преграды в потустороннем мире. Праведники преодолевают их без труда, а тяжкие грешники преодолеть не могут и оказываются в преисподней.

ГЛАВА 2

¹ «Госпожа из Северных покоев» — главная жена хэйанского аристократа. Её покой располагались в северной части его усадьбы.

² *Тонэри* — технические работники на придворной службе.

³ «Храм Хатимана» — имеется в виду Явата, куда совершила в этот день поклонение мать казнённых детей. Хатиман считался покровителем рода Миnamото (Гэндзи).

⁴ Молитвы, вознесённые непосредственно после церемонии очищения, считались самыми действенными.

⁵ Магуй — местность в Китае, где во время мятежа была убита Лянь-гуйфэй, возлюбленная танского императора Сюань-цзуна.

⁶ Торибэяма — гора в окрестностях Киото, у подножья которой в старину совершали кремацию усопших.

⁷ Дундай — одна из пяти горных вершин в Китае, в провинции Шандун. Вечерний дым в окрестностях Дундай также поднимается после кремации тел. Символ непостоянства сущего.

⁸ Бо — гора к северу от Лояни, столицы Китая. Место захоронения придворной знати. «Роса» — один из буддийских символов непостоянства.

⁹ Сага и Удзумаса — названия местностей на западной окраине японской столицы.

¹⁰ «Изменить свой облик» — то есть стать буддийской монахиней, принять постриг.

¹¹ «Три сокровища» (будд.) — Будда, его Учение («Закон») и община священнослужителей. Поклонение им совершается независимо от того, что одновременно адепт поклоняется каждому «сокровищу» в отдельности.

¹² «Путь, выше которого нет» — имеется в виду буддийское монашество.

¹³ Хусэ — одно из варварских государств к северу от Китая эпохи Ранняя Хань (202 г. до н. э. – 4 г. н. э.). Здесь — намёк на дочь китайского императора, выданную замуж за сына гунского вана.

¹⁴ Намёк на танского вельможу, затворившегося в башне Яньцзы в тоске по своей умершей накануне наложнице. Ситуация описана в стихах китайского поэта Бо Цзюй-и (772–846).

¹⁵ «Вступивший на Путь помощник Правого конюшего Хэй» — Тайра-но Тадамаса, дядя Киёмори, см. свиток II, гл. 12.

¹⁶ «Таё излевой Дворцовой гвардии» — Тайра-но Иэхиро, придворный чиновник XII в.

¹⁷ «Поменяли свой облик» — то есть приняли монашеский постриг.

¹⁸ «Шесть путей» (будд.) — миры, в которых пребывают живые существа в промежутке между их смертью и новым рождением: преисподняя, мир голодных духов, мир зверей и птиц, мир воинственных демонов *ашуэров*, мир людей и мир небожителей.

¹⁹ «Четыре способа рождения» (будд.) — рождение из утробы, из яйца, от сырости и путём превращений.

²⁰ «Просветление» — здесь: рождение в Чистой земле, вхождение в нирвану.

ГЛАВА 3

¹ «Восемь» — в переносном смысле: «великое множество».

² «Экипаж под тентом и с полуншторами» (подъёмной верхней половиной шторы) использовался для выездов императора.

³ «Дворец Тоба» — дворец, где проживал когда-то монашествующий экс-император Тоба (отрёкся от престола в 1123 г., умер в 1156 г.).

⁴ «Покойный экс-император» — имеется в виду экс-император Тоба.

⁵ Анракудзю — павильон в северо-восточной части дворца Тоба, где была отслужена по нему заупокойная служба.

⁶ «Закононаставник Кокё» — монашеское имя Тайра-но Мицухиро (см. свиток II, гл. 2, примеч. 28).

⁷ «Крытая каюта» в виде навеса устраивалась в кормовой части традиционного японского судна, приподнятой над основной палубой.

⁸ Застава Сума находится на побережье Внутреннего Японского моря, на северо-западе от г. Кобэ.

⁹ «Средний советник Юкихира» — Тайра-но Юкихира (?–893), потомок императора Хэйсэй (774–824), средним советником (*тёнагон*) стал в 882 г.

¹⁰ «Добывал соль из водорослей...» — в поэтической антологии X в. «Кокин вакасю» в разделе «Разные песни», есть стихотворение поэта Аривары-но Юкихира (№ 962), в котором сказано: «Песня была послана другу, служившему при дворе, когда Юкихира уехал в Сума, в край Цу, после какого-то происшествия в правление Государя Тамуры

Если спросят тебя,
что делаю я в этом мире, —
отвечай, что в Сума,

орошая рукав слезами,
соль из водорослей добываю...» (пер. А. А. Долина).

¹¹ Остров Авадзи находится во Внутреннем Японском море, в средние века часто был местом ссылки.

¹² Он-но Хайтэй — 47-й император Японии Дзюннин (759–764), внук императора Тэмму. Он — его личное имя, Хайтэй — прозвище. В 764 г. был смещён с престола и сослан на о. Авадзи, где в следующем году умер. В 1871 г. получил посмертное имя Дзюннин.

¹³ «Место ссылки» — буквально: «дальняя провинция» (*онгоку*).

¹⁴ Онгава — река в столице, в районе горы Арасияма. В верхнем течении она же называется Ходзугава, в нижнем — Кацурагава.

¹⁵ «Три высших сановника» (*санкёгэй*) — имеются в виду Первый министр (*Дайдзё дайдин*), Левый министр (*Садайдин*) и Правый министр (*Удайдин*).

¹⁶ «Без меры суетились» — буквально: «размахивали руками и не знали, куда ступить ногами».

¹⁷ Синсэй — см. свиток I, гл. 5, примеч. 1.

¹⁸ «Мелкие чиновники» — в тексте: *сю* («народ», «массы людей»). Этим словом обозначали чиновников 5-го и 6-го рангов.

¹⁹ «Разрушать печень» — то есть вносить панику, лишать людей смелости.

²⁰ Саймэй — императрица Японии, правившая в 655–661 гг. В 642–644 гг. царствовала под именем Кёгоку.

²¹ Сюсяку (Сюдзюку) — 61-й император Японии. На престоле — в 931–946 гг.

²² Тэнряку — девиз годов правления 62-го императора Японии Мураками (947–967 гг.).

²³ Исэ — здесь: синтоистский храмовый комплекс Исэ дайджингу, посвящённый культу богини Солнца Аматаэрасу Омиками, которая считается прародительницей императорского рода.

²⁴ Сиракава — 72-й император Японии. На престоле — в 1073–1086 гг. После своего отречения в пользу малолетнего сына оставался фактическим правителем страны.

²⁵ Хорикава — 73-й император Японии, сын и преемник Сиракава, возведённый на престол в возрасте 9 лет. На престоле — в 1087–1107 гг.

²⁶ Тэмму — 40-й император Японии (673–686), занявший престол после своего вооружённого восстания против предшественника.

²⁷ «Принц Отомо» — племянник императора Тэмму, сын императора Тэнти, правивший после смерти своего отца в течение 8 месяцев под именем Кобун (671–672), после чего покончил с собой в результате поражения его войска в сражении с войском дяди, поднявшего мятеж.

²⁸ Император Тэмму после смерти его брата не занимал престол. Вместо этого он удалился в монастырь, а через несколько месяцев заявил претензии на императорский престол и отвоевал его у своего племянника.

ГЛАВА 4

¹ «Пять мест кремации» усопших (*госаммай*) находились в разных около-столичных провинциях (Кинай).

² «Долина Абсолютной Истины» — (Ханьяно, от санскр. *праджня*) — место кремации, расположенное в провинции Ямато.

³ *Тё* — мера длины, в XIII в. 106,56 м.

⁴ «Пять кругов» — пять каменных блоков разной конфигурации, символизирующие разные сферы бытия.

⁵ «Министр» — в тексте иносказание: «три опоры, ворота из памелы». Так обозначали трёх главных чиновников Высшего государственного совета — Первого министра, Левого и Правого министров.

⁶ «Помощник Первого министра» — здесь: Левый министр.

⁷ *Фукэ* — прозвище крупного хэйанского чиновника Фудзивара-но Тададзанэ, см. свиток I, гл. 4, примеч. 5.

⁸ «Оказаться подо мхом» — то есть быть похороненным, умереть.

⁹ «Поздняя Хань» — императорская династия в древнем Китае. 25–220 гг.

¹⁰ «Левый министр Тоёнари» — сын Фудзивара-но Мутимаро (680–737), основателя Южной ветви рода Фудзивара, Левого министра.

¹¹ Сайкайдō — общее название девяти провинций о. Кюсю и двух прилегающих островов.

¹² Касуга — родовое синтоистское святилище рода Фудзивара, покровитель рода.

ГЛАВА 5

¹ Дзэндзёин — один из павильонов буддийского монастыря Кёфукудзи в г. Нара.

² «...оказал знаки почтения его светлости Пребывающему в созерцании» — имеется в виду дед господина Морунага, Первый министр Фукэ.

³ *Бива* — четырёхструнный музыкальный инструмент.

ГЛАВА 6

¹ Тисокуин — буддийский храм в Киото. Бывший Первый министр по дороге к месту ссылки хотел помолиться в нём о своём будущем.

² «Будды трёх миров» — то есть будды прошлого, настоящего и грядущего мира.

ГЛАВА 7

¹ Пресветлые Боги и Три драгоценности — имеются в виду синто и буддизм. См. свиток I, гл. 4, примеч. 10.

² Ёдогава — река, которая берёт начало в озере Бива и впадает в Осацкий залив.

³ *Тэнгү* — «небесная собака», сказочное существо с телом человека, красным лицом, крыльями за спиной и необычайно длинным носом. Обитает в горах.

⁴ Атаго и Такао — две горы в кiotоском районе Угёку.

⁵ Имеются в виду низкоранговые придворные чиновники, названные в тексте «разноцветными», поскольку им не позволялось носить фиолетовые или красные одеяния, закреплённые за придворными высших рангов.

⁶ «Северный лагерь» — помещение для отряда, охраняющего северную стену дворца.

⁷ «Девятивратная» — иносказательное обозначение столицы. Ракуё — Лоянь, одна из столиц древнего Китая. В переносном смысле — столица вообще, Хэйанкё. «Экипаж из Девятивратной Ракуё» — придворный конный экипаж.

⁸ *Катабира* — лёгкое кимоно без подкладки.

⁹ *Суйкан* — разновидность «охотничьего платья», *каригину*.

¹⁰ *Сяку* — мера длины, в XIII в. 29,6 см.

ГЛАВА 8

¹ «Лунные вельможи и гости с облаков» — поэтическое обозначение придворной аристократии.

² Сяо У — внук одного из ханьских императоров, отправленный в ссылку в наказание за распущенность, но впоследствии получивший позволение вернуться в столицу.

³ Чанги — местность к югу от реки Хуанхэ, современная провинция Хэнань.

⁴ Сюань-цзун — 6-й император династии Тан (на престоле — в 712–756 гг.). Уезжал из столицы в 755 г., спасаясь от мятежа Ань Лу-шаня (705–757). Шу — местность в провинции Сычуань.

⁵ Анкō считается 20-м императором Японии (454–456).

⁶ В XIII свитке «Анналов Японии» («Нихон сёки», 720 г.) об этом написано так: «Осенью 3-го года, в день Мидзуноэ-гацу 8-го месяца, когда новолуние пришлось на день Киноэ-сару, государь был убит владыкой Маёва» (Т. 1. С. 342). Убийца императора заявил, что он мстил своему дяде за смерть отца, на вдове которого тот был женат.

⁷ Судзюн (Сусюн) — 32-й император Японии (588–592). В борьбе сторонников принятия буддизма с их противниками активно поддерживал первых.

⁸ Императора Сусюна убил некто Кома, подсланный влиятельным царедворцем Сога-но Сукунэ.

⁹ «Второй губернатор» — чиновник, исполнявший обязанности губернатора во время его отсутствия.

¹⁰ Наосима — небольшой островок во Внутреннем Японском море, в районе г. Тамано современной префектуры Окаяма.

¹¹ «Два часа» (*токи*) в старом исчислении равнялись 4-м современным часам.

¹² Размер обычного участка столичного вельможи равнялся приблизительно одному гектару.

¹³ «Мудрец, обзирающий провинции» — то есть бродячий монах.

¹⁴ *Кагура* — синтоистские действия с музыкой и танцами. При дворе императрицы для их исполнения отводился специальный павильон Найсидокоро, в

котором обычно располагались службы женского штата двора. Исполнители *кагура* не имели доступа в императорский дворец.

¹⁵ «Неотёсанные варвары» — здесь: вооружённые стражи.

¹⁶ Курсивом выделен отрывок текста, заимствованный из антологии 1013 г. «Вакан рōэйсю» («Собрание японских и китайских стихотворений для декламации»).

¹⁷ *Суйкан* — просторный халат с широкими рукавами, напоминающий «охотничье платье» (*каригину*).

¹⁸ Сидо — городок в провинции Сануки.

¹⁹ «Танец пяти» (*госэцу, госэти*) — пляска, исполнявшаяся группой из пяти танцовщиц во время придворной церемонии вкушения риса нового урожая. «Свет изобилия» (*тоё-но акари*) — обряд, совершавшийся при дворе на другой день после церемонии вкушения императором риса нового урожая.

²⁰ «Тронное имя» — имя, под которым царствовал император.

²¹ «Золотая долина» — иносказательно: «загородные владения». Названы так по аналогии с Чжэньгу, местом расположения загородных резиденций императоров в древнем Китае.

²² Намёк на предание о Су У (см. свиток II, гл. 7, примеч. 47), который из неволи подавал домой вести о себе, прикрепляя письма к крыльям перелётных птиц, диких гусей, перелетающих с севера на юг.

²³ «У вороны побелеет голова, а у лошади вырастут рога» — выражение заимствовано из «Исторических записок» Сыма Цяня.

²⁴ «Император Сага» (786–842) — 52-й император Японии, знаменитый поэт и каллиграф.

²⁵ «Император Хэйдэй» (774–824) — 51-й император Японии, старший брат Сага. Свергнут в результате мятежа Фудзивара-но Кусуко (?–810). На престоле — в 806–809 гг.

²⁶ «Дальняя ссылка» — самая тяжёлая из трёх видов ссылки (ближняя, средняя и дальняя), предусмотренных хэйанским законодательством (уложение «Энгисики», 905 г.).

²⁷ Трипитака — буддийский канон. Состоит из 3-х частей: сутры, *шастр*ы и *винай*и, включающих проповеди Будды Шакьямуни, комментарии к ним и правила монашеской дисциплины. В 1-й части к важнейшим относятся сутры: «Лотосовая», «Алмазная», «Сутра о нирване», «Об абсолютном просветлении».

²⁸ Омуро — другое название храма Ниннадзи в Киото.

²⁹ «Обладатели ворот из софоры и гробниц предков» — в переносном смысле: три высших министра: Первый, Левый и Правый.

³⁰ «Яшмовое тело» — иносказательно: «император»; в данном случае Новый экс-император так назвал самого себя.

³¹ «Места к югу от реки» — так, по китайской модели, названы южные провинции. В Китае так обозначали земли по южному берегу реки Янцзы.

³² «Провинция странствий» — иносказательно: «место ссылки», «провинция Сануки».

³³ «Белояшмовый мудрец» — так Новый экс-император называет самого себя.

³⁴ «Драконовым углом» называли восточно-юго-восточный участок неба.

³⁵ «Островами Чертовых морей» называли северную часть архипелага Рюкю.

³⁶ Корё — одно из трёх государств в средневековой Корее (X–XIV вв.).

³⁷ «Государство киданей» — средневековое государство на территории современной Внутренней Монголии.

³⁸ «Три дурных Пути» (или Мира, будд.) — Путь преисподней (санскр. *нарака*), Путь голодных духов (*према*) и Путь животных (как воплощения жадности и глупости), родиться на которых можно под воздействием дурной кармы.

³⁹ «Двадцать шестой день 8-й луны 2-го года правления под девизом Тёкан» — 14 сентября 1164 г.

⁴⁰ «Сокрыться окончательно» — то есть умереть.

⁴¹ Если покойный превратился в мстительного духа, дым от его кремации, потянувшийся в сторону его противников, может, по японским верованиям, принести им неисчислимые беды.

⁴² «Годы правления под девизом Дзисё — 1177–1180 гг.

⁴³ *Хōин* — «печать Закона», высший сан в буддийской иерархии. Кэдзōин — один из павильонов храма Ниннадзи.

⁴⁴ «Глициниевые одеянья» — имеются в виду траурные одежды.

⁴⁵ Девизы правлений: Нимпэй (Нимпё) — 151–1153 гг., Кюдзю — 1154–1155 гг.

⁴⁶ Нинъан, 3-й год — имеется в виду 1168 г.

⁴⁷ «Закононаставник Сайгё (Сайгё-хōси) — один из самых известных поэтов-странников японского средневековья. В 1168 г. совершил паломничество к могиле бывшего императора Сутоку в провинции Сануки. Годы жизни — 1118–1190.

⁴⁸ «Раковина» — здесь: раковина крупного моллюска харонии (яп. *хорагай*). Отделанную золотом раковину буддийские монахи (в особенности отшельники *ямабуси*) используют как духовой инструмент.

⁴⁹ *Нэмбуцу* — сокращение от *Наму Амида буцу*, возгласения имени будды Амитабха. Знак благочестия буддистов амидаистских сект.

⁵⁰ «...звучание множества камней» — имеются в виду плоские, слегка выпуклые плиты из твёрдого камня, которые должны издавать звуки во время буддийских служб.

⁵¹ Это стихотворение вошло в сборник Сайгё-хōси «Горная хижина» («Сан-касю», средний свиток), где оно предваряется прозаическим вступлением: «Когда люди навестили августейшую могилу экс-императора Коноэ, она была покрыта обильною росой». Император Коноэ был преемником Сутоку на престоле.

⁵² «Великая богиня, Освещающая Небо» — богиня Аматаэрасу. В тексте: Тэнсё-дайджин.

⁵³ «Непревзойдённый император-иннок» — имеется в виду экс-император Тоба.

⁵⁴ В реке Минсусо покойный пребывает в сакральном смысле. Подразумевается, что он находится среди сонма богов.

⁵⁵ «Ворота Нестарения» — ворота в северной стене, которой обнесён павильон Тоёракуин императорского дворца. Названы так в подражание воротам Булаомэнь в Лояни, столице древнего Китая.

⁵⁶ Хōрай (кит. Пынлай) — согласно старинной китайской легенде, гора бессмертия, расположенная далеко в восточном океане.

⁵⁷ Стихотворение вошло в сборник Сайгё «Горная хижина» (нижний свиток), в котором снабжено прозаическим введением: «Прибыл в Сануки. В бухте Мацуяма разыскивал следы жившего здесь экс-императора, но ничего не осталось». «Лодка» — иносказательно: Новый экс-император.

⁵⁸ Это стихотворение также помещено в сборнике «Горная хижина». Прозаическое вступление к нему гласит: «В местности Сираминэ пришёл поклониться могиле государя». Основная тема стихотворения — непостоянство всего сущего, тщета человеческих желаний.

⁵⁹ «Упадок» — здесь: «эпоха конца Закона», последняя из трёх эпох в истории буддийского учения, время деградации и злобы, наступившее, по представлениям японских буддистов, в середине XI в.

⁶⁰ До принятия монашеского пострига (1140 г.) Сайгё-хōси служил при дворе, когда император Сутоку ещё находился на престоле.

⁶¹ «Роса» — один из буддийских символов непостоянства сущего.

⁶² Кōнин — 49-й император Японии (709–781; на престоле — в 770–781).

⁶³ «Столичные города назначались разумно» — в древней Японии столицу переносили на новое место каждый раз после смерти очередного монарха.

⁶⁴ Камму — 50-й император Японии (737–806; годы правления — 782–806). При нем, в 784 г., столица была перенесена из Нара в Нагаока, а через 10 лет — в специально построенный город Хэйанкё (современный Киото), где она оставалась до 1868 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало «самурайского эпоса»	5
-----------------------------------	---

СКАЗАНИЕ О ГОДАХ ХОГЭН

СВИТОК I	19
----------------	----

Глава 1. О восшествии на престол экс-императора Госиракава	19
Глава 2. О паломничестве монашествующего экс-императора в Кумано, а также о его августейших сетованиях	23
Глава 3. Кончина экс-императора-инока	25
Глава 4. О том, как был задуман августейший заговор Нового экс-императора	27
Глава 5. О том, как разделились верные двору войска	32
Глава 6. О пленении Тикахино с его отрядом	34
Глава 7. О мятеже Нового экс-императора и о мнении Внутреннего министра относительно победы над врагом	35
Глава 8. О том, как Новый экс-император изволил вызвать Тамэёси	38
Глава 9. О том, как господин Левый министр поехал в столицу	40
Глава 10. О том, как были созданы правительственные войска	41
Глава 11. О том, как все ворота во дворце экс-императора были укреплены, а также об оценке войска	41
Глава 12. О том, как полководец с шумом поднимался на холм и о появлении кометы	47
Глава 13. О том, как сосредотачивались правительственные войска и о поездке государя во дворец Сандзё	49

СВИТОК II	57
-----------------	----

Глава 1. О том, как Ёситомо собирался предпринять ночную атаку на дворец Сиракава	57
Глава 2. О взятии приступом дворца Сиракава	63
Глава 3. О том, как потерпели поражение Новый экс-император и Левый министр	74
Глава 4. О том, как утром дотла сожгли пристанище врагов	78
Глава 5. О том, как господин канцлер вернулся к себе в Управление	80
Глава 6. Об уходе в монахи Нового экс-императора	81
Глава 7. О конце жизни Левого министра и о сетованиях Первого министра государства	83
Глава 8. О том, как некоторые мятежники были вызваны и схвачены	86
Глава 9. О пострижении в монахи принца Сигэхито	87
Глава 10. О том, как скорбел Новый экс-император	88
Глава 11. О том, как сдался Тамэёси	88
Глава 12. О том, как были казнены Тадамаса, Иэхиро и другие	93
Глава 13. О последних днях Тамэёси	95
Глава 14. О том, как были казнены младшие братья Ёситомо	99

СВИТОК III	101
Глава 1. О том, как Ёситомо лишился всех малолетних братьев	103
Глава 2. О том, как бросили госпожу из Северных покоев у Тамэёси ..	109
Глава 3. О том, как Новый экс-император изволил переехать в провинцию Сануки	113
Глава 4. Об опознании останков господина Левого министра	116
Глава 5. О дальних странствиях детей Левого министра, а также и заговорщиков	118
Глава 6. О поездке Первого министра государства в столицу	120
Глава 7. О том, как взяли живым и отправили в отдалённые места Тамэтомо	121
Глава 8. О том, как Новый экс-император принял обеты, а также о его кончине	125
Комментарии	135

В 1999 году издательство «Гиперион» в серии «Литературные памятники древней Японии» выпускает в свет книгу

**«ОКАГАМИ»
(«Великое зеркало»)**

*Я — старое зеркало,
Во мне видны
Императоры, их потомки
Чередой —
Не скрыт ни один.*

На закате «золотого века» японской традиции и культуры — эпохи Хэйан (794–1185), в предчувствии более суровой и мужественной «самурайской эры» японцы ощутили потребность осознать себя. Было создано несколько произведений — жизнеописаний выдающихся людей эпохи. Наиболее ярким сочинением этого жанра японцы считают анонимное «Великое зеркало», ставшее образцом для дальнейших подражаний. Оно было написано либо в середине, либо в конце XI в., а по другой версии — в XII в. Это композиционно сложное произведение представляет собой серию жизнеописаний императоров и высших сановников государства из рода Фудзивара с 850 по 1025 гг. Герои «Великого зеркала» действуют в других классических произведениях: в «Повести Исэ», в «Повести Ямато», в «Дневнике эфемерной жизни», в «Повести о славе» и др.; стихотворения, сочиненные ими, включены в знаменитые антологии «Собрание новых и старых японских песен», «Поздний сборник» и т. д. «Великое зеркало» написано в жанре «беседы посвященных», воспоминаний двух фантастических старцев, свидетелей событий незапамятной древности.

Полный комментированный перевод памятника будет опубликован впервые.

Вступительная статья, перевод и комментарии Е. М. Дьяконовой.

ХӨГЭН МОНОГАТАРИ

Сказание о годах Хөгэн

Ответственный редактор *С. В. Смоляков*

Редактор *В. И. Лобачевский*

Корректор *В. И. Лобачевский*

Переплет *В. Л. Ротбардт*

Сдано в набор 20. 05. 96.

Подписано в печать 30. 01. 99

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. п. л. 11.

Заказ 81

Лицензия ЛР 064324 от 23 ноября 1995 г.

Издательство «Гиперион»

199178, Санкт-Петербург, Васильевский Остров, Большой пр., 55

Отпечатано в ГИПП «Искусство России»

198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная 38, корп. 2

